РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

Сергей Плеханов

СВЯТОСЛАВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Москва • Книжный мир • 2014

Плеханов Сергей
СВЯТОСЛАВ – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР. (Серия «Русской славы имена»)– М.: Книжный мир, 2014. – 288 с.

ISBN

Киевский великий князь Святослав стал первым строителем Русского многоэтнического государства, основу которого составили восточно-славянские племена. Держава, созданная князем-воином, простиралась от Белого моря до Болгарии и превосходила по своим размерам империи Карла Великого и Византийскую. Разгромив Хазарский каганат, Святослав устранил препятствие для расширения Руси на восток. Только его ранняя гибель остановила это движение, возобновившееся лишь пять столетий спустя. Автор рассматривает войны Святослава в контексте титанической борьбы языческого Севера против империй Юга.

В славянских землях процесс борьбы христианства и язычества был прерван азиатским нашествием. Татаро-монголы, сокрушившие государственные и военные структуры Руси, огненным смерчем прошли по Венгрии, Чехии и Польше, докатились до Вены, искупали коней в Адриатическом море у Сплита. В этих условиях христианская церковь оказалась единственной силой, цементировавшей единство народа. Эта великая миссия собирания раздробленных сил нации полностью изменила место и значение церкви в жизни славянства. В огненном тигле монгольского ига переплавились языческое и Христово наследие, из кровавой купели поднялась обновленная Святая Русь.

На примере ожесточенной полемики вокруг установки памятников великому князю Святославу автор показывает, что история по сей день остается ареной борьбы. Великое противостояние началось не сегодня – возвращение к его истокам позволит понять закономерность происходящих на наших глазах эпохальных геополитических сдвигов.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN

© С.Н. Плеханов, 2014
© Книжный мир, 2014

В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: на небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури, проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-Спасителя. Я решился не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, но поведать о них в назидание потомкам, если Провидению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить образ мира сего.

Лев Диакон. История

Сергей Плеханов

СВЯТОСЛАВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Предисловие

НЕ МИР, НО МЕЧ...

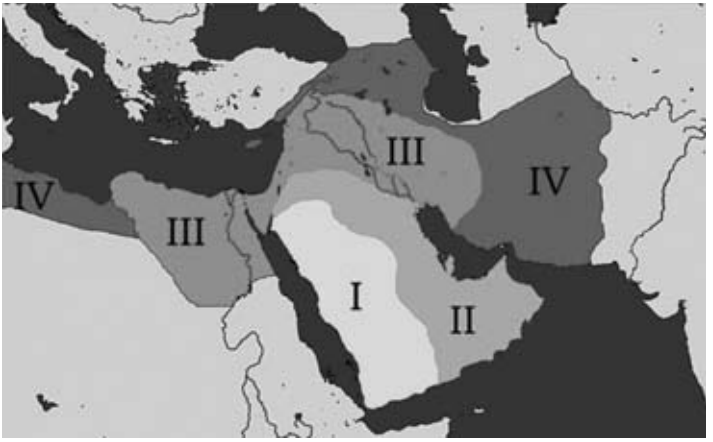
Причины возникновения первой славянской империи нельзя понять вне исторического контекста эпохи, основным содержанием которой была идеологическая и военная экспансия южных империй против языческого Севера. Не претендуя на воссоздание всеобъемлющей картины событий, я хочу привлечь внимание читателя к ряду фактов, которые часто поминаются в исторических трудах, но никогда не рассматривались в своей совокупности. Внезапное нападение викингов на монастырь святого Кутберта в Линдисфарне (северо-восточное побере-

жье Англии) в 793 году синхронно с активизацией славян на противоположном конце линии, по диагонали разделявшей Европу на христианский и нехристианский миры. Линия эта примерно соответствовала *лимесу* – укрепленному рубежу Римской империи. Внезапными эти события могут представляться лишь тем историкам, кто с излишней доверчивостью принимает объяснения средневековых хронистов, усматривавших в нашествии язычников проявление воли Провидения.

Но ведь набегам северных варваров (принимаю подобную терминологию христианских писателей лишь в силу ее общеупотребительности) предшествовало массированное давление на язычников со стороны двух великих христианских империй – франкской державы Карла Великого и Византии. Первая, вторгшись в пределы саксов и подунайских славян, проводила насильственную христианизацию. Вторая уничтожила незадолго перед тем зародившееся славянское государство Склавинию.

Ряд фактов говорит в пользу того, что происходившие в конце VIII – начале IX века войны вдоль линии лимеса были не отдельными конфликтами местного значения, но являются эпизодами двухвековой войны между языческим Севером и христианским Югом. Отвлекусь, однако, на время от этих событий, ибо для уяснения первопричины их необходимо бросить взгляд в более отдаленное прошлое.

За полтора века до описываемых событий началась первая из великих религиозных войн, время от времени перекраивавших карту мира. Я разумею арабскую экспансию под знаменем ислама. С 30-х годов VII века по 30-е годы VIII века в результате вооруженного натиска последователей Мухаммеда территория христианского мира сократилась в несколько раз. Потеряв самые богатые и людные страны – Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, половину Малой Азии, Кипр, Сицилию и Пиренейский полуостров — могущественные некогда христианские державы являли к концу описываемого периода узкую полосу земли от Бискайского залива до Эгейского моря, ограниченную с севера Балканами, средним течением Дуная и Рейном.



I – территория, контролируемая мусульманами на момент смерти пророка Мухаммеда (632 г.); II – завоевания при Абу-Бакре (632-634 гг.); III – завоевания при Омаре (634-644 г.); IV – завоевания при Османе (644-656 гг.)

За одно лишь столетие богатые и влиятельные церкви Востока – Александрийская, Иерусалимская, Антиохийская – превратились в робкие конгрегации «иноверцев», вкрапленных в массу мусульманского населения. Положение, в котором оказался христианский мир, я бы уподобил экологической катастрофе. Как ныне сокращение ареала обитания какого-то вида животных в результате воздействия индустрии и сельскохозяйственного освоения земель чревато исчезновением этого вида, так и в судьбах культуры и человеческих сообществ могут возникать пограничные ситуации: достигается тот критический предел, переходить который нельзя, ибо за ним – небытие, распад, поглощение более сильным конкурентом.

Уместно назвать подобное положение вещей «ситуацией домино». Она не раз повторялась в истории. Удар по одному звену в цепи культур приводил к подвижке всех остальных звеньев. Чтобы уцелеть, каждая из них, подвергшаяся натиску сильного соперника, начинала искать слабые места у соседей, дабы восполнить за их счет потерянное. Так было во время Троянской войны (XIII век до Рождества Христова): после падения Трои началась подвижка всех племен Малой Азии с Запада на Восток и с Севера на Юг. Народы и племена – потерпевшие поражение союзники троянцев, теснимые ахейскими греками – лавинообразно обрушились на Хеттскую империю и сокрушили ее; другая их часть,

известная из египетских текстов как «народы моря», двинулась на побережья Египта и Палестины.

Ситуация домино возникла и после арабской экспансии. Христианский мир, не сумевший отстоять жизненно важные области Средиземноморья, был поставлен перед необходимостью подчинения Севера. Существовавшее в течение нескольких веков относительное равновесие вдоль лимеса было нарушено. Началась вторая война под религиозным знаменем.

Но что дает мне основание говорить о всеобъемлющем, глобальном характере этого конфликта? Не имели ли христианские империи Юга перед собой разрозненные племена и государства, поодиночке противостоящие натиску?

Прежде всего необходимо отметить широкие связи между народами Севера. Ныне никто не станет оспаривать существование «циркумбалтийской цивилизации», археология установила поразительное сходство культур, сложившихся по окружности «Средиземного моря северян» – (так иной раз называют Балтику). Мало того, в результате нарушения равновесия, на христианско-языческом порубежье произошла подвижка племен, приведшая к взаимопроникновению, или, говоря современным языком, интернационализация идеологии Севера.

Восемьдесят процентов керамики древнего Пскова принадлежит к тому же типу, что и керамика балтийских славян, населявших земли

от сегодняшнего Гамбурга до Гданьска. А предания новгородцев о том, что их предки – варяги? Да ведь это воспоминания о переселении с южного побережья Балтики! Само название Новгорода – откуда оно? Нов – по отношению к чему? К Старграду – важнейшему религиозному и экономическому центру славян близ теперешнего Гамбурга. Именно в конце VIII века, когда усилилось давление франков на Нижнем Рейна, и появляются признаки балтийской культуры на месте сегодняшнего Новгорода.

Кроме удивительного соответствия культов древних скандинавов и славян, можно привести и такие параллели: северные воины – берсерки практиковали обряд хождения босиком по кострищу. Точно такой же встречается на другом конце «дуги напряженности» – у балканских огнеходцев. Там и там поклонялись богам-всадникам, противниками которых являлись змеи. Удивительны стилевые соответствия поэзии скандинавских скальдов и славянских песнотворцев (в «Слове о полку Игореве» сражающиеся воины названы пьющими «кровавое вино»). Даже названия «витязь» и «викинг» говорят о едином происхождении; русское слово «дружина» родственно германскому *druhti* – «вооруженный отряд». О совместных военных предприятиях германцев и славян мы можем судить по саге о йомских викингах, служивших у славянского князя. Сам Йомсбург (близ нынешней германо-польской границы) являл собой обра-

зец воинского интернационала, известного нам еще по сочинениям Цезаря и Тацита: военные вожди набирали себе отряды из храбрецов любого племени, отозвавшихся на их зов. Тайные воинские союзы Mannerbunde, зародившиеся в начале новой эры, стали основой формирования языческого рыцарства Севера – связанные между собой вековыми традициями, они образовали как бы общую кровеносную систему различных племен.

В течение первого века спровоцированной христианским Югом борьбы языческий Север добился значительных успехов – были захвачены Англия, северное побережье Франции, базы норманнов появились в Средиземноморье, славяне глубоко вклинились в пределы Византийской империи.

Но в этот исторический момент, когда судьба христианской цивилизации была поставлена, казалось бы, под вопрос, начинаются неожиданные процессы в недрах языческого мира. На изгибе «дуги напряженности» в Паннонии и Моравии приходят к власти князья, которые склоняются к принятию религии Юга. Именно в центре Великоморавской державы Велеграде и появляются византийские миссионеры, приглашенные князем Ростиславом, – братья Кирилл и Мефодий. Похоже, моравский государь последовал совету святого Ремигия, данному им королю франков Хлодвигу (V век): «Сожги все, чему ты поклонялся, поклонись всему, что ты сжигал».

Моравия стала плацдармом, с которого христианство проникает вглубь северной цивилизации. В середине X века новую религию принимают прибалтийские князья, в 966 году крестился польский князь Мешко, в 974 году – датский король Харальд Синезубый, около 976 года – сын норвежского короля Олаф, в 985 году – венгерский герцог Геза.

Я сознательно говорю о крещении князей, а не земель, которыми они управляли. Эта первая волна крещений результатов не даст – повсюду попытки ввести новую религию отвергались народом. Например, норвежский конунг Хакон Добрый, правивший в середине X века и предложивший своим подданным креститься, получил недвусмысленный отказ. Вот как об этом повествует сага: «Асбьерн из Медальхуса в Гаулардале поднялся, чтобы ответить на речь конунга. “Конунг Хакон, мы, бонды, думали, – начал он, – что небо снизошло на землю, когда ты впервые был на тинге здесь, в Трандхейме, и мы провозгласили тебя конунгом, а ты вернул нам наш одаль... Если же ты захочешь осуществить свое намерение, не считаясь ни с чем, и применишь против нас силу и принуждение, тогда все мы, бонды, как это уже решено между нами, откажемся от тебя и выберем себе другого вождя, который будет так править нами, что мы сможем свободно исповедовать ту веру, какую хотим”».

У нас на Руси первые князья крестились еще в последней трети IX века – это Аскольд и Дир,

правившие в Киеве до Олега. Известно, что и мать Святослава княгиня Ольга была христианкой. Все они приняли крещение в Константино-

Олег показывает маленького Игоря Аскольду и Диру. Миниатюра из Радзивилловской летописи (XV век)

поле, однако приобщить к новой вере свою землю не смогли.

Чем же объяснить это странное положение? Ведя борьбу против христианского Юга, опираясь на массу, целиком преданную традиционным верованиям, князья необъяснимым образом начинают изменять собственному знамени. Ответ надо искать в обстоятельствах этой вековой войны.

Для всякого большого военного предприятия во все времена народы шли на определенные жертвы во имя усиления армии и укрепления тыла. Мобилизации экономического потенциала сопутствовало ограничение свобод и усиление роли военных во всех областях жизни. Нет сомнений, что это справедливо и для древних обществ.

У славян и германцев князь традиционно стоял ниже жреца. То же самое видим у всех индоевропейцев (первой по значению кастой в древней Индии почитались *брахманы*, а воины – *кшатрии* – второй). На мысе Аркона, в священном городе славян Поморья даже в XII веке жрец почитался выше князя. Это объяснялось тем, что служители культа являлись как бы гарантами коллективной памяти своего племени – они вели протоколы вечевых сходов (у славян) и тингов (у скандинавов), были хранителями их архивов.

В периоды обычных войн, как можно предположить, не возникало необходимости концентрировать в одних руках всю военную и админи-

стративную власть. Чрезвычайная длительность и тяжесть религиозной войны IX-X веков продиктовала именно такое развитие. Став реальным главой своего племени, своего государства, князь не обладал, однако, достаточной юридической и идеологической базой для оформления своих претензий и на формальное главенство. Жречество не могло дать такой санкции, ибо выражало интересы веча, тинга – институтов народоправства. Любой претендент на единодержавие рассматривался в контексте правовых и религиозных понятий древних демократий как узурпатор, и неподчинение ему вытекало из всего строя мыслей человека северной цивилизации.

Только одна идеологическая система того времени давала искателю единовластия опору для обоснования своих притязаний – христианство. Таким образом, встреча князя-язычника и миссионера из Рима или Константинополя становилась неизбежной.

Если первая волна крещения князей стала лишь фактом их биографий, то вторая, пришедшаяся на рубеж X-XI веков, оказалась судьбоносной для тех государств и народов, которые пребывали под властью новокрещенных монархов. Русь, Венгрия, Польша, Дания, Норвегия, Швеция одновременно подвергаются христианизации.

Но и за этой волной следует откат – по всей языческой Ойкумене полыхают антихристианские контрперевороты и восстания. Громят церк-

ви и монастыри в Венгрии, изгоняют христиан из Поморья. Олаф Трюгвассон, позднее причисленный к лику святых, постоянно силой оружия смиряет народ, бунтовавший против служителей религии Юга. Саги, записанные уже в христианскую эпоху, недвусмысленно рисуют методы обращения в новую веру: «После открытия тинга слово взял конунг и потребовал, чтобы народ принял христианство. От имени бондов на речь конунга отвечал Скегги Железный. Он сказал, что бонды хотят, как это и прежде было, чтобы конунг не нарушал их законов. “Мы хотим, конунг, – говорил он, – чтобы ты совершил жертвоприношение, как это делали конунги до тебя”. После его речи поднялся одобрительный шум. Бонды кричали, что они хотят, чтобы все пошло так, как говорил Скегги. Тогда конунг говорит, что он хочет поехать в храм и посмотреть их обычаи, когда они будут совершать жертвоприношение. Бондам это понравилось, и обе стороны поехали в храм...

И вот конунг Олаф едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олаф поднял отделанную золотом дубинку, которую он держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи,

перед дверью, ведущей в храм, был убит Скегги Железный. Это совершили люди конунга. Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбирать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скегги в войске бондов не осталось предводителя, который подал бы знак к нападению на конунга Олафа. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олаф велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у бондов заложников, чтобы они придерживались христианства...

В Годей, на фьорде, который называется Салпти, жил бонд по имени Рауд Сильный. Рауд был очень богат, у него было много слуг. Он был могущественным человеком... Конунг Олаф взял там великое множество денег золотом и серебром и другого имущества, оружия и различных драгоценностей. Всех людей Рауда конунг велел окрестить; тех, кто не хотел креститься, он велел убить или замучить...»

Еще круче обходился с приверженцами старой веры венгерский король Стефан, правивший в первой трети XI века, также впоследствии объявленный святым.

Наш креститель Владимир Святославич, ставший диктатором по праву сильного, но не имевший законных прав на великокняжеский престол, поначалу следовал вере отца и даже демонстрировал неприязнь к христианству. Но элита и простой люд все-таки видели в нем

отпрыска рабыни (Малуши, ключницы княгини Ольги, с которой Святослав «приспал» сына), к тому же хорошо знали об обстоятельствах коварного убийства Владимиром старшего брата Ярополка, законного наследника Святослава и легитимного верховного правителя Руси. Осознав, что преданное старине общество так и не примет его, привело Владимира к мысли о том, что с переменою веры он превратится в самодержца по божественному праву, то есть постольку, поскольку сам признал над собой высшую власть. Естественно предположить, что в его окружении нашлись люди, которые помогли отыскать ключ к такому решению. В этой связи гораздо лучше начинаешь понимать известный летописный рассказ о выборе веры Владимиром – он настойчиво искал путей легитимации своего правления. Получив божественную санкцию, узурпатор превратился в законного монарха, вся предшествовавшая история становилась как бы небывшей, а отсчет новой истории начинался с самого Владимира.

Здесь я подхожу к самому загадочному эпизоду нашей древней истории. Пришедший на смену Владимиру Святополк объявляется убийцей своих братьев Бориса и Глеба, и на этом основании ему присваивается прозвище Окаянный, что, по распространенному мнению, привело к исчезновению имени князя-преступника из восточнославянского именослова. Все на первый взгляд предельно просто. Но насторажива-

ет одно обстоятельство, давно подмененное исследователями – Святополками называют своих сыновей и много десятилетий спустя потомки Ярослава Мудрого, того самого, который сверг Святололка и изгнал его из страны. Имя того, кто заклеймен как убийца первых русских святых, носит внук Ярослава, сын Изяслава Ярославича (скончался в 1112 году, то есть почти через сто лет после своего «криминального» тезки), в той же ветви Ярославичей еще через три поколения появляется новый Святополк (умер в 1190 году); праправнук Ярослава – потомок другого его сына, Всеволода, также носит имя «святоубийцы» (умер в 1154 году). Только после этого Святополки исчезают из великокняжеских родословных. Следовательно, окаянство того первого Святополка было установлено не раньше середины XII века.

Теперь о самом прозвище великого князя, получившего престол в силу старшинства и совершенно не имевшего мотивов для устранения соперников – их просто не могло быть в политической ситуации, сложившейся после смерти Владимира. Даже если бы он и в самом деле оказался братоубийцей, вовсе не обязательно было пригвождать его к позорному столбу истории столь энергичным определением. Мало ли было братоубийц до и после него! Тому же Владимиру, предательски убившему старшего брата, законного государя, это не помешало удостоиться причтения к лику святых.

Ответ на эту загадку может дать аналогия с двумя византийскими императорами, также увенчанными бранными титулами (присвоили их, разумеется, хронисты, жившие после смерти этих государей). Я имею в виду Юлиана Отступника (IV век) и Константина V Копронима, правившего с 741 по 775 год. Первый известен тем, что попытался уравнять древнее язычество в правах с христианством. А второй, прозвище которого в буквальном переводе значит Говноименный, известен своей борьбой с иконопочитанием, грозившей утратой политического влияния церковной иерархией, а также против монашества – черноризцев он называл «мраконосителями». Не было в византийской историографии имени более ненавистного, чем этот император-иконоборец. Полагаю, что столь исступленное отношение именно к религиозным противникам, свойственное греческому духовенству (оно составляло влиятельное большинство и на Руси), продиктовало и присвоение прозвища Святополку. То был князь – противник христианства, попытавшийся восстановить позиции старой веры, бывшей духовным знаменем его деда, разгромившего могущественных противников, греков и хазар, исповедовавших родственные монотеистические религии, воспринимавшиеся на славяно-германском Севере, как идейную основу тирании. Именно поэтому Святополк и был задним числом дискредитирован как братоубийца – одних идеологических

аргументов было явно недостаточно для наложения табу на это имя.

Параллельно с дискредитацией Святополка происходило массовое прославление лиц княжеской крови. Тем самым церковная иерархия как бы соблазняла представителей правящих династий возможностью посмертного блаженства. Когда это происходило? На исходе XII века. Что же вызвало столь активную фабрикацию святых? Быть может, Русь настолько прониклась новым вероучением, что благодать, снизошедшая на ее князей, поставила их в исключительное положение в сообществе тогдашних европейских монархов? Вовсе нет – аналогичный процесс происходил во всей Восточной и Северной Европе: особенно результативными оказались поиски святых королей и королев в Венгрии: не говоря уже о Стефане, сонм их пополнился целым десятком имен. Происходило то, что несколько раньше творилось у франков – в IX веке аббат Пасхазий Радберт ликовал: «Повсюду в этом королевстве имеются святые, и они побуждают один другого творить чудеса, подобно тому, как петухи на заре перекликаются друг с другом».

Теперь отвечу на поставленный выше вопрос: почему именно на исходе XII века церкви скандинавских и восточноевропейских стран дюжинами отправляли в рай давно и недавно почивших владетельных особ и одновременно чернили память реставратора язычества? Нет сомнений, что христианство потерпело поражение в борьбе

за Север. Началось возвратное движение к старым верованиям не только среди народа, но и в верхнем этаже социальных структур – политическим выражением отхода от идеи единовластия была усилившаяся тяга к отпадению отдельных земель, а идейными памятниками этого периода стали «Слово о полку Игореве» (конец XII века), совершенно языческое по духу и стилистике, саги Севера.

В подтверждение своего вывода я могу сослаться и на данные археологии. Сравнительно недавно, в 1985 году, московские археологи произвели раскопки на горе Богит (Гусятинский район Тернопольской области Украины), там, где находилось святилище со знаменитым Збручским идолом. Вот их выводы: после недолгого запустения на рубеже X-XI веков происходит новый подъем активности жречества – святилище растет, возводятся новые постройки, приносятся жертвы, появляются новые богатые вклады (источником их могли быть только владетельные княжеские дома). Пик этого подъема приходится именно на XII век, но жертвы приносятся до самого XVII столетия!

Весьма интересные факты можно почерпнуть при анализе житийной литературы. Так, житие Евфросинии Полоцкой, написанное в начале XIII века, сообщает, что героиня этого произведения, дочь полоцкого князя, родившаяся в первые годы XII века, получила языческое имя Предислава. После своего крещения она становится

одной из первых поборниц христианства. Скончавшись в Киеве в 1173 году, она была погребена в Печерском монастыре, а вскоре причислена к лику святых – третьей по счету женщиной в русской церкви. Замечу, что почти одновременно сподобившиеся этой чести мать Святослава Ольга и Анна, жена Ярослава Мудрого, также принадлежали к правящей династии. Если через 130-140 лет после крещения Руси Владимиром дочери правителей княжеств принимали христианскую веру и это обставлялось такими пропагандистскими эффектами, мы вправе сделать вывод об уникальности подобных ситуаций.

Массовое отступничество после полутора столетий христианской жизни? В этом нет ничего удивительного. История донесла до нас и более поразительные факты. В войсках славянских князей, сражавшихся в конце VIII века против Византии, действовали отряды скамаров – греков-повстанцев, отказавшихся от христианства. И это через четыре с половиной века после эдикта Константина I, объявившего религию Нового Завета государственной во всей империи! И это несмотря на жесточайшие кары к отступникам – к примеру, вождь скамаров, захваченный в бою, подвергся по приказу Константина V ужасающему наказанию: ему отрубили руки и ноги и живым вскрыли, чтобы врачи могли наблюдать жизнедеятельность человеческого организма; после этого он был сожжен.

Про консерватизм народных масс и говорить не приходится: у вятичей, по данным археo-

логии, до XIV века прослеживается языческий обряд трупосожжения. О слабости христианства в этот период свидетельствуют и такие факты – на горе Шленже в Польше, где располагалось одно из главных языческих святилищ, идолы не уничтожаются даже в XIII-XV веках – чтобы нейтрализовать их влияние, рядом возводят церкви и часовни. Память о страшном по жестокости восстании 1038 года, произошедшем после начала погрома славянских святилищ на рубеже X-XI веков, видно, еще несколько столетий обжигала церковников. То же видим и на священной горе моравских славян – Радгосте, названной так по имени божества, – поблизости от капища возводится часовня в честь святителей Кирилла и Мефодия, но требы совершаются и там, и там.

Не были ли крестовые походы, первый из которых организован папством на исходе XI века, продиктованы желанием отвлечь военное сословие новокрещенных стран от участия в антихристианском движении, нараставшем на Севере? Возможность обогатиться в процветающих странах Востока была хорошей альтернативой борьбе против уже истощенного Юга. Папы верно сумели отвести накопившуюся на Севере энергию: став ударной силой Рима, рыцари Германии, Венгрии, Польши, Моравии подобно долго сжимаемой пружине молниеносно взломали границы Византии и Халифата, сокрушили попутно государства южных славян. Следо-

вавшие одни за другими, эти походы привели к обескровливанию старой военной аристократии Севера. Кстати сказать, один из походов был направлен против восточного славянства, в наибольшей степени сохранившего приверженность прежним богам.

Но крестовые походы не сняли с повестки дня задачу искоренения языческих структур. Уйдя в подполье, жречество продолжало направлять духовную жизнь народов Севера. Только в городах, где проживало незначительное меньшинство, позиции христианства были прочными. Как во все времена религиозных переворотов, наиболее консервативной частью населения оказались крестьяне. Особенной же приверженностью к старой вере отличались женщины (аналогичная ситуация наблюдалась и в советскую эпоху, в период массового отхода от религии). Именно этим и объясняется новый круг репрессий, обрушившихся на тайных и явных приверженцев язычества. С конца XIV века заполыхали костры инквизиции, уничтожавшей ведьм. То были не фантомы, родившиеся в воспаленных мозгах духовной полиции – на кострах корчились жрицы несдавшегося язычества. Два века репрессий и казней наконец сломили хребет древней религии...

В славянских землях процесс возрождения язычества был прерван азиатским нашествием. Татаро-монголы, сокрушившие государственные и военные структуры Руси, огненным

смерчем прошли по Венгрии, Чехии и Польше, докатились до Вены, искупали коней в Адриатическом море у Сплита. В этих условиях христианская церковь оказалась единственной силой, цементировавшей единство правящих классов. Она способствовала выживанию национальной элиты, стала тем институтом, который обеспечил вызревание идей сопротивления. Эта великая миссия собирания раздробленных сил нации полностью изменила место и значение церкви в жизни славянства.

«Не думайте, что я пришел принести мир на землю, не мир пришел я принести, но меч», – эти слова Иисуса, донесенные до нас евангелистом (Мф 10:34), могли бы стать эпиграфом к истории водворения христианства на Севере. Но приняв вместе с народами северного мира мученический венец в годы нашествия варваров, «греческая вера» стала сопричастницей судеб славянства. В огненном тигле татарщины переплавились языческое и Христово наследие, из кровавой купели поднялась обновленная Святая Русь.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ВУКОЛЕОНСКИЙ ДВОРЕЦ

С наступлением ночи в покои императора Никифора, как обычно, пришла его супруга Феофано. Сообщив о прибытии невест из Болгарии для ее августейших сыновей Василия и Константина, она сказала, что должна позаботиться о девушках, и попросила не запирать двери опочивальни.

Проводив августейшую жену полным обожания взглядом, самодержец направился к богатому иконостасу и опустился на колени перед образами. Шкура барса, распростертая на полу императорской опочивальни, часто заменяла Никифору пышное ложе, разобранное постельничим для сна. Предаваясь размышлениям о Священном Писании, великий воитель не раз забывался на пятнистой шелковистой шкуре в глубокой дреме. Так случилось и в эту полночь, когда водяные часы *клепсидры* возвестили о наступлении одиннадцатого декабря девятьсот

шестьдесят девятого года от Рождества Христова.

Феофано вопреки своему обещанию не вернулась в опочивальню. С едва скрываемым волнением она расхаживала по комнатам гинекея – женской половины дворца. Время от времени она скрывалась за шторой и подолгу простаивала у окна, всматриваясь в непроглядную тьму, скрывавшую воды Босфора. В неверном свете фонарей, раскачиваемых свирепыми порывами ветра, можно было разобрать только мятущиеся кроны деревьев да тучи снега, низвергающиеся с небес.

Когда клепсидры показали четвертый час ночи, августа порывисто дернула шнурок звонка. Вполголоса сказала возникшему в дверях евнуху:

– Пора.

Тот поднял край тяжелого ковра, закрывавшего одну из стен спальни, и из открывшейся тесной каморки молча выбрались несколько бородачей, опоясанных мечами. Щурясь на свет, они вопросительно смотрели на Феофано.

Не произнося ни слова, императрица знаком поманила за собой вооруженных людей и, неслышно ступая по коврам, прошла по темному переходу к массивным дверям. Рядом поспешал евнух. Едва он нажал на бронзовую ручку замка, как одна из створок распахнулась и поток холодного воздуха со снегом взметнул полы златотканых одежд императрицы. Завывание ветра и плеск волн ворвались в дремотную тишину

дворца.

Быстро выбежав один за другим на площадку, обнесенную балюстрадой, бородачи столпились у края. Внизу во тьме волновался Босфор. Только облепленные снегом огромные статуи выступали из мрака. Украшающее набережную изображение льва, терзающего быка, казалось теперь неким мрачным знамением: едва ли не у каждого из молчаливых меченосцев шевельнулось в душе острое чувство тревоги – кто он сам в этот миг? Хищник, напружинившийся перед последним ударом, или жертва, сведенная судорогой предсмертного ужаса...

Свист, раздавшийся со стороны пролива, едва пробился сквозь завывание ветра и металлический стук обледенелых ветвей по стене дворца. В непроглядную тьму с балкона скользнула корзина на веревке. Когда канат напрягся, все, кто толпился у балюстрады, вцепились в него и, быстро перебирая руками, потащили наверх невидимый груз. Через несколько мгновений над мраморным ограждением показалась закутанная в плащ фигура, а в следующее мгновение неизвестный открыл лицо и с кошачьей ловкостью выпрыгнул из корзины.

Таким образом втащили на смотровую площадку дворца еще несколько человек. Последним из них оказался невысокий широкогрудый мужчина. Откинув капюшон плаща, он открыл узкое лицо, отороченное рыжей бородой. Цепкий взгляд голубых глаз на мгновение задержал-

ся на фигуре евнуха. Энергично отведя рукой от лица рассыпавшиеся белокурые волосы, рыжебородый властно проговорил вполголоса:

– Лодку я отпустил, так что возвращаться некуда...

И первым шагнул в покои дворца.

На короткий миг прикоснулся губами к руке Феофано, ожидавшей за дверью, и уверенно двинулся по коврам в сторону императорской опочивальни.

Когда один за другим бесшумно втянулись в спальню и окружили ложе, у кого-то вырвался сдавленный возглас:

– Его нет. Назад...

– Бросился в море, – панический шепот, казалось, заполнил пространство, слабо озаренное светом лампад иконостаса.

Голубые глаза обожгли яростным взглядом лица сообщников, перекошенные мгновенным ужасом.

– Вот он, – шепотом крикнул евнух императрицы, забежавший за ложе. Трясущиеся пальцы его указывали на грузную фигуру императора, распростертую на шкуре. Никифор спал, положив лицо на согнутую в локте левую руку. Правая, откинутая в сторону, с беззащитно раскрытой могучей дланью, лежала на красном войлоке, устилавшем пол. Рядом валялись четки из слоновой кости.

В одно мгновение паника сменилась исступленной радостью. Отталкивая друг друга, заго-

ворщики бросились к императору и принялись что есть мочи пинать его ногами, на голову и спину спящего обрушились удары тяжелых ножен. Когда очнувшийся от сна Никифор обратил к нападавшим иссеченное морщинами темное, как бы продубленное, лицо, один из них нанес ему сильнейший удар мечом и рассек череп. Обливаясь кровью, император с трудом встал на колени и громовым голосом воззвал:

– Матерь Божья, помоги!

Рыжебородый коротышка с размаху опустился на постель самодержца и со спокойной яростью велел сообщникам притащить к нему Никифора.

Император уже настолько ослабел от страшной раны, что не мог стоять на коленях и повалился навзничь, продолжая призывать Богородицу на помощь.

Рыжебородый развалился на скомканном покрывале и, возвысив голос, заговорил, постепенно раскаляясь от собственных слов:

– Скажи, безрассудный и злобный тиран, не я ли, Иоанн, прозванный Цимисхием, возвел тебя на ромейский престол? Не мне ли ты обязан верховной властью, которой упивался шесть лет и четыре месяца? Как же посмел ты, косматый каппадокиец, забыть об этом благодеянии и отрешить меня от командования войсками Востока? Ты отправил меня в деревню, дабы я проводил время в обществе мужиков, вместо того, чтобы по-прежнему наводить страх на врагов

империи и вселять отвагу в сердца ее доблестных воинов...

Иоанн схватил императора за черную с проседью бороду и принялся безжалостно терзать ее, с силой мотая окровавленную голову Никифора из стороны в сторону. Сообщники его наносили по лицу жертвы беспорядочные удары рукоятями мечей.

– Перед этой десницей дрожали полчища богоненавистных агарян, – воскликнул Иоанн, вскинув вверх руку с обнаженным мечом. – И ничто не спасет тебя от нее...

Обрушив на императора свой меч, Цимисхий рассек его череп надвое и, отбросив оружие, резким кивком головы приказал заговорщикам довершить истязание.

Мечи и острый как жало акуфий – род изогнутого копья – еще долго терзали уже бездыханное тело.

Когда через неделю Иоанн Цимисхий направлялся из Большого дворца в храм Святой Софии, улицы были запружены толпами народа, возбужденного известием о предстоящей коронации шестидесятого императора Византии. Кавалькада, возглавляемая новым самодержцем, во весь опор неслась по мощеным улицам. Завидев красные сапоги – издалека заметный знак императорского достоинства – чернь восторженно ревела. Сподобившиеся лицезреть щедрого воителя, сменившего прижимистого Никифора, крестились и повторяли вслед за псаломщиками:

«Вот восходит утренняя звезда! Бледная смерть сарацинов, Иоанн властитель! Многая лета самодержцу Иоанну!»

И волнами нарастая по мере приближения процессии к Храму Премудрости Божией неслось отовсюду: «Многая лета, многая лета, многая лета!»

Когда оруженосец Иоанна начертал стрелой на колонне храма год начала нового царствования, к Цимисхию, которого патриарх Полиевкт только что увенчал императорской диадемой, подлетел кто-то из придворных и сладким голосом пропел:

– Да подаст тебе Бог победу в этом году над безбожными росами.

В сознании Иоанна всплыла картина, увиденная несколько недель назад, когда он только что вернулся в Константинополь из ссылки. Тяжелые цепи из огромных звеньев, обледеневших в тех местах, где их касались волны пролива, тянулись от башни городской стены через устье бухты Золотой Рог к Галате, укрепленному предместью столицы на противоположном берегу. Сопровождавший Иоанна эпарх, начальник службы порядка, объяснил, что цепь натянута по распоряжению Никифора дабы преградить судам росов путь в гавань Константинополя. Тогда только и осознал Цимисхий размеры опасности, нависшей над империей.

Пребывая в войсках, сражавшихся против арабов в Сирии, Иоанн склонен был считать из-

вестия об угрозе со стороны северных варваров не стоящими внимания. Вторжение россов в Болгарию, произошедшее несколько лет назад, казалось издалека одним из тех многочисленных набегов, что беспрестанно терзали империю. К тому же он склонен был считать, что Никифор созна-

Вторжение Святослава в Болгарию

тельно преувеличивает размеры опасности, дабы умалить подвиги доблестных войск Востока.

Только увидев размах военных приготовлений в столице, Цимисхий понял, что ему, вероятно, придется лично участвовать в предстоящей борьбе.

Эти мысли не оставляли его все то время, пока конная процессия медленно двигалась от Святой Софии по ипподрому. Глядя на выстроившиеся в линию реликвии, напоминавшие о великом прошлом империи – вывезенный Юлианом Отступником из Египта обелиск фараонов, медную колонну из храма Аполлона в Дельфах, представлявшую трех сплетенных змей, возносящийся выше всех обелиск с медными барельефами, сооруженный по повелению императора Феодосия, Цимисхий думал о том, что в те времена, когда воздвигались эти памятники, держава была в несколько раз больше и никто даже не слышал имени народа, сегодня угрожавшего Константинополю.

Первой его заботой по окончании коронационных торжеств стала подготовка к отражению неприятеля. Вызвав к себе всех, кто мог бросить свет на обстоятельства, приведшие к столкновению с росами, Иоанн предложил прежде всего изложить все, что известно о происхождении этого варварского племени, о населяемой им стране, об обычаях и верованиях, о приемах ведения войны и наконец о князе Свендославе, возглавляющем росов.

Первым заговорил патриарх Полиевкт. Пламенный взгляд его глубоко запавших глаз, энергичная речь плохо вязались с телесной немощью старца.

– Да будет тебе ведомо, самодержец, что говорит божественный Иезекииль: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». Реченное через пророка подтверждает святой Иоанн в Апокалипсисе: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань». Живем мы, братия, в последние времена, ибо близка к исходу тысяча лет от Воплощения Бога нашего Иисуса Христа...

– В Библии еще что-нибудь есть о росах? – деловито спросил Цимисхий.

Патриарх отрицательно покачал головой с таким выражением, что всем стало ясно: он считает эти свидетельства вполне исчерпывающими.

– Дозвольте мне сказать, кесарь, – обратился к Цимисхию катепан – наместник – Фракийской фемы, области, пограничной с Болгарией.

Суть предложений катепана сводилась к тому, что нужно поручить чиновникам, занимающимся приемом иностранных посольств, опросить сведущих людей – лазутчиков, побывавших на территории Болгарии, занятой сейчас росами, купцов, бывавших в стране северных варваров, иноземцев из местностей, сопредель-

ных с державой Свендослава. На основании таких расспросов можно было бы подготовить связную справку по интересующим императора предметам. Со своей стороны наместник Фракии вызвался предоставить нескольких переводчиков, знающих славянские языки и бывавших на Дунае, где ныне расположены основные силы архонта русов богоненавистного Свендослава.

Самодержец признал предложение разумным, и спустя две недели Цимисхию была представлена обстоятельная записка о росских делах.

Будучи человеком практичным, Цимисхий едва удостоил вниманием многословные рассуждения некоего книжника о Гоге и Магоге, помещенные в начале свода. Его больше занимали выдержки из сочинений разных авторов, писавших о прежних нашествиях росов на Ромейскую державу, а также свидетельства очевидцев, побывавших в славянских землях.

...В Житии святого Георгия Амастридского, писанном сто пятьдесят лет назад боговидцем митрополитом Игнатием, так о сем народе повествуется, на Амастриду, град Понтийский, обрушившемся:

«То, что следует далее, и еще более удивительно. Было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже

одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого готового противостоять. Лугам, источникам, деревьям воздается поклонение. Верховный промысел допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль».

Из чего следует вывод: люди сии, Светом Божественным непросвещенные, против святой церкви воинствуют и ниспровержение ее первой своей доблестью почитают. О том же и блаженный патриарх Фотий говорит, когда нашествие росов на Константинополь описывает, каковое в 860 году по Божественному соизволению свершилось:

«...Я вижу, как народ грубый и жестокий окружает город, расхищает городские предме-

стья, все истребляет, все губит – нивы, жилища, пастбища, стада, женщин, детей, старцев, юношей – всех поражает мечом, никого не жалея, ничего не щадя. Всеобщая гибель! Он, как саранча на жатву и как плесень на виноград, или, лучше, как зной или тифон, или наводнение, или не знаю, что назвать, напал на нашу страну и истребил целые поколения жителей...»

О тех же безбожных росах император Константин Багрянородный пишет в сочинении «Об управлении государством». Глава IX целиком посвящена варварскому сему племени. Поименована она «О росах, приезжающих из России на однодеревках в Константинополь»:

«Однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Немогарды, в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата. Данники их Славяне, называемые Кривитеинами и Лендзанинами, и прочие Славяне рубят однодеревки в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с наступлением весны, когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как озера эти соединяются с рекой Днепр, то оттуда они сами и входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают Руссам. Руссы, покупая лишь самые колоды, расснащивают старые однодеревки, берут из них весла, уключины и про-

чие снасти и оснащают новые. В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витичев, подвластную Руси крепость. Подождав там два-три дня, пока подойдут все однодеревки, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру... и приходят к так называемой Крарийской переправе, где Херсониты переправляются на пути из Руси, а Печенеги – в Херсон. Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому, а вышиною от его низа до того места, где сидят союзники, так что долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему Печенеги приходят и на это место и нападают на Руссов. Пройдя это место, они достигают острова, называемого св. Григорием, и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные приносят куски хлеба, мяса и что имеет каждый, как требует от него обычай. Насчет петухов они бросают жребий, – зарезать ли их (в жертву), или съесть, или пустить живыми. От этого острова Руссы уже не боятся Печенега, пока не достигнут реки Селины. Затем, двинувшись от этого острова, они плывут около четырех дней, пока не достигнут лимана, составляющего устье реки; в нем есть остров св. Эферия. Пристав к этому острову, они отдыхают там два-три дня и опять снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами, мачтами и реями, которые привозят с собою. А так как лиман, как

сказано, составляет устье реки и доходит до моря, а со стороны моря лежит остров св. Эферия, то они оттуда уходят к реке Днестру и, благополучно достигнув ее, снова отдыхают. Когда наступит благоприятная погода, они, отчалив, приходят к реке, называемой Белою, и, отдохнувши там подобным образом, снова двигаются в путь и приходят к Селине, так называемому ответвлению (рукаву) реки Дуная. Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут Печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит однодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять Печенегам. От Селины они никого уже не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная. От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине, – все эти места находятся в Булгарии, – от Дичины достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание».

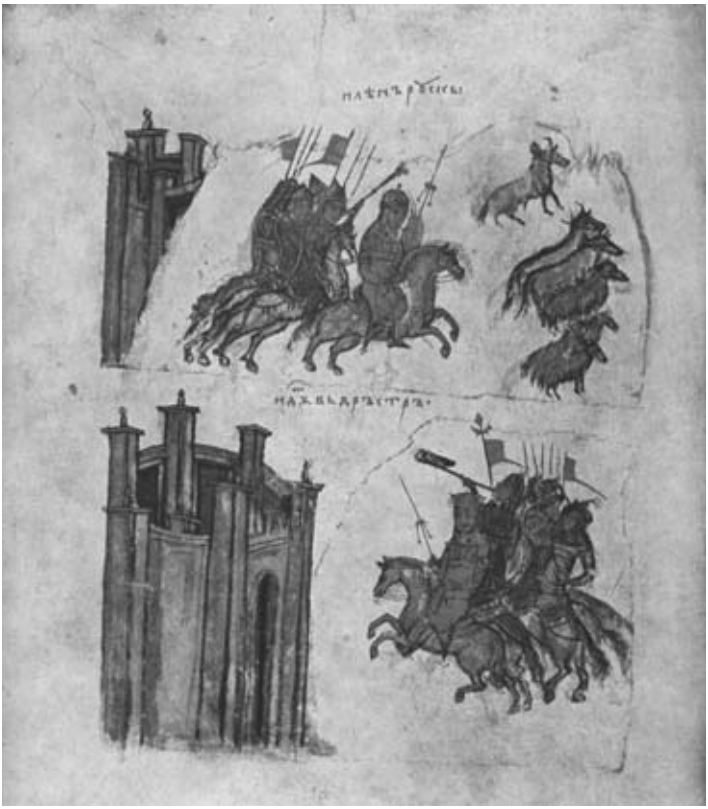
Писано сие в 950 году. С той поры обычаи росов не переменились, что подтверждают купцы, с торговыми нуждами в Киеве бывающие. Не далее как в прошлом году вернулись оттуда несколько достойных мужей, от коих расспросные листы взяты. Все они показывают, что нынешний архонт росов Свендослав – закоренелый язычник, над христианской верой ругается и своих одноплеменников от нее отвращает. Даже матери своей, княгине Ольге, в 955 году

от патриарха Феофилакта крещение принявшей, всячески противодействовал. Церковь Святого Николая, что в Киеве тщанием местных христиан выстроена была, разрушить повелел.

Сверх того об архонте росов известно следующее: от роду ему около тридцати пяти лет, после смерти родителя его, князя Игоря, воспитывал Свендослава старый сподвижник отца Асмуд, выходец из северных стран. То был суровый воитель, с юных лет он прививал своему воспитаннику любовь к походной жизни. Нынешний князь все детство провел среди дружинников, деля свое время между воинскими упражнениями и охотничьими забавами. Родительница его, судя по всему, крестилась в Константинополе из соображений политики, ибо ничего не сделала для христианского просвещения собственного отпрыска и своего народа. Она и сама как истая язычница предавалась охотничьим утехам – по всей земле русов есть ловища, для княгини устроенные.

Пять лет назад Свендослав совершил поход на Восток, в земли славян, которые прежде были данниками хазарского кагана, и привел их под власть русов. Затем князь направил свои войска против Хазарии и разгромил в сражении самого кагана, а столицу его разрушил. Разорив множество городов хазарских, пронесся он, словно бич Божий, по землям алан и касогов и подошел к Меотиде, где занял хазарские крепости и поставил свои отряды.

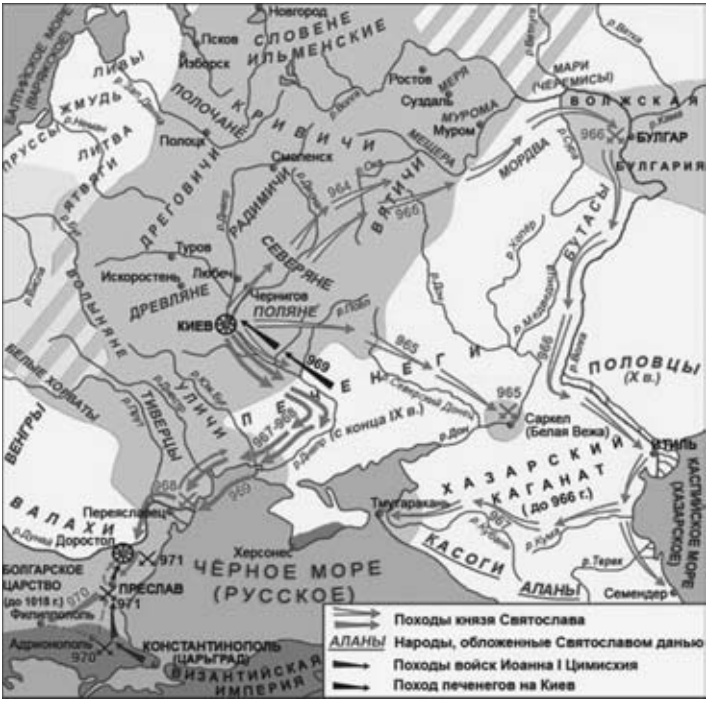
Таким образом безбожный сей Свендослав стал угрожать нашим владениям в Тавриде. Покойный император Никифор рассудил, что такое соседство ничего хорошего не предвещает – зная ненасытность архонта русов к воинским подвигам и завоеваниям, следовало ожидать его вторжения и в Херсон. Оттого и созрела у Никифора мысль отвлечь Свендослава от дерзких намере-



Миниатюра из Ватиканского манускрипта XIV века (хроника XII века Константина Манассия). Вверху изображено завоевание Святославом Болгарии, внизу – поход Иоанна Цимисхия на Доростол.

ний. Для этого он решил направить в Киев с секретной миссией Калокира, сына херсонесского стратига. Сей молодой муж хорошо знает порядки в стране русов, ибо не раз бывал там с отцом, а, главное, обнаружил незаурядный ум и умение ладить с варварами. Приняв все это в соображение, покойный император почтил его высоким титулом патрикия – не столько, может быть, из-за высокой оценки Калокировых достоинств, сколько ради придания веса его миссии в глазах Свендослава.

Главной приманкой для варварского правителя, которая заставила бы его отказаться



Походы князя Святослава на хазар и в Болгарию

от нападений на Херсонес, могла стать Болгария. Правящий ныне царь Петр давно сделался игрушкой в руках тех сил, которые настроены против империи. Именно по их внушению он не раз пропускал через болгарские земли полчища венгров, направлявшиеся грабить Македонию и Фессалию. В ту пору, когда нам приходилось вести войну против сарацин на Крите и в Сирии, эти безобразные язычники точили нож для удара в спину нам. Ничего не было бы лучше, чем отплатить им той же монетой и натравить на них Свендослава. Наши фемы в Европе вздохнули бы свободно, и угроза Константинополю была бы отведена.

Калокиру было вручено тысяча пятьсот фунтов золота для передачи Свендославу, дабы побудить русов к вторжению в Болгарию. По всей видимости, варвары не устояли перед блеском золота. В августе 967 года войско киевского архонта появилось на устье Дуная, а через несколько дней обложило Малый Преслав, который русами именуется Переяславлем.

Чтение записки о русских делах было прервано главным евнухом – паракименоном Василием. Войдя в покои Цимисхия, он попросил прощения за то, что оторвал его от дел, но, сославшись на важность полученных известий, попросил дозволения представить императору гонца, только что явившегося из пограничной фемы Фракии.

Первыми словами прибывшего были:

– Блаженнейший август! Великая важность сведений, добытых лазутчиками, побывавшими в болгарской столице Преславе, заставила меня, оставив все дела, без отдыха мчаться средь волнующейся стихии... При дворе царя Петра, плененного русами, обретается патрикий Калокир. Предводитель полчищ русов, стоящих в этом городе, Сфенкел, неизменно пирует в компании Калокира. От людей, бывавших на этих застольях, слышали мои соглядатаи: хвастался Калокир, что заключил с самим Свендославом договор, диавольское коварство патрикия облачающий – за помощь в завоевании престола признает он право Свендослава владеть всей Болгарией, а также озолотит его сверх меры от казны императорской...

Цимисхий отшвырнул пергамент, который только что читал. Кровь бросилась ему в лицо: случилось то, чего он страшился – появился претендент на престол, занятый им силой. У него нет еще настоящей поддержки в армии и в народе, далеко не везде удалось насадить своих людей... Да, искатель престола, опирающийся на огромную силу русов – это похуже чем племянник убитого Никифора, только что объявивший себя императором. Мятежник опасен, но справиться с ним может один из стратигов, а вот со Свендославом придется сразиться самому Иоанну...

ПЕРЕЯСЛАВЕЦ НА ДУНАЕ

Послы с поклонами ставили перед Святославом дары – сундуки и шкатулки, свернутые трубкой шелка, отливающие всеми цветами радуги дамасские мечи и богато отделанные седла. Великий князь, сидя на кончике трона, нетерпеливо покусывал ус – бесконечная церемония донельзя надоела ему. Встретившись с испытующим взглядом одного из греков, Святослав подумал, что у людей императора не только миротворческая задача, наверняка среди многочисленной посольской челяди немало соглядатаев, желающих выведать настроения русских. Вот и сейчас, наблюдая за

Портрет Святослава Игоревича из Царского титулярника

отношением князя к дарам, хитрый грек пытается понять его нрав.

Святослав протянул руку за мечом, положенным на ступеньку возле трона, провел пальцем по замысловатой гравировке лезвия. Затем осмотрел все богатое оружие, подаренное императором. Остальные подношения он удостоил лишь беглого взгляда. Пусть многомудрый соглядатай передаст своему государю, что усмотрел у дикаря (ведь так они разумеют славян, да и вообще всех не христиан) лишь страсть к оружию, что, следственно, влечет его война, а не мирное вкушение благ земных. Не повредит, если Цимисхий решит, что такого кровожадного язычника можно смирить лишь уступками, а не дарами.

Это уже второе посольство от нового императора. Святослав наслышан, что у Иоанна немалые трудности из-за Варды Фоки, племянника убитого императора Никифора. Когда покойный самодержец посылал в Киев Калокира, он намеревался с помощью русских свалить враждебного ромеям болгарского царя. Когда сам он стал жертвой заговора, Святослав сделался той силой, от которой

Портрет Святослава Игоревича из Царского титулярника XVII в.

зависит внутренний порядок империи. Надавит на Фракию и Константинополь, и Цимисхию будет уже не до борьбы с Вардой Фокой, тоже обувшимся в красные сапоги – знак императорского достоинства. Тогда войска Востока уйдут под Царьград, и мятежный полководец соберет под свои знамена всех недовольных, всех, кто мечтает о возвышении.

Цимисхий постоянно засылает лазутчиков – не раз ловили здесь греков или болгар-христиан, одетых по русскому обычаю. Вот и зачастившие посольства – они тоже хотят выведать все об обычаях, о нравах Руси, а больше всего о самом Святославе, потому и доносили князю: спрашивали изобличенные в соглядатайстве о родителях, о воспитателях его, о вере русской. Знает князь, что распространяют греки вздорные слухи об особой жестокости славянских воинов. Читал ему Калокир и сочинения, где русские походы на империю как нашествие кровожадной саранчи представлены. Чего только не приписано воинам Севера, но порождены эти басни теми военными обычаями, что в самой Византии ведутся: десяткам тысяч побежденных императоры повелевают глаза выколоть, отрезают носы, вскрывают заживо, чтоб видны были содрогающиеся внутренности жертв. Не-ет, никогда не были славяне столь бессмысленно жестоки. Они крушат капища христианского бога, это правда, но на то есть у них причины...

Да, все, что могут рассказать о русах соглядатаи Цимисхия, Святослав знает. А вот о нем

самом... Любопытно было бы послушать, что доводят до ушей кесаря эти пронырливые расспросчики. В войске, конечно, ходит много всяких баек и про Игоря, отца Святослава, и про Олега вещего и про Асмуда. Великий князь и сам путает иной раз, что помнит об отце и что запало в память из рассказов старших дружинников и матери...

Святослав едва дотягивается до конского стремени привстав на носки. Обернувшись на отца, встречается с его требовательным взглядом. Игорь перепоясан тяжелым мечом, который почти касается земли, отчего кряжистая фигура отца кажется приземистой. На иссеченном морщинами темном лице молодо сияют синие глаза. Стоящий рядом жрец также пристально глядит на ребенка. Игорь и его ближайший советник ждут, как проявит себя наследник – робким или настойчивым. И когда мальчик решительно дернул за стремя, к нему тут же кинулся один из дружинников и посадил в седло. Гул одобрения прошел по рядам воинов, смотревших на первое приобщение княжеского отпрыска к воинскому делу. А когда Святослав не только сумел удержать в руке тяжелое копье, но даже бросил его вперед на аршин от себя, дружина и вовсе возликовала...

Жарко топятся печи во дворце, гудит в трубах ветер. Мутный свет едва пробивается через

затянутые пузырем оконца. Мать рассказывает Святославу о своей родине: там не то, что в Киеве, там теперь снег лежит по грудь и дети, вместо того, чтобы прятаться от дождя в теремах, катаются на салазках по залитому береговому склону и по ледяному полю, покрывшему реку Великую. Когда Святослав подрастет, они обязательно поедут к его деду, знатному псковичу, и тогда он сам увидит, сколь прекрасны ее родные места. Мальчик грезит: как мчится в санях по замерз-

Князь Игорь собирает дань с древлян в 945 году («Полюдье») (К.В. Лебедев)

шему Днепру в далекую северную сторону, как сопровождающие его верховые дружинники то и дело уносятся вперед, завидев лисицу или оленя в прибрежном кустарнике. Топот множества ног прерывает его полудремотные думы, чей-то негромкий голос роняет слова: ... Игорь... убит... казнен... Короткий и страшный крик матери...

Святослав сидит на гнедом коне. По сторонам от него возвышаются седоусый Асмуд в шлеме и кольчуге и Свенельд, совсем молодой, одетый в просторную полотняную рубаху, с обнаженным бритым черепом, как бы поделенным надвое ниспадающей с темени русой прядью. Впереди – частокол копий, конница древлян замерла перед схваткой. И снова, как в день своего посвящения в воины, Святослав поднимает тяжелое древко и бросает копье между ушей коня. Вырвавшись из его взмокшей ладошки, копье вонзается в землю

Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря.
(В. Суриков, 1915)

перед головой гнедого, и сразу, отскочив от камня, ударяет в ногу коня. Седло разом уходит из-под Святослава, но Свенельд на месте. Могучей рукой осадив перепуганное животное, он зычно возглашает: «Князь начал! И мы пойдем!» Святослава еще не успевают снять с гнедка, а белая рубаха Свенельда и золотистая кольчуга Асмуда уже уносятся туда, где исполчилась вражеская рать. Лавой проносятся мимо Святослава конные воины, яростно вскидывая копья и в нечеловеческом крике раздирая рты...

Святослав стоит перед огромной кладкой из сухих бревен, над которой возносится оскаленная пасть дракона – навершие носовой части ладьи. Только что жрецы провели по помосту над бревнами двух любимых коней Игоря. И вот они появляются вновь с окровавленными ножами в руках. Свенельд, наклонившись к Святославу, поясняет происходящее: в той жизни князю понадобится все то, что окружало его на земле, потому и кладут вместе с ним в могилу оружие, одежду, коней... А по помосту шатаясь идет юная наложница, убранная как на свадьбу: в богатых монисто, в золотых подвесках, в венке из первых луговых цветов. Она тоже будет сопровождать Игоря в вечность, говорит Свенельд. Огромный костер поглотил ладью. Нестерпимый жар отогнал толпу от места погребения князя. Огромные обугленные бревна взлетают как тростинки над морем огня и, ударяясь о землю, рассыпа-

ются кучами багряных углей. Когда в небе над костром мелькнула черная птица, кто-то сказал позади Святослава: во-он, полетела в рай душа нашего князя...

У подножья свеженасыпанного кургана на расстеленных коврах сидят вкруговую волхвы, родня князя, самые близкие его сотоварищи. Дальше на травянистом лугу расположились тысячи людей. Передают из рук в руки турьи рога, окованные серебром. Когда сосуд с хмельным медом снова доходит до Святослава, мальчик отрицательно трясет головой, и главный волхв легким кивком утихомиривает назойливого усача, который сует рог юному князю. Взяв тяжелый поминальный кубок, жрец медленно отпивает из него, а остатки выливает на желто-бурую глину

Похороны знатного руса. По мотивам рассказа Ибн Фадлана о встрече с русами в 921 году. (Г. Семирадский)

у основания кургана. «Смотри!» – говорит он, протягивая рог Святославу. Его темный старческий палец медленно скользит вдоль чеканки, покрывающей край. – «Здесь рассказано о том, что станет с каждым из нас, когда мы переселимся в иной мир. Как пробивается трава из-под снега, так и человек после короткого сна пробудится для нового бытия. Жизнь то замирает, то возрождается». Святослав внимательно следит за объяснениями волхва, эти странные цветы на серебре, оказывается, обозначают времена года, мужское и женское начала, от которых берет исток все под небом, а вот этот пронзенный стрелой человечек – властитель подземного мира, который пытался похитить богиню плодородия, а эти свившиеся в клубок волки знаменуют вечную борьбу между солнцем и тьмой. «Жизнь – это война?» – спрашивает мальчик, указав на грызущихся зверей. В тот же момент могучие руки Свенельда подхватывают его. «Вы слышали?! – с восторгом восклицает воин. – Князь молвил великое слово! Жизнь – это война!» Участники трапезы вскочили на ноги и громовым эхом отозвались: «Жизнь – война!» «Ты будешь настоящим князем», – жарко дыхнув в лицо Святослава, сказал Свенельд...

Вот и настал тот день, о котором мечталось – Святослав едет зимним Днепром на север. Нестерпимо блестит снег под февральским солнцем. Под медвежьей полстью тепло в возке,

только щеки и нос пощипывает легкий морозец. Рядом с мальчиком только старый волхв, мать осталась в Киеве, теперь она сама княжит, как с едва скрытой неприязнью говорит Свенельд. А вот и он – несется навстречу на сером в яблоках коне. То и дело он отрывается вперед, чтобы посмотреть, не грозит ли что князю.

– Боюсь, как бы смерды не придумали какую-нибудь каверзу. Недавно здесь дружина в полюдье шла...

Этот ежезимний объезд земель для сбора дани в княжескую казну не раз вызывал бунты и разбои. Так и отец Святослава Игорь, взяв дань с древлян и решив, что не добрал, пришел вдругорядь под их город Искоростень. Там и нашел он свой конец – подвергли его восставшие мучительной казни: к двум согнутым березам привязали...

– Ежели пошалила где дружина, – объясняет Свенельд, – людишки на всяком княжьем человеке обиду выместить ищут.

– Так зачем же они своих гнетут? – спрашивает Святослав. – Неужто нельзя добычу в иных краях взять?

– Толково, – хвалит Свенельд. – Мечом все добудешь. Да только не всегда боги удачу дают в чужой земле, там тоже охочи за счет других поживиться...

– А, так мы со своих смердов сбираем, чтоб от тех, кто посильнее, откупиться? – догадывается Святослав.

Свенельд только кряхтит в ответ, потирая выбритый подбородок.

Добрались-таки и до материнской вотчины – Пскова-города. Над утонувшими в сугробах бревенчатыми избами столбами поднимаются дымы, снег гулко хрустит под копытами лошадей и полозьями саней, а у Великой катаются в сугробах голые красные люди, объятые облаками пара. Одни скрываются в крохотных избушках, другие вылетают им навстречу.

– Еще не то увидишь, князь, – подмигнул возница. – Ужо возьмем тебя в баню, натерпишься – веником тебя березовым до костей истреплют...

Пока ждали весны, Святославу многажды довелось отведать псковской бани. И если поначалу она была для него сущей пыткой, то к отъезду из Пскова он и помыслить себе не мог, как закончить неделю без этой потехи.

По большой воде ушли из Пскова, через Чудское озеро и Нарву добрались до моря. Стоя на берегу и вглядываясь в свинцовую даль, Свенельд сказал:

– Ты узнал родину матери, теперь достиг родины твоего отца. Вот она – ибо не земля, а море истинный дом варяга. Отсюда пришли мы все за Рюриком на призыв Новгородского веча...

Несколько дней и ночей в неспокойном море показались Святославу вечностью. Наконец из

серой мглы выступили ярко-белые березовые обрывы острова Руяны. Волхв воздел руки и стал произносить заклинание. Юный князь вслушивался в его слова и с удивлением узнавал заговоры, которыми во время его болезни старуха-ведунья сопровождала приготовление травных настоев. Тогда на слух он понимал ее слова по-своему: «На острове Буяне, на море-окияне стоит дуб мокрецкий, под ним бел-горюч камень алатырь...» А, может, и сама ведунья узнала это молитвословие прошедшим через сотни и тысячи уст и обкатавших Руяну в Буян, а алтарь в алатырь? Теперь жрец возвращал на глазах Святослава первозданный смысл старому заклинанию: «На острове Руяне, на море на Каяне стоит дуб морецкий, под ним бел-горюч камень алтарь, на нем лежит бык печеный, в нем торчит нож точеный...»

Прибыв на мыс Аркона, князь убедился, что обстановка языческого святилища в точности соответствовала описанию древнего стиха: здесь, на северной оконечности Руяны действительно находился священный дуб, к которому стекалось все славянство, а на огромном алтаре, высеченном из белого песчаника, день и ночь горел священный огонь, в котором очищались принесенные в жертву быки, на этом же алтаре лежал ритуальный нож для заклания животных...

Волхвы, одетые в длиннополые рубахи с вышитыми знаками солнца, с серебряными бляхами двумя рядами стояли перед огромной камен-

ной статуей Святовида, четыре лика которого смотрели на все стороны света. Звучал гулкий бас главного жреца Арконы, испрашивавшего у бога помощи для русского князя, защитника славянских земель от хазар и ромеев. Святослав, забывшись, что есть силы сжимал локоть Свенельда: ему привиделось, как он во главе многотысячелодейного флота плывет по узкому, сжатому горами проливу к сереющим вдали стенам Константинополя, к повисшим в дымке сотням его куполов. Рассказы воинов, ходивших на империю вместе с Игорем, настолько занимали его воображение, что иной раз образы этих битв казались ярче самой яви.

Сколько он себя помнит, вокруг всегда велись разговоры о христианстве и славянской вере. Особенно частыми стали они после поездки матери в Константинополь. Вернувшись оттуда, она привезла с собой жреца-грека, черного и носатого, как грач. Он и держал-то себя, как птица на развороченной плугом пашне – ходил вперевалку, выставив вперед округлый живот, склоняя голову то на один бок, то на другой. Грек говорил по-русски на болгарский лад – твердо, отрывисто. Подойдя к Святославу и склонив голову на бок, поглаживал его по волосам унизанной перстнями рукой, в голос вздыхал, призывая на помощь Божьего Сына. Князь спрашивал, какого именно бога имеет в виду грек: Перуна, Сварога, Святовида.

– Бог един, – ласково улыбаясь, отвечал жрец. – Он повсюду, и без воли его ничто не происходит, им жива всякая тварь.

– И все плохое? – удивлялся Святослав.

– Нет, нет, плохое – от дьявола.

– Ну вот видишь, – торжествовал князь, – еще один бог. А где два, там и три, и десять. Боги воюют между собой, если один сделал что-то, другой норовит навредить ему, вот отсюда и происходит добро и зло. А ты говорил совсем по-другому.

Грач взволнованно вертел головой, громко просил Сына Божия смилостивиться над малолетним грешником.

– Волхвы научают тебя ложным мнениям. Они представляют себе действия нашего Бога и богов, в которых верят сами, во всем подобными человеческим. Но Бог неизмеримо выше каждого из нас, его помыслы недоступны нашему пониманию...

– Ты же сам говорил мне, что Он создал человека по своему подобию. Отчего же тогда мы не должны уподоблять его мысли нашим собственным?

Среди христиан не было дружинников, но в городе они селились целыми улицами. Самые богатые дома принадлежали последователям греческой веры – первым стали исповедовать ее торговые люди. Как говорили волхвы, христианство приняли те, кто подолгу жил в Константи-

нополе и других местах империи по купеческой надобности. Их прельстило и то, что в Христовых установлениях многое напоминает торговую сделку: поступил, как заповедано – получай вознаграждение.

Когда князь приходил к дружинникам, его восторженно приветствовали эти сильные красивые люди. Он любил сидеть среди них, слушая рассказы о дальних походах, о сражениях в горах и битвах на море. Святослав с почтением трогал затвердевшие шрамы от страшных рубленых ударов, от ожогов греческим огнем, полученных под стенами Царьграда, на Сицилии, в Африке. Многие из тех, кто служил в Киеве, ходили прежде с датскими и норвежскими херсирами, осаждали крепости и монастыри Британии, штурмовали франкские города, воевали в Испании и Италии. Они с презрением говорили о торгашах, превыше всего ставя верную руку и добрый меч.

Поездку на Аркону задумал Свенельд. Услышав как-то, что княгиня Ольга обещала сыну свозить его на свою родину, варяг завел речь о том, что и на родине деда, Рюрика, не худо бы побывать будущему властителю Русской державы. А когда мать отговорилась занятостью делами управления, Свенельд предложил себя в провожатые. Святослав сразу понял по разгневанному лицу матери, что ее поймали на слове, и тут же закричал: «Я поеду, я поеду!» Он знал о ее плохо скрытой неприязни к Свенельду: все попытки Ольги сблизиться с сыном оканчивались неуда-

чей, Святослав предпочитал проводить время на дружинном дворе.

Об Арконе Свенельд сказал только когда отплыли из Пскова. До этого их разговоры о родине предков касались только тех мест возле датских владений, откуда за сотню лет до того отправился Рюрик по призыву новгородского веча. Главный город тех мест именовался Старградом – по преданию, когда-то из той же земли ушли и те, кто в дальних краях основал Новый город. А когда настала смута, послали за помощью к сородичам. Рюрик поднял все свое племя и ушел из-под Старграда, но до самой смерти помнил о том, что каждый славянин должен чтить священный дуб на Руяне, заботиться о благосостоянии святилища.

Когда Святослава ввели в деревянный храм, у него голова кругом пошла от обилия знамен, статуй, богато отделанного оружия. Здесь хранились священные знаки славянских племен, живших по берегам Варяжского моря, здесь же поклонялись богу войны и удачи викинги с Готланда, датчане и норвежцы – каянские немцы, по имени которых иной раз именовали и само море: «на море, на Каяне, на острове Руяне...»

Подойдя к верховному жрецу, седовласому старцу в белом одеянии, расшитом красными знаками солнца и фигурами небесных оленей, Святослав склонил голову, дабы принять благословение. От дыма очистительных костров, через

которые он прошел прежде чем вступить в храм, от звона гуслей и гудения волынок все плыло перед глазами. Голос волхва проникал в его сознание словно бы сквозь толщу воды.

– ...и станешь великим воителем... собирателем земли... и наложишь узду на утеснителей... и обратишь в прах великие царства... и возжешь на алтарях чужих богов огонь во славу Святовида, Перуна, Сварога, Даждьбога...

С матерью по возвращении в Киев так и не наладилось. Еще большим отчуждением веяло от него в их свидании после полугодичной разлуки. Чем сильнее старалась она удержать Святослава под своим влиянием, тем решительнее рвался он к дружине, к мужским забавам. Даже совместные поездки, устроенные Ольгой в богатые охотничьи угодья, не способствовали укреплению взаимной привязанности.

Чужая вера наложила отпечаток на многое в княжеском дворце. Там, где прежде шумели пиры, где гудели гусли и плясали ряженые, теперь появились постные монашенки с иссохшими от поста лицами, с княжеской поварни подолгу несло пареной репой и капустой, а крепкий и бодрящий запах испеченной на углях дичины шел только с дружинного двора.

– Умора! – говорили там. – Эти попы и ихние выученики думают заслужить благосклонность своего бога тем, что по месяцу и по два мяса не вкушают. Ну скажи на милость, какая разница ихнему богу, что у тебя в кишке?..

Но дело было не только в постах. Все большую силу при Ольге стали забирать люди с тех улиц, где высились купола, увенчанные крестами, среди них немало иноземцев. И, соответственно, все реже спрашивала княгиня совета у волхвов.

– Не в самодержицы ли себя возвести мечтает? Не мнит ли греческим властительницам себя уподобить? – озабоченно толковали на вече.

Все знали, что в христианских странах народные собрания перестали главенствовать в делах государства. Древние вольности упразднялись по мере утверждения новой веры, которая и на небе и на земле знала одного владыку. Волхвы, которые издревле были хранителями вечевой памяти, первыми лишались влияния при смене богов.

– Ежели один над всеми вознесется, – стращали жрецы, – не слыхать вам больше вечевого звона, не советно жить станем, а по хотению того, кто возвысится.

И Святослава беспрестанно увещевали:

– Помни, князь, с чего твой родич Олег в Киеве начал, когда вместе с отцом твоим Игорем, в малолетстве пребывавшем, сюда из Новгорода приплыл. Он Аскольда и Дира лютой казни предал, ибо возжаждали они власти, а потому к христианскому Богу переметнулись.

Историю о вокняжении Игоря в Киеве хорошо знали все. Когда-то, еще при жизни Рюрика, новгородское вече постановило построить на

среднем Днепре, близ границы с Диким Полем сильную крепость. Двое знатных дружинников были направлены с отрядами на поиски подходящего места. Облюбовав малый городок на правобережной горе, названный по имени своего основателя Кия, варяги вступили в переговоры с его жителями – полянами. Пообещав защиту от имени новгородского веча, на службе которого они состояли, Аскольд и Дир заручились помощью окрестных славян в строительстве укреплений.

Из Киева Аскольд и Дир ходили походами на греческие города Херсона, добирались по морю до коренных земель самой империи, разоряли побережья Фракии и Вифинии. Часть захваченного добра раздали дружине и употребляли на укрепление Киева, а остальное отправляли в Новгород; распределением добычи ведали жрецы, управлявшие вечевой казной.

Но в одну из зим вскоре после смерти Рюрика ежегодное поступление с юга не пришло в срок... Минуло много недель, а вестей из Киева все не было. Посланные дознаться о причинах такой задержки вернулись с известием, что Аскольд и Дир решили отложиться от Новгорода – объявили, что приняли от императора крещение и посему становятся его союзниками, а не врагами. А новый бог, которому они повиновались, вручил им, по их словам, власть над Киевом. Ни вече, ни боги, которым приносят жертвы в Новгороде, теперь будто бы не властны над ними.

Тогда и решило вече послать в Киев опытного в ратном деле мужа Олега, родича Рюрикова, а для того, чтобы привести отколовшуюся землю под руку Великого Новгорода, постановили отправить с Олегом малолетнего Игоря, сына Рюрикова, дабы мог он возвести истинного князя на место самозванцев...

Неприязнь и недоверие между матерью и сыном во многом питались воспоминаниями об этой первой попытке христианизации Киева и ее исходе. Обвинения, раздававшиеся в сторону княгини из среды дружинников и волхвов, делали Ольгу подозрительной и раздражительной. Она уже не пыталась воздействовать на Святослава, оставил попытки приобщить его к христовым истинам и греческий жрец, привезенный ею из Константинополя. Княгиню теперь уже тяготило присутствие сына во дворце, и она чувствовала себя спокойно лишь тогда, когда Святослав отправлялся вместе со Свенельдом на охоту или в полюдье.

Князь задумчиво улыбается, глядя мимо даров. Посольство, столпившись перед троном, терпеливо ждет, когда славянский властитель соблаговолит произнести слова признательности величайшему из самодержцев. А Святослав, словно позабыв о необходимости воздать должное императору ромеев, безмятежно усмехается, оглаживая ладонью густые висячие усы. Он вспоминает про свою последнюю придумку – как от-

правил в подарок своему первенцу Ярополку отроковицу из захваченного его воинами монастыря. Кому пришло в голову запеленать в черную монашескую одежду этот едва распустившийся бутон? Кто определил тебя, белолицая гречанка, в невесты Христовы? Нет, не исчахнешь ты пред иконами, не иссохнешь в постах, но станешь матерью князей русских...

Наконец отрешенный взор князя снова останавливается на груде императорских подношений. Сдвинув брови, Святослав поднимается с трона. Он среднего роста, но благодаря тому, что стоит на возвышении, кажется посольству гигантом. Его широкие плечи, выпуклая грудь и мускулистая загорелая шея, ровно переходящая в тяжелый продолговатый затылок, говорят о недюжинной силе. А цепкий быстрый взгляд серых глаз – о недюжинной и изворотливом уме. Кивнув в сторону даров, Святослав говорит:

– За это передайте моему брату цесарю мою благодарность. Но здесь совсем не то, что я хотел получить. Напомните ему мои слова, переданные первому посольству, тому, которое он засылал ко мне еще зимой. Тогда я сказал, что уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с нами.

После долгой томительной паузы посол прикладывает руку к груди и произносит:

– Дозволь, достопочтенный архонт русов, я передам то, что поручил мне сказать мой император Иоанн, величайший и самодержавнейший...

Святослав снова опускается на трон и молча кивает.

– Мы верим в то, что Провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы, – так говорил блаженнейший из властителей, – слегка наклонив голову и возведя очи к небу, говорит посол. – Поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога – Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на десяти тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестников своей беды. Не упоминаю я уж о его жалкой судьбе, ког-

да, отправившись в поход на древлян, он был взят ими в плен, привязан к столбам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи.

Князь Святослав Игоревич (по Ф.Г. Солнцеву, 1869)

Святослав едва удерживается, чтобы не прервать речь посла. Яростно закусив губу и вцепившись в подлокотники трона, он исподлобья смотрит на грека, произносящего дерзостные слова. И едва тот умолкает, князь вскакивает и принимается яростно пинать императорские дары. По мраморному полу со звоном рассыпаются драгоценности из шкатулок. Рванув ворот белой полотняной рубахи, Святослав говорит низким прерывающимся голосом:

– Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не

изнуряет свои силы на путешествие в сию страну – мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых стращают всякими пугалами.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ВЛАХЕРНСКИЙ ДВОРЕЦ

Сидя на балконе, устланном коврами, император смотрел на город, лежавший перед ним. Пологие холмы, тесно застроенные двух- и трехэтажными домами, венчали округлые силуэты храмов. В ближайшей ко дворцу церкви Богородицы только что отошла торжественная служба, во время которой Иоанн молился о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом. Ту же просьбу, обращенную к Богу, он вознес перед тем в великом храме Святой Софии – Премудрости Божией. Оба эти вместилища христианских святынь славились тем, что молитва, произнесенная в их стенах, вернее всего достигает престола Господня. Многочисленные мощи святых и реликвии, собранные там, привлекали благосклонность небесных сил. Это особое расположение не раз выказывалось чудесами, совершавшимися в храме Святой Софии и Влахернской церкви. За пол-

века до нынешнего дня, когда Иоанн вознес моление к Богородице, 1 октября 910 года сама Пречистая явилась в видении юродивому Алексею и ученику его Епифанию, будущему патриарху, в этом самом храме близ императорского дворца во Влахернах. Сподобившиеся благодати увидели: Божья Матерь пребывала под куполом, окруженная сонмом ангелов. Она простерла над молящимся народом свой омофор – белое покрывало – и благословила человечество.

Иоанн верил, что его просьба дойдет до престола Всевышнего, и с тем большим нетерпением ожидал наступления войск. На балкон дворца, примыкающего к главной оборонительной стене Константинополя, он вышел, чтобы лицезреть флот, выстроившийся перед началом похода в заливе Золотой Рог. С высоты холма видно было, как уступами уходят к морю серые зубчатые башни. Этот участок стены наиболее уязвим, его лепили кто как в разные царствования.

А то, что видит глаз в другой стороне от дворца – неприступные массивные башни, на которых реют стяги с крестами – построено Феодосием, а вот те башни, что потонули в дымке среди городских кварталов, – это цепь укреплений, воздвигнутая еще Константином. Шесть веков прошло с той поры, как святой равноапостольный император Римской империи провозгласил древний Византий столицей державы и дал ей свое имя. Ни один враг не сумел с той поры покорить эти серые стены, эти громадные

башни, нависающие над пригородами. Кто только не дерзал грозить Константинополю, но всех их ждал один конец. Не минует чаша сия и этого наглого варвара.

Иоанн увлажнившимися глазами смотрел на залив. Гордость ромеев – огненосные триеры, – выстроившись ровными рядами, ждали знака с императорского балкона.

Самодержец махнул белым платком. В тот же миг вся масса судов пришла в движение; следом за триерами стремительно скользили по воде ладьи – галеи и небольшие челны – монерии. Более трех сотен кораблей вступили в показательное сражение. Толпы народа по обоим берегам Золотого Рога восхищенным ревом провожали искусные развороты судов в боевом порядке.

По окончании парада Иоанн распорядился раздать гребцам и воинам мешок золотых номисм, который был немедленно доставлен из дворца в гавань. Новый взрыв восторга достиг ушей императора, когда там внизу было объявлено о награде.

Завтра рано утром войска выйдут через Адрианопольские ворота под развернутыми стягами и хоругвями, а флот отдаст концы в гавани Золотого Рога и двинется Босфором в Понт, а затем вдоль берегов Болгарии к устью великой реки Истры, которую славяне зовут Дунаем. Таким образом, русы будут заперты в своих крепостях и не смогут избежать встречи с победоносными

мужами империи. Они получат такой урок, который запомнится всей Ойкумене, всем варварам. Если падет призрачное здание русского величия, рассыплется вся система языческих союзов, и воины Христа бросят самонадеянные племена к подножию Святой Церкви. Это будет самая великая победа со времен основания империи, ибо никогда еще не возникало для нее столь опасного противника.

Свендослав, сей свирепый и дерзкий скиф, сумел создать то, что до него не удавалось никому. Силой оружия и хитростью он сколотил первую со времен утверждения христианства языческую империю. Столетиями императорам ромеев удавалось дробить противостоящие им варварские государства, натравливая одних на других, заставляя их вечно враждовать и вечно взывать к Константинополю как верховному судье. Что же случилось на этот раз, почему не выручила отработанная стратегия, кто допустил ошибку?

А может быть, это Свендослав разгадал уже известный варварам ход – создавать в их тылах опасное соседство. Первым своим военным предприятием по восшествии на русский престол он избрал поход на Хазарию. Сокрушив эту обширную державу, он разом избавился от угрозы с Востока. Кочующие по степи орды пацинаков не в счет – эти грабители не могут притязать на звание опасных противников, они в состоянии лишь тревожить рубежи больших государств...

Итак, Свендослав развязал себе руки для действий на Юге. С Запада он обезопасил себя

династическим союзом, когда взял в жены дочь венгерского князя. Да, теперь-то это ясно – хитрый скиф готовился к нападению на империю. Его удары по Хазарии и болгарам не были вызваны обычной варварской страстью к обогащению. Теперешнее положение вещей таково, что державу Свендослава можно считать третьей силой в мире наряду с Византией и Халифатом. Если сегодня варварская империя не будет сокрушена, завтра она может стать союзницей агарян.

Даже помыслить было неприятно о тех последствиях, которые могло бы иметь такое развитие событий: русы врываются через проходы в Балканах на Фракийскую равнину и, сметая все на своем пути, занимают Грецию, штурмуют Константинополь, а с Востока накатываются волна за волной потомки сынов Агари, несущие зеленое знамя Магомета...

Иоанн продолжал сидеть на балконе дворца, хотя город уже погрузился в сумерки и во многих местах замигали огоньки. Как это часто бывало у него, подъем сменился тягостными раздумьями, сомнениями в себе. Теперь ему стало казаться, что Свендослав не так уж прост, а его свирепые речи перед послами – не только плод варварского бешенства. Что если безбожный скиф попросту выманивает его с войском на Запад, а тем временем, снесшись с русами, Багдад бросит свои когорты на Антиохию, мусульманское воинство прорвется через теснины Тавра и вырвется на просторы Анатолии. Надо еще раз

до мелочей проследить, что предшествовало появлению Свендослава на Дунае. Если его успехи в Болгарии – результат ошибок дипломатии Никифора, это еще полбеды, а если дело идет о сознательной игре...

Итак, по сообщениям людей, близких к покойному императору, мысль побудить русов к походу на Болгарию возникла у самого Никифора после неудачной попытки наказать болгар за их великую дерзость: правитель этого народа отправил послов в Константинополь за очередной данью, которую обязались ему платить предшественники Никифора. Как бы Цимисхий ни относился к этому косматому каппадокийцу, он не мог отрицать, что ему понравились слова покойного самодержца, переданные одним из евнухов, видевшим прием тех самонадеянных послов. Приказав отхлестать их по щекам, Никифор сказал:

– Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников.

Конечно, болгары давно уже отстали от своих кочевых обычаев, и по меньшей мере лет двести никто из них не грызет сырую кожу. Но сказано с поистине самодержавным презрением к низшим происхождением потомкам пастухов.

После разрыва с болгарами, конечно, нечего было и думать, что мир на северо-западной границе сохранится надолго. Поэтому император и решил упредить врага. Расспросив советников, кому бы можно было поручить тонкую миссию привлечения русов на сторону Византии в этом противостоянии, Никифор и остановил свой выбор на Калокире, сыне херсонского стратига. Будучи человеком пытливым и многоумным, Калокир к тому же слывет мужем горячим и склонным к риску. Все эти качества позволяли надеяться, что он сумеет внушить русскому властителю мысль о низвержении болгар, сможет возжечь в его сердце алчность и жажду побед. Знал бы Никифор, какую змею он пригрел, кого почтил титулом патрикия! Миссия этого интригана по видимости удалась. Свендослав на удивление быстро выступил против Болгарии. За считанные недели он овладел всеми восьмидесятью укрепленными городами Подунавья, выстроенными еще в те времена, когда земли эти были собственностью империи. Причем на сторону русов перешло множество князей, простолюдины также приветствовали воинство Свендослава. Только часть знати, приверженная христианству, возглавила сопротивление вторжению.

Никифор не дал себе труда поинтересоваться недавним прошлым Болгарии. Иначе он вряд ли принял бы опрометчивое решение подвигнуть Свендослава на дунайский поход. То, что доложили сведущие люди Иоанну, гораздо более осно-

вательно готовившемуся к войне с варварами, открыло Цимисхию истинную причину легких побед киевского князя. Большинство населения Болгарии были славянами, родственными русам и по языку, и по верованиям. Для них принятие христианства было формой примирения с азиатским племенем болгар, пришедшим откуда-то из скифских степей. Кочевники поклонялись богу неба Тенгри, а славяне Перуну, Велесу и Сварогу. Пока у завоевателей и у побежденных были разные божества, болгарская держава постоянно находилась на грани внутренней смуты. Навязать Тенгри славянам малочисленная болгарская верхушка не могла, напротив, она сама постепенно перенимала их язык и обычаи. Царь Борис, правивший сто лет назад, уразумел, что сплотить эти народы можно только разом отказавшись и от Тенгри и от славянских богов. Именно он и насадил в своей стране христианство, подрубив основы противостояния болгар и славян.

И все же варвары остаются варварами. Свет евангельской проповеди с трудом пробивается сквозь дьявольскую тьму, окутавшую их сердца. Уже Борису пришлось огнем и мечом выкорчевывать язычество. Когда болгарская знать подняла мятеж, он приказал уничтожить пятьдесят два знатнейших рода поголовно от мала до велика. Но стоило взойти на престол сыну Бориса Владимиру Росате, как он начал изгнание священников из Болгарии и разорение церквей. Неудивительно, что и вторжению Свендослава

была оказана поддержка – иначе как объяснишь столь быстрое падение десятков крепостей.

Да, теперь не так-то легко будет вновь повернуть русов лицом на Восток, заставить их попрежнему бесконечно сражаться с кочевниками. Вкусив тех благ, что накопили за века культурные народы, русы будут раз за разом вклиниваться все глубже в пределы империи, как это было со всеми варварскими племенами. Может быть, со временем и Свендослав возложит на себя благое иго Христово, но может и так случиться, что он возжелает низринуть государства, ведомые Святой Церковью. Ведь он не самодержавный правитель, как Иоанн, но властвует именем некоего народного собрания. Знающие люди свидетельствуют, что у славян князь всегда стоит ниже жреца, он начальствует над войском, но страной правит духовное сословие, хранящее древний закон.

Иоанну вспомнилась история, вычитанная в юности у Геродота, о скифском царе Скиле. Властитель этот не любил народа, над которым господствовал. Его влекло все эллинское, и когда ему приходилось выступать с войском в пределы, населенные колонистами из Греции, он оставлял своих соплеменников у городских стен, а сам входил в город и просил запереть за собой ворота. Там он расхаживал в эллинском платье и воздавал почести чужим богам. Когда скифы узнали об этом, царь лишился не только престола, но и самой жизни. Не такова ли судьба христианства

во многих странах варваров: стоит одному князю втайне принять новую веру, а затем силой насадить ее в своем народе, как его наследник совершает языческий переворот...

Нет, рассчитывать на чудо не приходится, вряд ли нечестивый Свендослав – это новоявленный Скил. Его можно заставить принять христову веру только с помощью меча. И как бы ни были велики опасения перед возможным нападением агарян с востока, варварская опасность сейчас главное. Прочь страхи и да помогут ромеям Пречистая Дева и святой Димитрий.

На покровителя воинов у императора была особая надежда. Войскам предстояло идти через Фракию, именно с Фессалониками, родиной Димитрия, граничила эта фема, и здесь заступничество святого ощущалось особенно сильно, – так, во всяком случае, считали в народе.

ДОРОСТОЛ

Святослав вышел из дворца и с наслаждением подставил грудь холодному ветру, ровно дувшему из-за Дуная. С детства привыкший к бивачной жизни, он едва выносил натопленные покои и всегда старался вырваться наружу при первой возможности. Даже живя в Киеве в мирные зимние месяцы, когда войско отдыхало от походов, он предпочитал спать в холодных сенях на медвежьей шкуре, с конским седлом в головах, питался не с великокняжеской поварни, а вместе с дружинниками: добрый кусок оленины или веприны, испеченный на углях, да ковш хмельного меда или привезенного из империи вина – *романеи* – вполне удовлетворяли князя. Один из степных князей-побратимов Святослава утверждал, что у него кровь идет горлом, стоит ему провести ночь в теплом помещении, и русский князь верил этому, ибо в привычке к суровым и простым условиям сам мог поспорить с любым обитателем печенежской кибитки...

Видно, этот холодный ветер из-за Дуная вызвал в его памяти образ волнующихся ковыльных просторов, оживленных лишь убогими жилищами кочевников. Если идти на Киев Днепром, не избежать на волоке у порогов встречи со степняками. Неподалеку от берега по балкам стоят их шатры, где всегда булькает в котлах сытное варево на случай, если надо отогреть сторожу, доглядывающую за порогами. А когда изможденные тяжелым подъемом по реке корабельщики и воины вытащат суда на берег и покатят их по деревянным каткам – тут-то и прянут из лощин сытые лучники на сытых конях.

Святослав шел мимо костров, возле которых грелись воины. Завидев выбритую голову князя с ниспадающей на ухо белокурой прядью, дружинники поднимались с постеленных на землю попон и радостно приветствовали его, приглашали за трапезу. Святослав здоровался со всеми по имени – он каждого знал в лицо – и шагал дальше. Подойдя к земляному валу, он поднялся наверх, жестом остановив латника, кинувшегося было сопровождать его.

На башне с шумом полоскались едва видимые в высоте темные стяги. Запахнув поплотнее плащ, Святослав стал боком к ветру и надолго замер, созерцая раскинувшийся перед ним греческий лагерь. Костров было так много, что в отдалении они сливались в сплошную мерцающую полосу. В противоположной стороне цепь огней резко обрывалась в том месте, где начинался невидимый Дунай.

Доростол, обложенный войском Цимисхия уже много месяцев, стал последним опорным пунктом Святослава в Болгарии. А еще нынешней зимой под рукой русского князя были все земли, примыкавшие к границам империи, и в любое время он мог двинуть войска под стены Константинополя.

Нелегко признавать превосходство ромеев. Известие о падении болгарской столицы Преславы, с ходу взятой Цимисхием после его внезапного появления на придунайской равнине, хотя и тяжело переживалось Святославом, не заставило его опасаться за исход войны. Но когда воинство ромеев одну за одной стало захватывать крепости, занятые русскими и их болгарскими союзниками, великий князь понял, что впервые столкнулся с действительно могучим воителем.

Медленно идя по стене Доростола, Святослав перебирал в памяти события этих месяцев,

Греки штурмуют Преслав. Из осадных орудий показан камнемёт. Миниатюра из хроники Иоанна Скилицы

ища тот неверно завязанный узелок, из-за которого спуталась вся сплетенная им сеть. Мечтая о сокрушении ромеев, он долгие годы выковывал цепь союзов, которая должна была захлестнуться вокруг державы ромеев. И вот, когда завершение задуманного казалось таким близким, закаленные им звенья стали рассыпаться...

Нет, конечно, не только ошибка Сфангела, стоявшего с отрядом в Преславе, тому виной. Даже если бы он и не проворонил вторжение ромейского войска через горные проходы Гем, Цимисхий все равно смог бы найти путь на равнину. Болгары оказались ненадежными союзниками и не теперь, так в другой раз, не в Преславе, так в ином месте показали бы спину неприятелю.

Выходит, переоценил Святослав их решимость сражаться с ромеями, их приверженность к вере предков? Не ошибался ли он и в других своих союзниках? Может, и венгры, если приведется, дрогнут и оставят его один на один с христианским самодержцем? И тогда поднимутся в его тылу замиренные хазары, запылают мятежи единоверцев Цимисхия...

В попытке отыскать первопричину своих поражений Святослав возвращался мыслями ко все более давним временам. Пожалуй, начать распутывать цепь событий надо с того дня, когда ему впервые пришло в голову, что истинной независимости он сможет достичь только перенеся столицу державы в иное место.

– На Дунай уйду, – сказал он волхвам. – Там будет сердцевина земли моей.

– Но теперь-то до тех краев неисчислимые версты по степи печенежской. Поди доберись до той земли. Ты на Дунай двинешься землицы себе приискивать, а на грады твои и села злой хазарин придет и попленит и пограбит...

– Обдумал я все. И про хазарина. Прежде того, как на Дунай пойти, произведу расчет по старым долгам.

– Отец твой Игорь и прежние князья не совладали с каганатом. По силам ли твоим замахиваешься?

Хазары вошли в его жизнь из детских сказок, из тех песнопений, что исполняли слепые певцы на дружинных пирах. Страшным шепотом увещевала его старая нянька: ежели долго не заснешь, злой хазарин придет за тобой. Подрастая, он узнавал все больше о том, как это жестокое племя терзало и мучило Русь. Пока не пришли в земли полян, построивших Киев, воины Новгорода, не знали покоя жители лесостепного края. Скольких красных девушек оплакали, уведенных в полон, скольких мастеровых людей, схваченных в городах и селах, не досчитались – всем им была уготована горькая доля рабов кагана, властителя хазарского. Что ни год, наезжали за данью ненасытные хищники из дальних задонских степей.

Не одних полян киевских, но и другие славянские племена, и те народы, что кочевали по Дикому Полю, зорили и неволили хазары. Много

стран страдали от них, но никто не мог положить предел гордыне завоевателей. Даже великая Византия старалась задобрить хазарскую державу: императоры, ни с кем из властителей родниться не желавшие, ибо почитали себя всех выше, до хазар снизошли; один из василевсов женился на дочери кагана, а сын от этого брака ромейской державой правил. Так и прозвали его: Лев Хазарин.

Рассказывал молодому князю о делах хазарских старый волхв, объявлявший законы на киевском вече. Он помнил и размеры дани, которой город от лихих гостей откупался, помнил и первых хазарских пленников, Олегом приведенных.

Олег прибивает щит свой к вратам Царьграда. (Гравюра Ф.А. Бруни, 1839)

Именно Олег, правивший за малолетством Игоря, избавил полян от многовекового страха перед злым хазарином. И хотя по окраинам Руси продолжало разбойничать воинство каганата, до Киева оно уже не докатывалось.

Игорь еще больше укрепил мощь славянской державы. Вослед Олегу, повесившему свой щит на воротах Константинополя в знак одоления императорских войск, отец Святослава не раз ходил во главе дружин на Византию, отгонял хазар от рубежей киевских. Но на могущество кагана и он не посягал: велика была слава о силе вражеской.

Когда возмужал Святослав и начал ходить на печенегов, беспрерывно тревоживших русские окраины, стал он задумываться и над хазарскими событиями. Доходили из каганата вести о смутах из-за веры, о разрушении домов одних богов и о возвеличивании других.

– Отчего не поладили? Разве можно убивать друг друга ради веры? – спросил Святослав у старого жреца.

– В тех странах, где встает солнце, и в тех, где оно бывает в полдень, и в тех, где садится, – везде правят исповедники единого бога, но еще злее воюют одни с другими. Только у нас на Севере никто не станет убивать за своего бога – германец не будет навязывать мне, а я ему ту веру, которая нам по душе.

– Не понимаю, почему у них так. Да если к тому же один бог...

– У славян правит народ – нас много, когда мы собираемся на вече и решаем, как жить. Так же ведут дела наши боги. У хазар, у греков, у сарацин и на земле, и на небе один властитель.

– В какого же бога верят все они, и в чем их несогласия? – растерянно спросил Святослав.

– Хазары зовут его Яхве, а сарацины Аллах, а греки говорят, что этот Яхве – бог-отец, а его сын – Христос...

Трудно было Святославу уразуметь, в чем причина кровавых усобиц из-за одного и того же божества, но одно запомнил он из речей волхва: чтобы сокрушить Русь, империя позабудет и про свои несогласия с хазарами, лишь бы натравить их на Святослава, как бывало прежде с Игорем и Олегом. Едва князь русский постучит мечом в ворота Константинополя, как заполыхают селения по окрестностям Киева. И поворачивают дружины назад, так и не вкусив плод победы.

Чтобы добиться перевеса над Византией, надо раз и навсегда обезопасить свой тыл – так решил Святослав. И объявил дружине: впереди поход, какого еще не бывало. Узнав о его замыслах, многие из воинов с сомнением говорили:

– По силам ли, князь, замахиваешься? И Олег, и Игорь в те края хаживали, однако каганат свалить не сумели. Расспроси-ка бывых дружинников.

Привели к князю седобородого согбенного старца. Стал он вспоминать, как побывал в молодые годы на море Хазарском, как взяли они

богатый город Берду, как погибли многие тысячи и только малая часть вернулась на родину. Коварен каган: обещает помощь, а в спину нож всадит, люд тамошний свиреп и беспощаден...

Вышли из Киева ранней весной, едва прошли с верховьев Днепра последние серые льдины. Где на парусах, где на веслах, а где и бечевой тянули обвешанные щитами ладьи. По затененным местам на берегах, по лесам еще белели сугробы, а на солнечном припеке топорщилась молодая травка, птицы на все лады перезванивались в голых ветвях.

За те недели, пока добирались по Десне и Сейму к волоку на Оку, перегнала их весна, полыхнули зеленым пламенем леса, луга запестрели цветами. Только жилища человеческие становились чем далее, тем беднее. Из убогих землянок вылезали одетые в рванину люди, отбежав подальше, смотрели из-за деревьев на пестрые ладьи, на веселых людей в кольчугах.

Святослав велел изловить нескольких обитателей таких нор. Спросил:

– Кто такие? Отчего измождены?

– Данью хазарской умучены, – был ответ.

– И велика ли дань? – спросил Святослав.

– По щелягу с сохи даем.

– А как зовется ваше племя?

– Вятичи мы.

– Много ли вас таких бедовых?

– И-и-и, превеликое было множество, да изубожились, животы повымотали, не знаем, велики ли теперь наши роды.

– По щелягу, говорите? – задумчиво сказал Святослав. – Остается выяснить, что сие значит. Впрочем, как бы то ни было, мне и половины хватит... Хазарская дань с вас снимается, будете ходить теперь под великим князем киевским...

Чем больше отдалялась дружина от родных мест, тем реже слышалась по берегам Оки и Волги славянская речь. Деревни вятичей перемежались становищами черемис, мери, мордвы. А потом потянулись поселья булгар, на мысах при впадении в Волгу больших притоков стояли крепости. Навстречу ладьям Святослава летели легкие узкие лодки с копейщиками и, вдруг, развернувшись, быстро уносились под защиту бревенчатых стен. Князь не дозволял останавливаться у мелких укреплений, стремясь как можно быстрее достигнуть низовьев Волги, где находился Итиль, столица каганата.

Но на пути у русских был еще и Булгар. Хан булгарский, привыкший распоряжаться на большой торговой дороге, которою издревле была Волга, и со всякого войска, проходившего через его землю на юг, в страны, подвластные арабскому Халифату, хотел получить долю будущей добычи. Если предводитель дружины соглашался заплатить за пропуск на Низ, булгары не чинили препятствий. Если же в гордыне своей осмеливались пренебречь видами владыки Булгара, тогда

приходилось силой ставить их на подобающее место. Когда хану доложили о дерзком ответе Святослава на его предложение, он разорвал на себе шитый золотом халат и принялся топтать узкими каблуками сафьяновых сапог распростертого у трона посла, посмевшего осквернить слух властелина издевательскими выражениями руса.

Остались за поворотом реки дымящиеся развалины Булгара. Святослав, сидевший на веслах вместе со всеми, досадливо проводил руины взглядом. Как жаль тех воинов, что полегли при взятии города, как жаль недель, которые украл у него самонадеянный царек! Даже груды добычи – ковры, шелка, меха, – захваченные дружиной в Булгаре, не радовали князя. Ведь он пришел в эти края не ради поживы, хотя, конечно, как не потрафить войску. Его цель – устранить хазарскую угрозу, развязать себе руки для настоящей большой войны. И терять в такое время людей, упускать погожие нежаркие дни – значит ставить под удар весь поход.

Задержка русов у Булгара и в самом деле оказалась на руку хазарам. Получив известия о приближении Святослава, каган разослал гонцов по ближним и дальним городам своей державы с повелением всем, владеющим конем и оружием, идти к Итилю.

Когда знойным безветренным днем уставшие от многочасовой гребли дружинники увиде-

ли над плоским окоемом башни хазарской столицы, по берегу реки навстречу ладьям уже неслись сотни всадников. Тучи стрел взметнулись над водой, застучали по бортам и щитам дружины.

– Не худо встречают, князь, – встревоженно бросил один из воинов, выдирая из своего весла хазарский гостинец, оперенный серым гусиным пером.

Святослав надел шлем, поднялся со своей скамьи и, оглядев строй ладей, растянувшийся на добрую версту, дал знак разворачиваться в боевой порядок. Когда суда пошли плотным строем, последовал новый знак с княжеской ладьи, и весла заработали с утроенной скоростью.

Под градом стрел хазарского войска ладьи ринулись к берегу. Разом ткнувшись в песчаный откос, они замерли как вкопанные. Закрываясь щитами, дружина ринулась по склону навстречу коннице, стеной сплотившейся наверху. На ходу построившись тремя клиньями, люди Святослава разрубили на части хазарское войско. Вооруженные пиками и кривыми саблями всадники пытались расчленить эти закованные в броню и кольчугу тараны, но их оружие оказалось бессильно перед огромными двуручными мечами русов. Закинув щит за плечи, каждый из дружинников Святослава расчищал перед собой широкую тропу, а когда встречались двое земляков, рубившихся с хазарами, то пробитые ими тропки сливались в целые улицы. Так постепенно, рассекая во всех направлениях хазарскую конницу,

двуручные мечи прорубили площади, заваленные трупами лошадей и людей.

Но никто из тех, кто участвовал в битве, не замечал этих улиц и площадей, не ведал о них и Святослав, сражавшийся плечом к плечу со своими дружинниками. Лишь потом из рассказов пленных узнал он, что видел их Шад – хазарский царь, стоявший на одной из городских башен. Видел и задыхался от бессильной ярости. Долго ли смогут противостоять этим ужасным русам стены Итиля? Только чудо может спасти богоизбранный народ от новоявленного Навуходоносора.

Шад велел раввинам вознести молитвы о погибели нечестивого воинства, а сам отправился во дворец кагана, дабы позаботиться о подыскании преемника, ибо на улицах уже собирались толпы черни, требовавшей казни кагана, не сумевшего предотвратить гнев Яхве и навлекшего беду на «остаток Израилев».

Когда Святославу донесли об убийстве кагана и о возведении на престол нового, князь не сразу взял в толк суть происшедшего. Лишь старик-толмач, долгие годы пробывший в рабстве у хазар, смог разъяснить ему значение обычая. Не только неудачная война, но и недород, стихийное бедствие или даже дурное знамение, вроде кометы, могло быть приписано неудачному выбору кагана или истолковано в том смысле, что изначально присущая ему благодать иссякла. Божественная сила сообщалась через кагана все-

му хазарскому племени, начиная с царя, кончая последним простолюдином, она воздействовала и на скот, принадлежавший хазарам: овцы и козы плодились, кобылицы доились в полном соответствии с благорасположением высших сил к кагану. Обычно, считали подданные этого живого бога, его хватало года на три, потом животворный пламень избранника угасал, и того, кого только что почитали превыше всех на земле, при общем ликовании убивали, а на его место сажали нового, подысканного жрецами согласно множеству обязательных примет, передававшихся из поколения в поколение.

Святослав подивился рассказу толмача и попросил показать дворец, в котором безвыходно жили каганы. Никто из подданных не мог видеть лик живого бога, даже от солнца укрывали верховного властителя, поэтому и жилище кагана было ограждено высокими стенами с башнями. Но когда князь ехал к дворцу через дымящиеся развалины Итиля, уже издали было ясно, что хазары позаботились о сокрытии своих тайн – и стены, и видимые за раскрытыми воротами здания стояли почерневшие от копоти. Подожженные накануне бегства Шада из города покои кагана обрушились и навсегда похоронили обитель божества вместе со последним его земным воплощением.

Долго еще кружила по хазарским землям дружина Святослава, идя по стопам вражеско-

го войска, бежавшего с поля битвы под Итилем. Настигая его то у Саркела, то у Варачан, русы громили его в новых сражениях, не давая разрастись за счет свежих пополнений. Кончилось тем, что шад бросил остатки своей конницы и бежал с малой свитой куда-то к горцам.

Города хазарские недолго противостояли русским воинам, ибо не было единства среди их защитников: каждый надеялся на своего бога, каждый боялся, что восстанут тысячи рабов из славянских земель, для которых и последователи Моисея, и мусульмане, и христиане равно были угнетателями.

После того, как дружина Святослава оставляла за собой еще одну порушенную хазарскую крепость, по степи на многие версты растягивались обозы вчерашних невольников, отпущенных в родные края. Немало освобожденных рабов – те, у кого никого из родных не осталось в

Макет хазарской крепости Саркел - Белая Вежа

живых после хазарского погрома, – прибились к войску и выполняли роль прислуги: чистили и кормили лошадей, ставили шатры, стирали. Много среди них оказалось мастеровых – кузнецы, шорники, плотники. Они подковывали лошадей, чинили седла, упряжь, повозки. Те, кто служил прежде в поварах, готовили теперь пропитание для дружины и обоза. Все эти люди неустанно подогревали у воинов ненависть к хазарам – каждый вечер, собираясь вокруг костров, усталые дружинники слушали бесконечные рассказы об издевательствах и унижениях, которым подвергались соплеменники в Итиле и степных становищах кочевников. Их считали наравне с рабочим скотом, даже хуже, ибо скот все-таки берегли, а рабов за малейшую провинность нещадно секли плетьми, прижигали каленым железом. Освящалось это презрение к невольникам и жрецами трех разных вер, уживавшихся в каганате – все они именовали славянских богов болванами, а тех, кто поклонялся им, звали язычниками. От этих ежевечерних разговоров яростно наливались глаза воинов, глухие проклятия раздавались в черной бездонной ночи. И когда врывались покрытые пылью, потом и кровью витязи в очередной хазарский город, первые пожарища занимались в синагогах, мечетях и христианских храмах. Рушились вызолоченные деревянные колонны, подсеченные секирами, расползались драгоценные занавеси алтарей, ежились в огне священные свитки Пятикнижия Моисеева. Гре-

мели среди обугленных стен гимны в честь громовержца Перуна, бога счастливой войны, бога кровавых пиров и веселых пожарищ.

Преследуя остатки хазарских войск, русская дружина подошла к Кавказу. Когда шад исчез в одном из ущелий, уходящих в сердце снеговых гор, а конники каганата рассыпались кто куда, Святослав приказал повернуть на запад.

Двигаясь вдоль хребта, взметнувшегося к небесам, русы видели прилепившиеся на обрывистых склонах селения, паутину троп, по которым передвигались крохотные человечки и едва различимые вереницы овец. Воины изумлялись и восхищались одновременно: как можно жить на такой высоте, но как зато безопасно чувствуют себя эти неведомые племена, взирающие из-под облаков на растянувшееся по предгорьям войско.

Слава бежит впереди победителя. Весть о падении Хазарии вызывала ликование у каждого народа, который был данником каганата, но и опасение было: не наложит ли удачливый воитель еще более тяжелое бремя – и так случалось в прежние времена, когда господство над Кавказом переходило от одного могущественного государства к другому. Поэтому города, мимо которых шел Святослав, наглухо закрывались в надежде пересидеть нашествие. Малые крепости не привлекали дружину, и многие из них избежали разорения. Но те, что высылали навстречу

русам своих воинов, убеждались: дешевле было бы откупиться. Мелкие властители присягали на верность киевскому князю в надежде, что русы не скоро вернутся в эти края из своей далекой страны.

Царь алан, решавшийся бросать вызов хазарам, и Святославу не захотел покориться. Когда над стольным городом Магасом появились полки русов, из ворот на равнину хлынула аланская конница. Но столь же стремительно ринулись остатки ее назад после короткой схватки с закованной в кольчугу ратью. А к вечеру благоразумный самодержец явился в шатер победителя для установления размеров дани.

Когда настало время присягать на дружбу и верность, аланский царь принес жертву огню и поклялся именами, очень похожими на имена русских богов. Слушавший его Святослав сказал:

– Велика и богата твоя земля. Нигде не видел я столь большого числа селений, следующих одно за другим. Говорят, когда утром запоет петух на краю аланского царства, ему отзывается вся равнина и великие горы. Храбры и многочисленны твои воины. Многочисленны и велики твои боги – это я говорю не понаслышке. Ибо молимся мы одним и тем же богам, хотя и живем далеко друг от друга. Верю в твою клятву больше, чем в клятвы других царей – ты не изменил вере предков, хотя, как говорили мне, тебя пытались обратить ко Христу.

За несколько десятилетий до похода Святослава аланы отказались от христианства и изгнали епископов и священников. Киевскому князю любо было слышать об этом – у него, наконец, появился сильный довод против утверждений матери и ее духовника о том, что рано или поздно все народы придут к христианству. «Посмотри, – говаривал грек-грач. – Один за другим приводят свои царства в подданство Святой Церкви варварские властители. Если хочешь быть полным господином Руси, и ты придешь к этому. Древние эллины заполонили богами небо, поэтому и на земле у них было раздробление власти, взгляни же на василевсов Ромейской державы – сравнится ли кто с ними в могуществе?» Теперь бы Святослав мог ответить ему: вот обратное движение от Христа к древним богам, но власть аланского царя не поколебалась от этого. Да и благо ли есть возвыситься без меры и править без совета со свободными мужами?

Царство алан соседствовало с землями касогов, простиравшимися до Русского моря. Народ этот славился красотой. Арабский купец, которого привели к Святославу в Итиле, чтобы он рассказал о странах, подвластных каганату и с ним соседственных, описывал племя касогов, то и дело целуя кончики пальцев и закатывая глаза.

– Да будет благословен твой путь, властелин. Клянусь волосом Магомета, ты не пожалеешь, если поведешь дружину в ту землю, и воины твои будут превозносить тебя. Нет по всем этим

местам от моря Хазарского до моря Русского народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более плавной линией бедер и ягодиц. Наедине их женщины, как описывают, отличаются сладостностью...

Слышавшие толмача дружинники радостно загалдели, но тут же умолкли под изучающим взглядом князя. Но по войску пошел слух о благах, которые ждут его в касожской земле.

И вот теперь, когда перевалив через отроги Кавказа, полки выстроились в виду утонувших в садах селений, тянувшихся одно за одним по широкой долине, Святослав обратился к дружине с предупреждением о том, что племя касогов верит в огонь и поклоняется многим богам, что жить ему в соседстве с русскими владениями еще долгие века, посему разорять эту землю и обижать ее обитателей непредусмотрительно. Если вожди касогов выведут воинов на битву, будет сеча, но и в этом случае не месть побежденным, а разумная дань будет наградой русам.

О том, что касоги – соседи Тмуторокани, присоединенной к русским владениям еще Игорем, впервые рассказал Святославу Свенельд, бывший в пору первого похода русов в эти края совсем молодым дружинником. Первый удар был нанесен по их владениям на побережье Русского моря. Войско Игоря перешло на ладьях пролив между Херсонским полуостровом и Корсунской

страной, где и был заложен княжий город. При подписании договора с империей эта земля была признана русским владением. Святославу было тогда три года от роду, но и он запомнил первый обоз с рыбой и хлебом, пришедший по земле из Тмуторокани в Вышгород, княжеский замок под Киевом. Огромные мороженые осетры, распиленные на толстые поленья белуги, глядящие из-под рогож длинноносые стерлядки, золотящееся по всему двору просыпанное зерно, какого на Днепре никогда не видывали – крупное, тяжелое, прозрачно-блестящее, как янтарь. Появились тогда на улицах и высокие русоволосые люди с орлиными носами – возчики-касоги.

Теперь вот настало время докончить дело отца. Игорь погиб, и Тмуторокань захирела, обложенная кочевниками. Бывали годы, когда оттуда не прорывался ни один корабль, ибо пройдя по морю до Днепра, караваны попадали в руки печенегов, стороживших пороги. А пробиться к Киеву по суше и помыслить никто не мог – малочисленное войско могло еще кое-как отсидеться за городскими стенами, но пойти с обозами через степь ему было не по силам. Если Святославу удастся сделать своими данниками не только алан, но и касогов, Тмуторокань будет той твердыней в тылу печенегов и ромеев Херсона, которая сможет оттянуть на себя их силы в случае большой войны с империей. Если же касоги не будут побеждены, они сами станут угрожать русским владениям.

Но до битвы дело не дошло. Когда войско Святослава и касожская конница выстроились друг против друга, князья касогов прислали стариков к русскому князю.

Святослав выслушал их, сидя на расстеленной кошме. Седобородые послы предложили поступить по их старому обычаю, чтобы не губить дружины: пусть сразятся или князья или два самых сильных богатыря. Чей богатырь одолеет, той стороне и платить дань. Видно, не очень-то надеялись касоги на свое войско. Святослав согласился и тоже не прогадал: вызвавшийся на противоборство молодец недолго возился с касожским витязем, изловчившись, бросил его спиной на землю с такой силой, что противник еле уполз в свой стан.

Поскольку до войны не дошло, дружина Святослава ненадолго задержалась в землях касогов. Кое-кто из дружинников ворчал, что князь не дал людям как следует отдохнуть, и даже посмотреть на касожских красавиц не привелось – при подходе войска к любому селению весь женский пол куда-то прятался, а из-за глинобитных стен торчали только настороженные бородатые лица.

Тмуторокань встретила русскую дружину картинами полного запустения. Вся местность вокруг города выглядела заброшенной. Только кое-где кустились жалкие огороды, да одинокие одичавшие яблони оживляли холмистую полосу земли, сжатую с двух сторон морем. Оплывший

кое-где земляной вал скрывал от глаз беспорядочно построенный городишко. Полуземлянки с дерновыми крышами лепились вокруг облупившегося длинного строения, именуемого местными жителями не иначе как дворец. Обитавший в нем начальник отряда вышел встречать князя в измызганном хазарском халате, подпоясанном касожским пояском с серебряными бляшками, в греческой скуфье на нечесаных длинных космах. Стоптанные сафьяновые сапоги неизвестно какого происхождения и кривая печенежская сабля дополняли этот наряд.

Святослав выслушал доклад тмутороканского властелина сидя в седле, затем легко спрыгнул на землю и, бросив поводья гридню, вошел во дворец. В нос князю ударил запах прокисших овчин, смешанный с едким духом перебродившего кумыса и чего-то еще невыразимо тошнотворного. Тучи мух наполняли воздух тревожным гудением.

Осмотрев предложенные ему покои, устланные пыльными коврами, Святослав молча направился к выходу и приказал дружинникам разбить шатер за городской стеной. Получив заверения в преданности местных жителей Перуну, Даждьбогу и Сварогу, князь велел волхвам подготовиться к жертвоприношению: он решил отблагодарить богов за счастливое возвращение в русские владения. Затем, повернувшись к патлатому начальнику отряда, князь спросил, приносят ли тмутороканцы жертвы только славян-

ским богам или переняли от окрестных племен также их верования. При этом Святослав неодобрительно смерил взглядом долгополый халат обитателя дворца.

Гостеприимный начальник отряда не знал, как услужить великому князю. Призвав местного волхва, коренастого детину в кожаной долгополой рубахе и ожерелье из волчьих зубов, он осведомился о состоянии святилища, явно желая показать Святославу свою распорядительность. Жрец заученно произнес:

– Как ты и велел, все готово. Огнь священный негасимый пред болваном возносится яко моление вседневное. Петухи наилучшие от людей взяты...

– Не гоже богов за такой поход петухами ублажать, – усмехнувшись, сказал князь. – Белого коня трехлетка Перуну закласть велю. Веди на капище.

Детина помчался вперед, бренча волчьими зубами и нашитыми по подолу колокольчиками. Следом за ним двинулись волхвы, прибывшие с войском. Один вел под уздцы белого как молоко жеребца с черной звездочкой во лбу, другой тащил упиравшегося козла, также белого, третий подгонял белого барана.

Святослав много слышал о знаменитом тмутороканском болване – так именовали изваяние божества, которому издревле поклонялись в этих местах. Говорили, что оно весьма могущественно и благосклонно к людям, не скупящимся на

жертвоприношения. Теперь он с удивлением смотрел на этого идола, совсем не похожего на тех, что стояли в Киеве. Высеченный из мрамора мускулистый бородач в накинутой на плечи шкуре какого-то зверя и с огромной дубиной в руке во всем походил на обыкновенного человека – ничего в нем не было божественного. Перун на киевском капище, высеченный из дубового кряжа, был страшен и величав, его стеклянные глаза яростно пригвождали всякого немым вопросом: что несешь в жертву? А этот, человекоподобный, смотрел невидящим взглядом поверх негасимого огня куда-то в никуда. Вокруг него торчали из земли другие болваны – каменная баба, подобная тем, что во множестве попадались Святославу в степях, глиняный кувшин с нарисованным косоглазым ликом, маленькие палочки с навершиями в виде человечьих головок. Нет, не для них привел сюда Святослав благородного жеребца, не им пожертвует козла и барана священной масти. Он распорядился доставить на капище походные изображения божеств и, когда резные статуи выстроились вокруг огня, велел начать жертвоприношение...

Святослав остановился на угловой башне. Отсюда виден был и весь город, лежащий внизу, и весь ромейский лагерь, полукольцом охвативший Доростол. Как много огней на греческой стороне, как мало их у русов! Хорошо если треть дружины осталась с ним. Неразумно было раз-

бросать войско по многим крепостям. Недальновидно понадеялся он на венгров и печенегов. Да и решимость болгар противостоять ромеям, их преданность старым богам он тоже переоценил. Это урок – и ему, и другим князьям русским: можно надеяться только на своих, никто не спасет в тяжелый час, кроме собственной дружины. А уж на греков и подавно не полагайся. Как поздно разгадал он Калокирову игру: если бы знать сразу, что прохвост задумает использовать его для завоевания трона, он бы повел эту войну совсем иначе.

Когда Калокир появился в Киеве с мешками золота и льстивыми словами на языке, у Святослава не было сомнений в том, что император хотел бы загрести жар его руками. Но это настолько совпадало с замыслами самого князя, настолько облегчало его намерение создать новую столицу в низовьях Дуная, что он не скрыл своей радости по поводу предложений патрикия о начале войны с Болгарией. Но, как теперь выясняется, здесь была еще одна подоплека – на деньги императора честолюбивый грек хотел купить силу, способную вознести его на вершину власти.

Жрецы, убеждавшие Святослава не переносить столицу из Киева на Дунай, опасались, что князь намеревается освободиться из-под власти веча, стать самодержцем вроде ромейского императора. Не принимали они уверений князя в том, что его привлекает в Переяславце возможность держать в руках всю торговлю Севера и Юга, За-

пада и Востока. А потом, когда приходил из Болгарии в Киев, чтобы отогнать печенегов, осадивших город, и мать, княгиня Ольга, стала уговаривать Святослава не ходить больше на Дунай.

– Видишь – болею, неужто бросишь опять мать и жен, и сына малолетного. Похорони меня, по крайней мере, тогда и отправляйся куда захочешь.

Святослав до сих пор терзается мыслью о том, не он ли ускорил смерть матери – всего через три дня после этого разговора угасла она. Как казнился он тогда, как корил себя за жестокосердие, как рыдал у гроба. Черные греческие жрецы, окружавшие смертное ложе, со страхом взирали, как метался князь, как колотил себя в грудь.

Невыносимо было смотреть на отпевание матери, на ее погребение в черной узкой яме без всеочищающего пламени. Но такова была воля Ольги: не совершать русских обрядов, а предать ее земле по христианскому закону, не творить тризны, но поминать ее раздачей милостыни и чтением непонятных длинных молитв. Как сейчас перед глазами многотысячная вереница людей, медленно идущих к свежей могиле. Святослав впервые почувствовал тогда страх перед будущим: их становится все больше, и придет день, когда весь Киев будет гудеть от звона медных досок, в которые колотят церковные служки, сзывая христиан к службе.

Эти ночные костры вокруг Доростола и та молчаливая нескончаемая вереница – два воин-

ства, два поля битвы... Поражение здесь отзовется там. Он знал возможность такого исхода, поэтому и ринулся на ромеев: не победить черное молчаливое воинство у себя дома пока возносится над миром город Константина, пока звучит оттуда высокомерная проповедь о превосходстве странного бога, который не сумел защитить самого себя. Его приговорили к позорной смерти единоверцы хазар, которых победил Святослав. Так кто же избранник судьбы: тот, кто поклоняется распятому, или тот, кто низверг потомков его палачей?

РОМЕЙСКИЙ ЛАГЕРЬ ПОД ДОРОСТОЛОМ

Императору не спалось. Он велел слугам откинуть полы шатра и перенести себя вместе с ложем к выходу. Глядя на зубчатый силуэт крепостных стен, смутно рисовавшийся на звездном небе, Иоанн размышлял о неудачах последнего времени. Так счастливо начатая война неожиданно затянулась; войско русов, которое поначалу представлялось Цимисхию обычной варварской ордой, оказалось весьма упорным и сильным противником. Даже уступая ромеям в числе и в вооружении, воины Свендослава сумели не раз поставить императора в трудное положение. Их богоненавистный вождь не только искусен, но и умен: даже видавшие виды командиры Цимисхия, прошедшие с ним Сирию и Месопотамию, были поражены умением варваров сражаться в пешем строю против катафрактов – тяжелой конницы, закованной в латы. А вылазка русов вчерашней ночью поставила под сомнение успех более чем двухмесячной осады.

Воспользовавшись непогодой, под раскаты грома и шум проливного ливня русы под командой самого Свендослава вышли на нескольких сотнях челнов-однодеревок из города и поднялись на веслах вверх по Дунаю. Подобравшись к обозу ромеев, варвары перебили прислугу и, захватив много зерна, печеного хлеба, вина, сыра и мяса, погрузили все это на свои челны и вернулись в Доростол.

Когда утром Иоанну доложили о ночной вылазке, он в гневе готов был предать смерти начальников флота. Его едва уговорили смилостивиться над ними, но на будущее император пригрозил за подобное упущение безусловной казнью.

Цимисхий отбросил одеяло и вскочил с постели. Приказал одеть себя и, завернувшись в плащ, выбежал наружу. От воспоминания о не-

Русская ладья-моноксила

удаче его бросило в жар, и теперь он с удовольствием вдыхал холодный воздух, пахнущий рекой, травой, дымом, конским навозом.

Звезда над угловой башней Доростола погасла, затем вновь зажглась. Цимисхий догадался, что кто-то ходит там наверху, и попытался представить себе, о чем думает этот неизвестный варвар. Может быть, он участвовал во вчерашней вылазке и теперь смакует обстоятельства? Или так же, как Иоанн, смотрит во тьму, охваченный необъяснимой тревогой перед огромностью мира, в котором хозяйничает ветер, пришедший из гиперборейских далей. Куда смотрит сейчас этот грубый воитель – может быть взгляд его устремлен на костер, рядом с которым остановился император? Цимисхию показалось на мгновение, что между ним и тем русом на крепостной башне протянулась тончайшая нить, тяжко гудящая под ударами ветра. А может быть, это враждебные сердца наполнили ночь гулким набатом? Император вздрогнул, наваждение кончилось. Он почувствовал себя бесконечно малой песчинкой под грозно и немо горящими звездами. Если судьбе угодно будет отнять у него почти достигнутую уже победу, он действительно станет одной из тех человеческих песчинок, которые взметают и уносят ветры истории. И тогда вся его великая война покажется потомству лишь цепью мнимых успехов, приведших обманувшегося в себе воителя к бесславному концу. Иоанн снова переживал приступ неверия в себя, снова

испытывал потребность придирчиво перебрать в памяти все перипетии кампании с самого первого дня...

Незадолго до начала войны с русами император отпраздновал свадьбу. Феофано, имевшую на него виды, он отправил в ссылку на один из отдаленных островов, а сам женился на дочери императора Константина Порфирородного, скончавшегося за десять лет до восшествия на престол Иоанна. Он правил дольше, чем кто-либо из его предшественников – сорок шесть лет. Помимо того, что Цимисхий хотел избавиться от вдохновительницы заговора, которой он был обязан троном, новый властитель хотел связать свое имя с популярной династией и тем самым усилить собственные позиции перед лицом многочисленных врагов. Отовсюду тайные агенты императорской полиции – сикофанты – доносили о готовящихся заговорах. С Востока грозили мятежники, вставшие под знамена Фоки, с Запада – Калокир, опирающийся на силу русов. С заключением царственного брака Иоанн получал поддержку многочисленной знати, выдвинувшейся при Константине Порфирородном, приобщался к наследию покойного самодержца, в том числе к его рукописям, впитавшим богатейший государственный и военный опыт. Рожденный в Порфире, особом помещении императорского дворца, с ранних лет носивший звание законного наследника ромейского престола,

коим владели его отец и дед, Константин получил власть не как Цимисхий, в тяжелой и кровавой борьбе, поэтому его наследие особо интересовало узурпатора, лелеявшего мечту о долгом и великом царствовании.

В заметках Константина Иоанн наткнулся и на рассуждение о своем противнике в предстоящей войне: «Знай, что все северные племена по природе своей жадны до денег, алчны и совершенно ненасытны. Их натура поэтому всего жаждет и до всего вожделеет, и не положены пределы ее влечениям, всегда ей хочется большего, а из малой пользы она желает извлечь большие выгоды». Сам Константин, не раз отражавший набеги варваров, тщательно собирал донесения агентов и купцов, побывавших в северных землях. Особенно занимали его возможные противники русов. Одна выписка из сочинения арабского летописца привлекла внимание Иоанна. «Оторвалась часть тюрок от своей страны, и стали они жить между хазарами и Румом, называют их баджанакийа, и не было им места на земле в прежние времена, и вот двинулись они и завоевали землю, и они – шип русийев и их сила». Выходило, что баджанокийя, или пацинаки, как называли их ромеи, или печенеги по-русски, главная сегодня сила Свендослава. Если истинно мнение Константина, то пацинаки столь же алчны, как и русы. Вызвать их столкновение между собой может, следовательно, богатая добыча. Или – обещание помочь овладеть достоянием русов. Но по

силам ли пацинакам справиться со Свендославом, если даже могучие хазары не устояли против его дружин? И в ночь, предшествовавшую выступлению в поход, Цимисхий в который уже раз перечитал донесение араба-очевидца падения Хазарии, от которого становилось тягостно на душе.

Только под утро забылся император тяжелым сном, который не дал отдохновения: всю ночь сменяли друг друга видения кровопролитных сражений и сожженных городов. А когда, пробудившись, Иоанн позвонил в колокольчик и евнух подал сосуды для омовений, было заметно, с каким тревожным вниманием поглядывает на Цимисхия старый слуга. Он даже не решился задать свой обычный вопрос, как почивал василевс.

Войска двигались почти без отдыха, так как разведка донесла, что клисуры – узкие горные проходы Балкан – не охраняются. То ли варвары решили, что в преддверии Пасхи ромеи не станут наступать, то ли уверились в мирных намерениях Иоанна после нескольких посольств, приходивших к Свендославу с дарами, то ли полагали, что мятеж Варды Фоки еще не подавлен.

После того, как летом и осенью 970 года русские дружины нанесли ромеям несколько чувствительных поражений во Фракии, они невероятно возгордились. Магистр Иоанн по прозванию Куркуас, которому было доверено войско на западе, предавался безмерному пьянству, под

его началом и другие командиры проводили время в преступной праздности. Результатом было позорное поражение под Аркадиополем.

Как бы то ни было, Свендослав имел основания для беспечности. Цимисхий не преминул наказать его за это, ворвавшись во главе своих катафрактов и отборной пехоты на холмистую равнину, окружающую Преславу. Пройдя маршем наиболее опасные горные участки и переночевав на неприступном холме невдалеке от столицы, ромеи на следующее утро построились в боевые порядки и под звуки боевых труб и тимпанов выступили на Преславу.

Хотя появление огромного войска застало врасплох Сфангела, командовавшего русской дружиной, он сумел собрать свои полки и бросить их навстречу «бессмертным», составлявшим ударную силу Цимисхия, – их ряды пополнялись за счет детей погибших знаменитых воинов; на место каждого сраженного тотчас заступал но-

Преследование отступающей русской армии византийцами. Миниатюра из мадридского списка «Истории» Иоанна Скилицы

вый латник, отсюда и возникло наименование этого отряда. Испуская воинственные вопли, язычники вступили в бой, но не выдержали натиска конницы и обратились в бегство. Ромеи преследовали их до самых стен города, пока остатки русов не затворились в Преславе. Тысячи трупов усеяли поле битвы, и воины Цимисхия разбрелись по нему, чтобы собрать трофеи – главными среди них почитались русские мечи, намного превосходившие ромейские по своей крепости.

На рассвете следующего дня в лагерь императора прибыли обозы и те отряды, которые везли тяжелые осадные машины. Поэтому, не давая русам как следует подготовиться к обороне, Иоанн приказал идти на приступ. С пением победных гимнов войска несколькими колоннами подошли к городу и начали обстрел его защитников из камнеметных орудий, пращей и луков. Русы и помогавшие им болгары едва могли высунуться из-за стен, чтобы бросить в ромеев дротик или камень.

Преследование отступающей русской армии византийцами. Миниатюра из мадридского списка «Истории» Иоанна Скилицы

Зычный голос императора перекрыл шум битвы: приказ приставить к стенам лестницы воодушевил ромеев, и они ринулись вперед под градом стрел и копий. Осажденные, сильно уступавшие в числе войску Цимисхия, не выдержали напора и уже первый приступ принес успех осаждавшим. Отступившие к центру Преславы русы и их союзники укрылись в укрепленном царском дворце и отражали все попытки «бессмертных» прорваться туда. Когда Иоанну доложили о гибели полутора сотен отборных воинов, он приказал остановить безрассудное наступление и распорядился метать огонь через стены на помещения дворца. Вскоре гудящее пламя охватило обширные строения царской резиденции, и семь тысяч воинов, нашедшие там убежище, вынуждены были выйти навстречу ромеям и выстроились вкруговую на открытом месте возле дворца.

Отряд магистра Варды Склира окружил остатки войска Сфангела и в завязавшейся битве почти полностью уничтожил его. Погибло также множество болгар – не только воинов, но и мирных жителей, помогавших воинам в защите города. Схваченный ромеями болгарский царь Борис вместе с женой и двумя детьми был доставлен в ставку Цимисхия. Император милостиво принял его не как пленника, но как властителя страны, и заверил, что целью вторгшегося войска является не захват страны, но отмщение коварным скифам, поработившим Болгарию.

Когда Цимисхию доложили, что Калокир и Сфангел не обнаружены ни среди пленников, ни среди убитых, император понял, что оба ускользнули от него и теперь наверняка на пути в Доростол, где с основными силами находился Свендослав. Ясно было, что теперь Иоанну незачем спешить – русы все равно успеют подготовиться к противоборству с ромеями. Отобрав особо изувеченных пленников, Иоанн отправил их к Свендославу с сообщением о взятии города и гибели защищавшего его отряда, а также поручил им передать самонадеянному архонту варваров, чтобы он без промедления выбрал одно из двух: либо сдаться победителю и, испросив прощения за свою дерзость, незамедлительно удалиться из Болгарии, либо, если он склонится к врожденному своеволию, защищаться от императора ромеев.

Достойно отметив великий праздник Воскресения Христова раздачей щедрой милостыни и наград войску, Цимисхий приказал выступать на Доростол. Узнав о его приближении, болгары, устрашенные стремительным взятием Преславы, отказывались от сопротивления и сдавали крепость за крепостью. Только немногие города остались верны союзу с русами, но и они пали под ударами непобедимых фаланг, как любил на старинный лад именовать свои войска Иоанн.

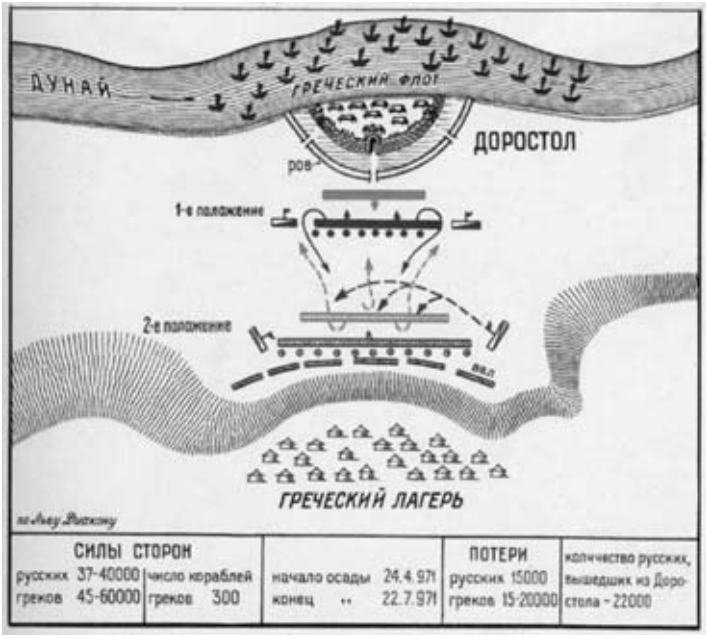
Подойдя к Дунаю, Цимисхий издали увидел мощные укрепления Доростола. Хлебные поля

подле города пестрели разноцветными шлемами и знаменами русов. Построившись в ожидании битвы, дружина Свендослава плотно сдвинула щиты и копья, придав своим рядам вид стены. Оглядев многотысячные когорты варваров, Иоанн с улыбкой сказал окружавшим его военачальникам:

– Не думал, что их так много. Боюсь, не хватит тех ремней и веревок, которые везут в обозе, чтобы вязать пленных.

Оценив самодержавную шутку, свита разразилась хохотом.

По команде императора войсковые священники выехали перед войском со святыми дарами.



Битва под Доростолом. 22 июля 971 г.

Спешившиеся конники и пехотинцы, укрепив на воткнутых в землю копьях свечи, молились на коленях о ниспослании победы, о спасении в бою, о прощении грехов, о благополучии семьи. Звучали псалмы и благодарственные тропари по совершении таинства причастия: стоя на коленях, воины получали из рук священнослужителей освященный хлеб и вино, целовали крест.

Наконец запели трубы, загремели кимвалы. Катафракты поскакали на фланги, а в центре построилась пехота с мечами, позади – лучники и пращники. По сигналу императора войско двинулось на русов. Стрелы и дротики, взмывая из задних рядов над головами меченосцев, смертоносным градом обрушивались на варваров.

Завязалась рукопашная. Ряды сражающихся смешались. Закованные в броню катафракты безуспешно пытались взять в клещи пешую рать Свендослава. Наглухо закрыв фланги от конницы длинными щитами, русское войско стремилось расчленить на разрозненные отряды вражескую пехоту. Видевший это Цимисхий то и дело посылал в центр подкрепления. Но русы с яростным ревом бросались на свежие силы ромеев, и поле брани устилали все новые трупы.

Мало по малу дружина Святослава теснила войско Цимисхия; когда измученные многочасовой битвой ромеи дрогнули, император понял, что настал решительный миг, и приказал трубить к наступлению. Застоявшаяся в запасе конница во весь опор понеслась на русов, и они не выдер-

жали страшного удара, в стене щитов образовались бреши, ряды воинов сломались и началось отступление.

Быстро втягивались отряды Свендослава в открытые ворота крепости, пока последний воин не скрылся в них. Конница столпилась перед стенами города, затем прянула назад, уходя от стрел и камней, летевших с укреплений.

Цимисхий не заметил, как село солнце. Только теперь, когда по полю протянулись бесконечные тени от рассыпавшихся по нему всадников, он обратил взгляд к западу и увидел стремительно уходящий за хлебное поле багровый край светила. Казалось, оно тоже напиталось кровью, обильно пролившейся на эти мирные нивы. Иоанн вознес горячую молитву Владычице небес и святому Димитрию, даровавшим победу. Видя коленопреклоненного императора, возвращавшиеся с битвы воины пели победные гимны и восхваляли самодержца.

Повелев раздать участникам сражения награды и вино, Цимисхий уединился в шатре с ближайшими советниками и высшими командирами. Хоть он и считал сегодняшнюю битву выигранной, упорство и храбрость русов насторожили его. Их гораздо меньше, чем ромеев, но дерутся они не жалея жизни, и победа не будет столь легкой, как в Преславе. Поэтому необходимо было решить, как вести осаду города, чтобы лишить Свендослава всякой возможности получить подкрепление, отрезать его от источников жизненных припасов.

Прошло два дня, заполненных мелкими стычками у городских стен. Отряды легкой конницы ромеев вели перестрелку с лучниками и пращниками, засевшими на стенах и башнях Доростола, в то время как остальное войско занималось строительством укрепленного лагеря на холме, одиноко возвышавшемся посреди равнины. Обведя это возвышение рвом, вырытую землю воины уложили в виде насыпи. По гребню ее были плотно натыканы копья, а на этот частокол навешены соединенные между собой щиты.

Тем временем к городу подошли поднявшиеся от устья Истры огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде флота в лагере Цимисхия раздались восторженные возгласы. Напротив, у столпившихся на стенах Доростола были встревоженные лица. Русы поняли, что путь к отступлению отрезан, кольцо осады замкнулось. Отовсюду мчались к городу легкие челны; застигнутые врасплох приходом судов, они спешили укрыться от смертоносного греческого огня, о котором были наслышаны все в русском войске. Когда-то такие триеры обратили в пепел огромный флот Игоря, еще служили в войске дружинники, испытавшие на себе действие этого оружия.

Но, против ожидания, прибытие подкреплений и установление полной осады не обескуражили, а напротив, ожесточили варваров. Перебежчик-болгарин, вырвавшийся из Доро-

стола, рассказал, что русы исполнены решимости биться до победы и говорят между собой: если ромеи разобьют нас, все народы, в которых мы вселили страх своей мощью, перестанут бояться и восстанут на нас.

Иоанн убедился в том, что русы готовы сражаться насмерть, уже на следующий день. Рано утром войско Свендослава вновь выстроилось на равнине. Одетые в кольчуги, защищенные длинными щитами, дружинники стояли неподвижной стеной. Император решил не использовать катафрактов – в прошлый раз они не смогли пробить живую стену русов. В сражение были брошены пехотинцы.

Опять с переменным успехом весь день длилась битва. Исход ее оставался неопределенным до того момента, пока один из ромеев не сумел

Крепостные стены средневекового Доростола

сразить доблестного воителя Сфангела, мужа огромного роста и нечеловеческой силы. Видимо, желая загладить свою вину за поражение в Преславе, он рвался во все самые опасные очаги сражения, воодушевляя своим примером прочих дружинников. Когда смерть вырвала из их рядов Сфангела, они начали шаг за шагом отступать к воротам города.

Цимисхий понял, что стремительный натиск не поможет, нужно последовательно обескровливать воинство, засевшее в Доростоле. И распорядился выдвинуть вперед метательные машины и баллисты. От огромных каменных ядер, во множестве выбрасываемых этими сооружениями, среди осажденных было немало жертв. Тогда Святослав послал отборных воинов, чтобы они уничтожили досаждавшие городу машины. В завязавшейся схватке погиб родственник императора магистр Иоанн Куркуас. Его богатое облачение и вооружение навели русов на мысль, что им удалось убить самого Цимисхия. Насадив голову незадачливого магистра на копье, варвары выставили ее на городской стене, крича и потешаясь над ромеями. Однако, радость их была недолгой – император выехал впереди своего войска, которое в очередной раз попыталось штурмовать стены Доростола.

Ночью русы, пользуясь полнолунием, вышли на равнину и собрали трупы павших во время битвы за осадные орудия. Сложив их на огромные костры, они подожгли их, принеся при этом

в жертву несколько пленников. Громко стеная, воины оплакивали павших. Ромеи, наблюдавшие отсветы огня на строениях города и слышавшие вопли варваров, осуждали безрассудство Куркуаса, который, будучи пьян, бросился в самую гущу врагов и был мгновенно изрублен ими, а оставшиеся без руководства его люди бежали, позволив русам разрушить машины. Тем не менее никто не отказался от эвбейского вина, выставленного императором в память своего родича.

Вспоминая эту ночь, наполненную воплями русов и пьяными выкриками разгулявшихся ромеев, Цимисхий с новой силой пережил то паническое чувство, которое охватило его при виде

Тризна русских дружинников после битвы под Доростолом в 971 году. Картина Г. Семирадского.

восходящего ночного светила. Почти с самого начала похода небо было постоянно затянуто тучами, и только в ночь поминок по Куркуасу светящийся диск возник над темным краем земли и неприметно стал подниматься к центру небосклона, пока не завис над шатром Цимисхия.

С тех пор много ночей Иоанн с замиранием сердца ждал, когда луна, все быстрее терявшая свой блеск, достигнет зенита. Лагерь к этому времени уже спал, и только храп из палаток нарушал тишину. Молясь Богородице и ангелу-хранителю, император вопрошал, что знаменует идущий на ущерб бледный лик, чью погибель пророчит: его или Свендослава.

Вчерашняя грозовая ночь была наполнена шумом ливня и града, но Иоанн безмятежно заснул, словно успокоенный тем, что Всевышний милостиво задернул от него облачным покровом вестника бед и несчастий.

Но каково же было пробуждение: топот множества ног у шатра, стенания и крики раненых обозников, доставленных на допрос к императору. Цимисхий готов был всех их сделать добычей меча, и только духовнику удалось удержать его от предания казни всех, кто прозевал ночную вылазку Свендослава и захват обоза...

Вот над башней возникло узкое светящееся копье и медленно поползло вверх, все более изгибаясь и превращаясь в серп. Все, что осталось от луны.

ДУНАЙ

Святослав размеренно наклоняется вперед и откидывается назад вместе с веслом, глядя на обтянутую льняной рубахой спину переднего гребца. Князю не хочется больше встречаться глазами с теми, кто, стоя на палубах ромейских судов, наблюдает за уходом русских ладей из Доростола. Хватит того, что он слышит их оживленную перекличку.

Только отойдя на значительное расстояние от покинутого города, Святослав кладет весло и переходит на корму. Стены и постройки, среди которых он прожил несколько месяцев, кажутся отсюда вполне мирными, ибо дрожащее над берегом марево скрывает разрушения, причиненные городу осадными машинами и зажигательными снарядами баллист. Над пожарищами зеленеет листва, солнце дарит бездомным животворящее тепло, дунайские воды чисты и прозрачны, словно никогда не случалось тех дней, когда весь видимый речной простор был усеян вздувшимися трупами.

Князь зажмуривается. Нет сил вспоминать все это: каждодневные погребальные костры и тризны, вырастающие из-за вытоптанного ржаного поля сомкнутые ряды катафрактов, идущих под белыми знаменами севастофоров – посланников императора. Хочется забыть все, что было под этими стенами. И Святослав молит богов послать забвение, перенести его далеко-далеко, в мир детских грез. Но, уронив чубастую голову

Встреча Святослава с Иоанном Цимисхием. (Художник К. Лебедев)

на заботливо подсунутую кем-то свиту, он возвращается не в тот слепящий снежный и солнечный день, когда кони несли его возок по Днепру, не в храм Святовида, не в уютную тесноту детских покоев дворца, но попадает в ревущий огненный смерч, взлетающий к небесам по бревенчатым стенам киевской церкви Святого Николая...

– Эй, князь, я вижу твою смерть! – вне себя от ярости кричал юродивый. – Тебя покарает Христос, все силы небесные восстанут против тебя, и этот огонь, который ты обратил против дома Божьего, пожрет тебя!

Нестерпимый жар все шире раздвигал круг людей, столпившихся вокруг объятого пламенем остова церкви. Только что с треском обрушились внутрь превратившиеся в скелеты купола. Словно огненная лестница карабкалась в небо истончившаяся бревенчатая кладка стен. Встревоженные голоса призывали толпу раздаться: вот-вот остов храма должен был рухнуть.

Волхвы и дружинники, окружившие Святослава, беспечным хохотом отозвались на выкрик убогого, который невесть откуда подкатился к копытам княжеского коня. Сквозь прорехи рубища, покрытого заплатами, видны были цепи, опоясывающие немытое тело. Глаза полыхали отсветами пожара.

Святослав занес было руку с плетью, но испугавшийся конь поднялся на дыбы и удар пришелся по воздуху. А потом, осадив вороного,

князь совладал с собой и не стал увечить юрода. Мотнув чубатой головой, быстро спросил волхва:

– А ты что предскажешь, кудесник?

– Смерть свою примешь от руки человеческой, князь. В бою с врагом сложишь голову, – ответил старый жрец, повсюду сопровождавший Святослава. – Вспомни моление пред болваном тмутороканским. Когда предали сожжению на жертвенном огне сердце коня, я гадал по воскурению, и ветр повернул тот дым в сторону степи. Если бы поднялся он прямо в небо, тогда от богов ждать тебе кары, если бы на закат, к морю понесло – от пучины водной или силы ромейской беречься, а коли на восход показало – либо хазарина, либо печенега опасайся. Бойся, князь, степи...

Несмотря на нестерпимый жар, Святослав завернулся в корзно – устремленные на него тысячи глаз обжигали сильнее огня. Только теперь он почувствовал весь накал ненависти, накопившейся у христиан. Как не хотел он верить нашептываниям волхвов, что в богатых улицах его именуют не иначе как поганым, что дружинникам его подают питье в особой посуде, дабы не оскверниться прикосновением к тем сосудам, из которых пили язычники. Не хотел верить послам, которые бывали в Константинополе: Ольгиных крещеных сажал император близ себя, а его, княжеских, заталкивали в самые дальние углы трапезной. Не хотел верить в то, что его самого высокомерно называют варваром. Но не верить

было нельзя, слишком много доказательств этой заносчивости видел он с ранних лет, слышал во дворце оскорбительные обмолвки монахинь, обретавшихся на половине матери: не целуй, княгиня, дитя некрещеное, некрещеный ребенок не человек, а кусок мяса...

Когда Святослав вернулся из хазарского похода, то застал в Вышгороде целую рать попов и монахов, приехавших из германских земель. Привыкнув за многие годы к бородатым лицам греков, служивших в киевских церквах, князь редко видел бритых служителей Бога, наезжавших с Запада. И вдруг – целое нашествие Христовых слуг в белых, черных и лиловых рясах, с выбритыми проплешинами, с четками в руках. Но самое тревожное – вместе с ними прибыло множество конных воинов. Не успел князь передохнуть с дороги, как к нему потянулись жалобщики: люди Адальберта – так звали главу прибывших в Киев миссионеров – силой сгоняли киевлян в церкви, заставляли принимать крещение, мешали приносить жертвы русским богам. То же самое обиженные рассказывали каждому встреченному дружиннику.

Святослав мрачнел час от часу, наконец, не дослушав очередного свидетеля бесчинств иноземцев, направился на половину матери. Она сразу поняла по его виду, зачем пришел сын. Всего несколько часов прошло, как она обнимала его на крыльце дворца, и вот теперь лицо его дышало враждебностью.

– Они пришли по моему зову, – быстро говорила княгиня. – Ты, наверное, не разбираешься в этом, но христиане не едины, часть их подчиняется Риму, а другие – Константинополю...

– Прекрасно знаю, – перебил Святослав. – Я много раз слышал эти прения о вере, что устраивала ты в своих покоях. Но никакой разницы между теми и другими не увидел. Что мне за дело до того, каким хлебом они причащаются, уверяя себя и других, что едят самого Бога...

– Нет-нет, – Ольга поспешила прервать богохульную речь сына. – Дело не в вопросах веры, а в подчиненности. Я решила, что если приглашу пастырей, подчиняющихся римскому первосвященнику и тем самым стану духовной дочерью папы, это облегчит нам отношения с Константинополем. Ромеи не смогут тогда предъявлять нам требования как своим подопечным. У них есть такие замашки...

– А кто виноват, что они могут позволить себе такое? – выкрикнул Святослав. – Они бы не посмели именовать так ни моего отца, ни меня – наоборот, ромеи были данниками Руси. Но после твоей поездки к императору, когда ты позволила ему стать твоим крестным отцом...

– Но это неизбежно – Русь должна стать христианской страной, иначе все великие государи так и будут почитать нас варварами. И потом... потом я верю во Всемогущего...

Святослав расхохотался матери в лицо.

– Расскажи про твою веру кому-нибудь другому, только не мне. Думаешь, я не знаю, поче-

му ты вдруг решила объявить себя христианкой? Когда тело отца предали огню, на костер взошла не ты. Ты хотела сохранить свою драгоценную жизнь, а не сопровождать своего мужа в его загробном странствии. Ты убоялась того краткого мига, когда священный клинок остановит твое дыхание...

– Замолчи! – Ольга вскинула к лицу старческие ладони и зарыдала. – Я любила Игоря, я хотела отомстить за него – кто бы сделал это, пока ты был малолетним ребенком? Кто бы дал тебе власть, если бы мать твоя превратилась в прах на погребальном костре? Я осталась жива ради священной мести – ведь ты знаешь, как я предала древлянских послов лютой смерти в их собственной ладье: я устроила им погребение по всем славянским законам. Я сожгла лучших мужей древлянских в бане, исполнив лучший из способов мести, принятой у варягов. Да, чтобы оправдать свой отказ от сожжения вместе с Игорем, мне пришлось заявить, что я христианка... Но раз уж я сделала это, я постаралась принять крещение от самого патриарха и стать духовной дочерью императора – к вящей славе и силе Руси. И потом... потом я приняла в сердце Христа... Он дал заповедь нам любить друг друга...

– Вот и любила бы древлян, – скривился Святослав. – То-то показала бы свой христианский норов...

– Нет! – старческая рука с неожиданной силой сжала запястье князя. – Месть святее любви!..

Святослав ушел от матери со смутой в душе. Он знал, что нет для нее никого дороже, чем он, но никак не мог побороть враждебности, возникшей давно, но особенно явно проявившейся в тот день. Он с мстительным наслаждением вспоминал те случаи, когда сумел настоять на своем, преодолеть сопротивление Ольги. Особенно в той неурядице из-за Малуши, княгининой ключницы.

Она была ровесницей Святослава, на глазах его превратилась из дворовой девчонки, служившей на побегушках в поварне, в статную русоволосую красавицу с синими глазами. Ольга как-то обмолвилась, что Малуша напоминает ей себя самое в юности – и вскоре взяла ее на свою половину. У рабыни была столь горделивая, истинно княжеская стать, что именно ей нередко поручала прислуживать в важных случаях хозяйка дворца, будь то беседы с иноземными гостями или приемы многочисленной родни правителей малых земель Руси. Но рабыней она была не по рождению, а стала ею после разгрома Ольгой древлянского Искоростеня и захвата в плен самого князя Мала со всей его семьей. Покончив с самостоятельностью земли, казнившей Игоря, правительница Киева подчеркнула ее несвободу, обратив в рабство всех знатных древлян во главе с Малом. Люди знали это и волей-неволей относились к Малуше не как к обычной невольнице. Святославу, давно заглядывавшемуся на древлянскую красавицу, она казалась желанней любой барышни...

Когда Святославу исполнилось пятнадцать лет, Ольга сама сосватала для него первую жену – высокую белокурую деву из знатного варяжского рода. Но вскоре после рождения сына Ярополка молодой князь охладел к ней, его помыслами завладела Малуша, как-то враз расцветшая в эту пору. Как ни старалась Ольга противодействовать сыну, отсылая свою ключницу в дальние села, он каждый раз дознавался, где она, и уезжал за ней. Когда на свет появился Владимир, княгине, скрепя сердце, пришлось признать право Малуши жить во дворце. Только простенькая прялка, принесенная новой женой Святослава из людской в ее светелку, была для нее памяткой о прежнем рабстве. Да косые взгляды иной раз напоминали ей о годах несвободы, да заплаканное лицо Владимира, примчавшегося со двора: «Маменька, а почему он меня робичичем обзывает? Разве я сын рабыни?»

Перебирая в памяти эти и другие подобные события, Святослав все сильнее раскалялся, и, наконец, к нему пришли с известием о том, что люди епископа подняли руку на дружинника в киевском кабаке, а самого князя обозвали идолопоклонником. В разгоревшейся потасовке несколько человек убито, толпа громит посольский двор, грозит идти на христианские улицы. Едва дослушав гонца, Святослав крикнул: «Седлай!» и вскорости помчался в Киев.

Когда он осадил коня перед огромным скопищем народа, окружившим длинное рубленое

строение с узенькими окошками, сквозь яростный гомон голосов слышались глухие удары. Проложив себе плетью дорогу к посольскому двору, князь увидел, что несколько дюжих молодцов колотят дубовым бревном в окованные полосовым железом двери. На глазах у Святослава они рухнули внутрь, и в образовавшийся проход повалила толпа, вооруженная мечами, дубинами и топорами. Даже зычный окрик князя не остановил разъяренный народ.

Одного за другим на крыльцо вытаскивали растерзанных немцев. Епископ Адальберт в изодранном подряснике пытался утихомирить толпу, воздевая к небу руку с крестом, но даже голос его не был слышен в неумолчном гаме. Когда он увидел пробивающегося к нему Святослава, на лице его, покрытом ссадинами, промелькнул луч надежды. Нечеловеческим усилием вырвавшись от удерживавших его киевлян, Адальберт бросился на колени возле копыт коня вцепился обеими руками в княжеский сапог, как тонущий хватается за плот.

Взмахом кнута остановив разъяренных мужиков, кинувшихся отдирать от него епископа, Святослав привстал на стременах и крикнул что было силы:

– Угомонись люд! Дай слово молвлю.

И голос его превозмог-таки беспорядочный гвалт. Мало по малу народ смолк, воззрившись на князя. А он велел Адальберту подняться с колен и распорядился подвести к нему уцелевших

немцев. Их набралось около двух десятков. Все были истерзаны – платье висело клочьями, лица в кровоподтеках. Оружие у всех уже отняли, только у двоих болтались на поясах пустые ножны.

– Вот что скажу вам, мужи киевские!– заговорил Святослав, указывая на пленников. – Не знаю, правда ли то, что рассказали мне о деяниях этих иноземцев...

– Правда! – завопили сотни голосов.

– Я говорю! – свирепо мотнув головой, рявкнул Святослав. Так вот: что бы эти люди ни сделали, они разгневали народ. И все-таки: надо остановиться, они уже получили свое. Пусть идут восвояси с миром. Пусть идут и накажут другим: на Руси любят своих богов, не старайтесь переделать русских на чужеземный лад. Пусть каждый народ живет по тому закону, что достался ему от отцов и дедов.

И опять толпа несметная. Опять гул голосов, старающихся перекричать друг друга. Верховный жрец, стоя на высоком помосте, старается утихомирить людскую стихию.

– Я тоже против замысла князя, – кричит он. – Да дайте же досказать!.. Я говорил то же, что и вы, но пусть сам князь повторит свои доводы.

Святослав поднимает руку. Воцаряется полная тишина.

– Почтенное вече! Как порешите вы, так и станется. Но скажу сначала, как я понимаю не-

высказанные мысли волхвов: они не хотят, чтоб я переносил стольный град на Дунай, потому что думают: князь желает уйти из-под руки веча. Нет, мужи киевские, не лелею я мысль освободиться из-под верховной власти народа. Я, как и прежде, признаю себя лишь военным вождем на службе у веча, признаю верховенство волхвов как хранителей соборной воли и древнего закона... Понимаю, чего опасаетесь вы – как бы я с примера моравского князя да князя Мешко, что у ляхов правит, не принял за русским рубежом чужой веры вместе с дружиной, а потом, вернувшись, не стал силой вам крест навязывать... Не сегодня я решил на Дунай пойти и стольный город там заложить. Жрецы могут подтвердить, еще до хазарского похода говорил я им: там, на Дунае, будет сердцевина земли моей. Ведь туда все блага сходятся: из Греческой земли – золото, шелка, вина, из Чехии и Венгрии – серебро и кони, из Руси – меха и воск, мед и рабы.

Вече слушало речь князя с едва скрытой враждебностью. То и дело Святослава прерывали возмущенные выкрики: «Ты уйдешь, а потом с тебя и взятки гладки!» «Обещать-то все горазды». «Слыхали мы про таких сладкопевцев!» Когда же слово взял волхв, из толпы закричали: «Не хочет в Киеве править, мы себе другого князя приищем!»

Старый жрец не дал расходиться страстям. Призвав в свидетели Даждьбога, подателя мудрости, он сказал:

– Я подумал, как отвратить князя Святослава от обмана народа. Мы благодарим его за то, что хазарскую грозу отогнал, но ведь он в походах этих и силу великую набрал, какой ни один до него вождь дружины не имел. Не явится ли соблазн силу эту для своего возвышения употребить? Да если к тому же к чужой вере шатость явит наш князь. Ведь матерь его, знаем мы, тоже ради выгод своих крест приняла. Верим в тебя, князь, но не знаем, каков ты станешь, когда от народа своего оторвешься. Поэтому подсказал мне Даждьбог таковое решение: оставишь ты всем вечевым городам по сыну малолетнему, будут князьями числиться, а если ты от отцовских и дедовых законов отступишь – им теми городами с вечем владеть.

Так и решилось тогда: первенца своего Ярополка посадил Святослав на киевское княжение, Владимира – в Новгород увезли, а младшего, Олега, только что из младенчества вышедшего – в древлянскую землю, мятежом и враждой дышавшую.

И ушел он тогда в Болгарию, и сбылось все, что задумывал: поставил свои заставы по Дунаю, за валом Трояновым, что издревле империю ограждал. Теперь тот вал рубежом сделался для Русской державы. Сел Святослав с дружиной в Переяславце близ дунайского устья, и стало так, как хотел: ни одна ладья, ни одна галера не прошмыгнули мимо, что по реке, что по морю – все мзду платили переяславской таможне.

Если бы не налетели тогда вероломные печенеги на Русь, не бывать бы нынешнему сраму. Снялась тогда дружина, ушла Киев из осады вызволять. И снова привелось перед вечем ответ держать – бросил-де державу на милость кочевника, чуть было не попленили и мать, и сына, и жен твоих... Пришлось ему тогда оставить немалое войско в Киеве – его-то и не хватило теперь под Доростолом...

Скрылись за урезом вод, словно потонули, крепостные стены, не видны и триеры ромейские. Только обвешанные щитами русские ладьи, взмахивая веслами, словно крыльями, летят по серо-голубому простору, да белые чайки, как привязанные висят над мачтами, лениво взмахивая крылами. А вот и гребцы, будто очнувшись от наваждения, грянули походную песнь. Видно, и их давило зрелище оставленного города и надменных ромейских судов с бронзовыми драконьими мордами на носу. Помнилось, видно, как изрыгали эти чудовища струи греческого огня, от которого и вода и железо полыхали не хуже дерева.

Отозвались на песню с соседней ладьи, подхватила ее другая, третья. И загремел над дунайским простором могучий хор. Жива дружина, жив князь. Будут еще битвы, будут победы.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. УЛИЦА МЕСА. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ

Во всех направлениях, насколько мог охватить взгляд, тянулись убранные поля, уставленные снопами. Высокое солнце обрушивало на войско водопады зноя. Пыль из-под копыт забивала глаза, перехватывала дыхание. И все же Иоанн чувствовал себя как никогда бодрым и счастливым. То и дело он привставал на стременах в надежде увидеть наконец знакомый зубчатый силуэт.

Но вначале он заметил флаги. Они лениво полоскались впереди над самым обрезом желтого поля. Цимисхий понял, что там тянет от Золотого Рога легкий ветерок, и сразу представил, как холодит лицо и грудь этот настоянный на запахах водорослей и рыбы воздушный ток. И он снова нетерпеливо встал в седле и сразу увидел верхушки башен. Зубцов не было видно, все просветы оказались заполнены темной массой.

Люди! Император непроизвольно пришпорил коня, разом оторвавшись от свиты.

Пурпурные сапоги побелели от пыли, тем не менее, огромная толпа, собравшаяся на стенах и под ними, издалека узнала императора в стремительном всаднике, прямо сидевшем на белом арабском скакуне. Приветственный рев прокатился вдоль гигантских укреплений Константинополя. Запели сотни труб, загремело тысячеустое многолетие.

Иоанн кинул поводья окружившим его придворным и дал снять себя с седла. Кто-то бросился оттирать широкими рукавами хитона сапоги, кто-то сложился вчетверо возле золоченой колесницы, дабы подставить себя в качестве ступеньки для царственных ног. Но Цимисхий отстранил многочисленных угодников и дал знак спешившимся рядом царедворцам принести пурпурные одежды болгарского царя. Собственноручно расстелив их на колеснице, император водрузил на место, предназначенное для триум-

Номисма Иоанна I Цимисхия

фатора, чудотворный образ Богородицы из Влахернской церкви, дав понять всем, что истинной победительницей варваров является Пречистая Дева, к которой вознесли молитву ромеи накануне похода против русов. Затем Иоанн приказал вознице, управлявшему четверкой белых лошадей, медленно следовать через ворота в город. Сам же император, приняв от горожан венец и скипетр, отделанные золотом и драгоценными камнями, увенчал себя диадемой и, вновь заняв место в седле, шагом последовал за квадригой под приветственные крики толпы, волнами прокатывавшимися по всему пути следования процессии по улице Меса от Адрианопольских ворот к храму Святой Софии. Следом за Цимисхием шли связанные друг с другом знатные пленники во главе с болгарским царем Борисом, его женой и детьми. С затаенным страхом они озирали поющие толпы, дома и арки, украшенные пурпуром, златотканными покрывалами и ветвями лавра. Иоанн же созерцал все это со слезами на глазах, сердце его полнилось гордостью за свой народ, хотя он и знал, что все эти роскошные ткани по приказу эпарха вывешены на улицах членами корпораций серикариев и вестиопратов – торговцев дорогими одеждами.

Вот открылся по левую руку древний акведук Валента, также весь убранный знаменами и пурпуром. Множество смельчаков оседлало пролеты этой грандиозной постройки и беспрестанно размахивали ветвями и платками, приветствуя триумфатора.

Едва миновали акведук, как дома впереди отошли в стороны, открыв простор самой большой площади города – форума Быка, – получивший свое название от огромной старинной статуи из меди, изображающей это животное. Здесь и в обычные дни собирались тысячные толпы, ибо на форуме располагался рынок рабов, происходили казни важнейших государственных преступников и еретиков. Скользнув взглядом по позеленевшему от времени изваянию, Цимисхий подумал, что если бы той декабрьской ночью Никифора не оказалось в опочивальне, ему также пришлось предстать перед народом на площади Быка. Только не в диадеме василевса-триумфатора, а в позорном колпаке государственного преступника, в ожерелье из овечьих кишок, с наголо обритым лицом и головой, с выстриженными бровями и ресницами. Палачи провели бы его среди толпы, осыпаемого ударами и плевками, а затем, открыв люк на спине статуи, сунули его, связанного внутрь быка. Один из них торжественно запалил бы костер, разложенный под животом медного изваяния, а затихшая толпа со сладострастным вниманием ждала бы, когда раздастся душераздирающий вопль...

Еще несколько сот шагов, и процессия остановилась посреди круглой площади – форума Константина. В центре ее высилась колонна, окованная железными обручами. Когда-то ее венчала статуя самого равноапостольного императора, основателя города, но землетрясение

разрушило ее. Рухнувшую колонну снова собрали, скрепив круглые блоки металлическими кольцами, а вот фигуру Константина восстановить не смогли. Но и по сей день все торжественные шествия останавливаются в этом месте, чтобы воздать почести святому зиждителю столицы. В основании колонны лежит крест, на котором был распят Спаситель – его отрыла на Голгофе и привезла из Иерусалима мать Константина святая Елена. На этом кресте покоится не только колонна, но весь Божий мир, ибо центр его – Константинополь.

Сойдя с коня, Цимисхий подошел к болгарскому властителю и, сняв с него корону, показал толпе. Новый взрыв восторга вознаградил императора. Лишенный царского достоинства Борис стоял, опустив голову. Смертельная бледность залила его едва опушенное юношеской бородкой лицо. Иоанн двинулся дальше, неся в руках корону Болгарии. Подбежавший новелиссим взял за повод коня и повел его вслед за императором к высившемуся над всеми прочими строениями храму Премудрости Божией.

Воздав благодарственные молитвы, Цимисхий передал патриарху драгоценный венец побежденного царя, потом объявил о возведении Бориса в сан магистра, показав таким образом, что делает его своим подданным, а его страну собственностью ромеев.

Когда император выходил из храма, к нему подвели смуглого розовощекого монаха. Всемо-

гущий хранитель императорской спальни – паракимомен Василий Ноф сказал, что молодого человека зовут Львом, он дьякон патриарха, но помимо основных своих обязанностей исполняет роль хрониста, ибо обладает завидной легкостью пера и выразительностью стиля. Безбородый дьякон поклонился Иоанну и попросил дозволения представить ему летопись его похода против русов, составленную со слов его участников. Цимисхий удивленно поднял бровь и спросил:

– Когда же ты собираешься это сделать?

– Когда будет угодно самодержавнейшему из владык...

– Принеси завтра утром, – с легкой усмешкой сказал Иоанн.

Император совсем позабыл о забавном в своей самонадеянности юнце и во время утреннего приема с немалым удивлением увидел направлявшегося к нему Льва со свитком в руке. Немой вопрос на лице Цимисхия не обескуражил дьякона, он с легким поклоном произнес:

– Здесь повествование о подвигах твоего войска, о василевс.

Закончив прием, Иоанн удалился в библиотеку и, усевшись возле раскрытого окна с видом на Босфор, развернул папирусный свиток.

С первых строк он ощутил изящество и благородную сдержанность стиля. Чувствовалось, что патриарший дьякон много читал ста-

рых философов и историков. Он перенял у них не только умение в немногих словах определять главное, но позаимствовал и благозвучную архаику выражений. Повсюду избегая современных обозначений, Лев неизменно склонялся к древним велелепным словесам – он не называл воина пехотинцем, но гоплитом, а построение отряда обязательно именовал фалангой, как это было у древних, да и самих варваров он предпочитал обозначать не как русов, но как тавроскифов. Его описания были столь живы и выразительны, словно он сам побывал в тех местах, где происходили сражения. Особенно обстоятельно излагались события последних дней осады Доростола, а поскольку чувствовалось, что хронист опросил людей, видевших события под разным углом зрения – и военачальников, и солдат, и пленных болгар, пребывавших в Доростоле на стороне Свендослава – императору эта часть сочинения показалась особенно занимательной.

«На другой день на рассвете Свендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент». Когда они собрались вокруг него, Свендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество

воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. Они говорили, что ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все их корабли, как только они попытаются появиться на реке.

Тогда Свендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабощавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, которые завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей!» Вот какое мнение высказал Свендослав.

О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, – когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и

отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот такое убеждение владеет ими.

А тогда, выслушав речь своего повелителя, росы с радостью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и приняли решение мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шел шестой день недели, двадцать четвертый – месяца июля) к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Свендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на предводителя росов и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. Свендослава спасла кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам – муж,

которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоялся, чтобы они, устрашенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Никто не видал его, как рассказывают, в расположении войска ни до битвы, ни после нее, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. Но поиски были безуспешны. Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик Феодор, которого государь молил и за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах. Говорят, что накануне сраже-

ния вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посвятившей себя Богу, явилась во сне Богородица, которую сопровождали огненные воины. Она сказала им: «Позовите мне мученика Феодора» – сейчас же к ней подвели храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Доростоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить – если промедлишь, ему не избежать опасности». Тот ответил, что готов повиноваться матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидение этой девушки.

Последовав за святым мужем, ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозванию Склир, который со множеством воинов обошел их с тыла, они обратились в бегство. Ромеи преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Свендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, на поле сражения подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало. Вот какую победу одержали ромеи в этом сражении.

Всю ночь провел Свендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия ромеев, он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Доростол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «мидийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде.

Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия росов, заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев. После утверждения мирного договора Свендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь

не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Свендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него

Святослав Игоревич и Иоанн Цимисхий. Встреча под Доростолом

была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами».

Отложив свиток, Цимисхий устремил задумчивый взгляд на пролив, пестревший парусами. Небольшая рукопись вызвала у него потребность осмыслить свое место в длинной череде властителей. Как запомнится потомству он, пятьдесят первый василевс державы ромеев – великим воителем, щедрым и милостивым властелином, либо узурпатором трона и тираном? Ведь даже удачливые императоры, правившие десятилетиями, сподобились оскорбительных кличек. Константина V иначе как Копронимом не называют. Подумать только, имя самодержца, перед которым дрожала вселенная, любой оборванец соединяет с грязным эпитетом Дерьмоименный! А храбреца и философа Юлиана пригвождают прозвищем Апостат – Отступник. И ведь дело не столько в истинных или мнимых прегрешениях этих императоров – Иоанн достаточно цинично

смотрел на все их отступления от догматов христианства; ради власти, ради достижения своих целей иной раз приходится совершать такое, что простому смертному вменяется в великий грех. Он, благодарение родителю, получил хорошее образование и знал, как многое в памяти потомства зависело от умения властителя окружить себя талантливыми поэтами и летописцами. Именно они создавали образы своих повелителей, которые остались жить для будущего. Кто может сказать, насколько истинны страницы жизнеописаний, кто может по прошествии столетий судить, каков на деле был нрав давно почившего самодержца? Иное дерзкое, но умное перо может разрушить память о самом выдающемся человеке и самые великие деяния представить как смешную тщету.

Мысли его вновь вернулись к злополучному Свендославу. Говорят, в земле русов тоже существуют свои историки – их жрецы также создают какие-то летописи. Есть там и поэты, что славят своих государей на дружинных пирах. Сложенные ими гимны переходят в народ и живут среди простолюдинов в виде песнопений слепцов и преданий. То же самое было в Элладе, когда вдохновенный старец собрал многовековые легенды о великой Троянской войне. Как знать, может быть, и в грядущих поколениях русов родится свой Гомер и восславит нынешние кровавые пиршества на полях Болгарии?

Что касается его самого, то Иоанн знает, кому поручить летопись своего правления. Этот

юный дьякон не будет больше обретаться в патриаршей свите. Позвонив в колокольчик, император отдал евнуху распоряжение позвать паракимомена Василия.

Когда грузный желтолицый вельможа неслышно вплыл в библиотеку, Иоанн отрывисто сказал, стараясь не встречаться взглядом с могущественным и оттого ненавистным ему царедворцем:

– Вчера ты представил мне Льва, юного годами, но не разумом мужа. Я бы хотел видеть его среди придворных дьяконов.

БЕЛОБЕРЕЖЬЕ

Ветер с моря гнетет к земле камыши и черный кустарник, гонит над заснеженной равниной, над мрачными полями лимана белый горький дым. Среди плоских унылых равнин там и сям темнеют сваленные кучами лошадиные трупы и перевернутые ладьи. Изредка поднимается над мятущейся сухой растительностью голова в суконном колпаке и, быстро оглядев окрестности, снова ныряет в камыши. Еще реже появляются из-под земли согбенные фигуры в измызганных плащах, с мечами на поясе. Вынув оружие из ножен, они рубят кусты и, соорудив вязанку, тащат топливо к тому месту, откуда выбрались на свет Божий, и снова скрываются под землей.

В сырых землянках лежат и сидят на корточках десятки исхудавших людей. Сквозь слезы смотрят на обложенный камнями очаг, из которого валит белый дым, подсвеченный красными бликами. Как ни ест он глаза, как ни дурманит

головы, сидеть в тепле все же лучше, чем дрожать в дозоре среди камышей...

Светлое пятно входа затмевает тень – в землянку входит Святослав с факелом в руке. Пламя выхватывает из полутьмы обросшее бородой лицо князя. тревожный взгляд ощупывает воинов. Огонь движется в дальние углы, освещает лежащих на охапках камыша. Склонившись над ними, князь спрашивает:

– Живы?

Так он обходит землянки по нескольку раз в день. И каждый раз обнаруживает умерших. Много их унесли и сложили в обледеневшем кустарнике в ожидании тех времен, когда сплавят сверху лес и можно будет предать трупы погребальному костру. Но это будет тогда, когда вскроется лед и лежащие теперь вверх дном ладьи смогут уйти в Киев.

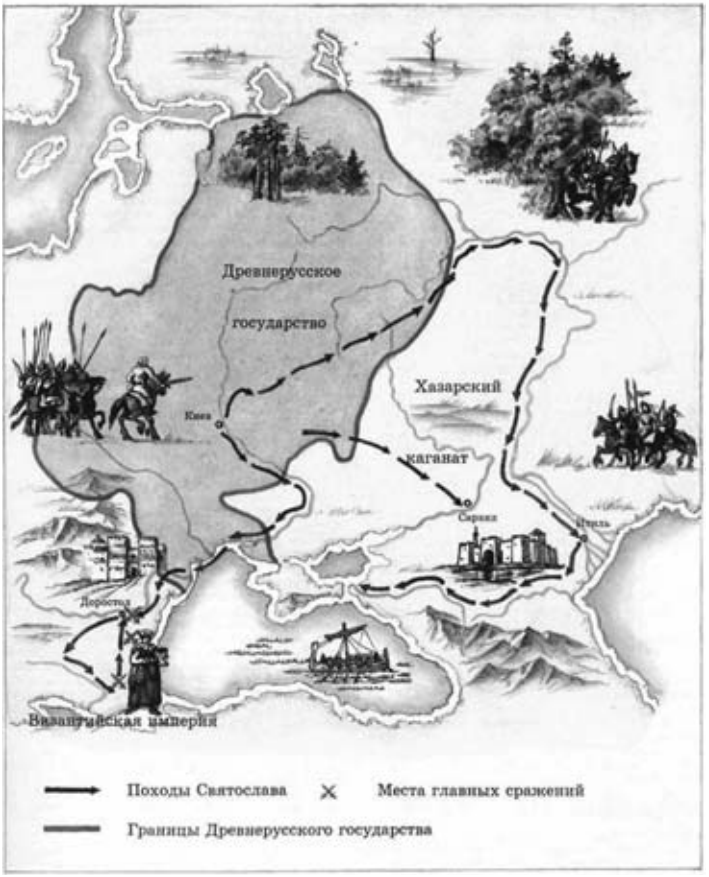
Возвращаясь к себе, Святослав подолгу сидит без света, слушая пение слепого певца, слагающего бесконечную песнь о походе в Болгарию. Старик прибился к дружине в одном из селений на устье Дуная, разоренном ромейским флотом. Расспрашивая воинов, он каждый день добавляет в словесное полотно несколько новых стежков. Гудят струны под руками, звучит надтреснутый застуженный голос, то и дело раздается кашель из темноты – кто-то опять захлебнулся дымом от камелька.

Скоро полгода, как войско стоит на плоском острове в днепровском лимане, ожидая вскры-

тия реки. С каждым днем тают силы людей, обреченных питаться лишь печеной на углях кониной. Да и павших лошадей скоро обглодают до костей. Многим ли удастся дождаться ледохода?

Первый раз дружина останавливалась на Белобережье еще прошлым летом, когда возвращалась из Болгарии. Святослав был уверен, что

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА



через неделю-другую увидит бревенчатые стены киевской крепости на высоко вознесшемся берегу. Ведь император поклялся, что уговорит печенегов не чинить препятствий войску, когда оно будет проходить пороги. Для этого он при Святославе поручил своему приближенному Феофилу Евхаитскому немедленно выехать с дарами в стан хана Кури, располагавшийся как раз за порогами. Получив свиток с договором, подписанным Цимисхием, Святослав рассчитывал, что ромеи станут соблюдать его условия хотя бы на первых порах. Поэтому, прибыв в устье Днепра, большую часть войска он отправил в Киев посуху на купленных у низовых кочевников лошадях, а сам с малой дружиной решил плыть по реке. Как ни доверял он договору с императором, не забывал все же и о предсказании волхва, сделанном в Тмуторокани – бойся, князь, степи. Он помнил, как пренебрег пророчеством жреца Олег, принявший смерть от собственного коня: избегая его при жизни, не удержался от того, чтобы почтить его останки, и умер от укуса гадюки, свившей себе гнездо в черепе олегова любимца...

Когда на исходе лета ладьи подошли к порогам, посланные вперед лазутчики донесли, что в балках у самого волока стоит несметная рать печенегов. Святослав понял, что посланец Цимисхия не затем ходил к хану Куре, чтобы уговорить воздержаться от нападения. Видать, рассказал об отступлении русов из-под Доростола да на-

пел о богатой добыче, взятой у болгар, с которой идет дружина. Святослав не стал искушать судьбу – «бойся, князь, степи» – и повернул назад, к устью. На Белобережье он рассчитывал отсидеться до зимы, в надежде, что с холодами печенеги уйдут от порогов. К тому же, если зима выдастся не суровая и Днепр не замерзнет, можно было попытаться прорваться на север, когда Куря не ждет русское войско. Но надежды эти не оправдались, небывалый по толщине лед сковал реку.

Кочевые племена, летом пасшие табуны лошадей и стада овец в приморских степях, на зиму откочевывали подальше от пронизывающих ветров, ставили свои кибитки по лощинам. А в этот год из-за особо крепких холодов они ушли в сторону от Днепра, так что посланные купить скот возвращались с пустыми руками. Только раз удалось уговорить торков – пастухов – обменять на целый ворох драгоценных тканей и дюжину гривен золота несколько десятков отощавших от бескормицы лошадей, которые пали почти сразу после того, как их пригнали к землянкам дружины. Но и этот единственный запас пищи подходил к концу, а зима и не думала отступать.

Святослав подолгу лежал на камышовом ложе, мысленно перебирая возможные способы вырваться из западни. Свенельд советовал ему обойти пороги на конях. Но где их взять? Ждать, пока по весне сюда прикочуют торки или печенеги, не подвластные Куре? А если сам хан по-

жалует к Белобережью? Может быть, стоит отправить берегом Свенельда с частью дружины, а остальным подниматься на ладьях? В попытке понять, где он совершил ошибку, Святослав не раз распоряжался запалить лучину и, развернув свиток, вчитывался в строки соглашения, подписанного в Доростоле.

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого

веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Что же могло послужить в этом договоре зацепкой для хитрого и коварного Цимисхия? То ли, что Святослав обязался не наводить иного народа на ромеев? Ведь печенеги только и живут тем, что грабят сопредельные страны, и союз с Русью ценили, похоже, потому, что им удавалось под прикрытием сильного соседа обогатиться в городах Болгарии и Фракии. А может, Феофил показал Куре договор и намеренно подчеркнул обязательства Святослава воевать против любого, кто замыслит нечто против ромеев?

От безысходных мыслей о настоящем князь вновь и вновь возвращался к недавнему прошлому в попытке найти ответ, кто виноват в поражении. Ведь войско, он знал это, отнюдь не уступало ромеям в отваге и умении. Да и болгары поначалу сражались с греками отчаянно, как с заклятыми врагами. И вдруг все начало рушиться, крепость за крепостью сдавалась на милость Цимисхия... Нет, без измены не обошлось! Но кто предатель? Сфангел, не сумевший удержать Преславу? Он уже не ответит. Или Калокир, исчезнувший после сдачи болгарской столицы? Вряд ли. Ему поражение Святослава не оставляло никаких надежд на завладение троном. Скорее всего, он уже головы лишился, если не сумел

найти убежище где-нибудь в дальней стране – у арабов или германцев. Остается согласиться со жрецами, во всем винящими христиан. В войске было некоторое число варягов, прежде служивших в Константинополе. Известно, что ромеи старались принудить наемников принять христианство, возможно, кто-то из таких новообращенных до сих пор есть в рядах дружины. После сожжения церкви Святого Николая в Киеве, поставленной христианами над могилой Аскольда, когда-то крестившегося вместе с Диром, Святослав уступил было настоянию волхвов и воинов изгнать исповедников греческой веры, но Свенельд упросил князя не делать этого. Будучи начальником варяжского отряда со времен Игоря, он хорошо знал подноготную каждого дружинника, а потому отвечал за надежность любого из своих людей. Князя убедила эта уверенность Свенельда, и он оставил все как есть. Но теперь его все чаще терзали подозрения в опрометчивости этого шага. Ему казалось, что тот, кто был с ним рядом с первых дней его жизни, теперь смотрит и говорит с каким-то тайным смыслом, что за оболочкой его слов кроются враждебные намерения. Особенно настораживало предложение ехать в Киев берегом. Пусть отправляется сухим путем сам, да еще попытается отвлечь на себя печенегов и тем самым обеспечит проход ладей на север!

Беседы Святослава со жрецами и особо доверенными дружинниками принимали все бо-

лее жестокий оборот – князь клялся полностью очистить Киев от христиан, как только вернется из похода. При этом он исподтишка поглядывал на Свенельда: не выдаст ли чем себя этот тайно христианствующий кознодей. Так именовал всех подозрительных старый волхв, тихо угасавший в углу землянки. Да-да, именно кознодей! Козни – вот главное занятие Свенельда все эти годы. Если припомнить его поступки, оторопь берет, как легко сумел он утопить всех своих противников на пути к власти. Сейчас Свенельд второе лицо в войске, если Святослава не станет, он может заявить притязания на его место. А если он действительно тайный христианин, вполне вероятно его обращение за помощью к влиятельным единоверцам...

Свистит ветер в перепутанных камышовых зарослях. Змеятся по земле струйки сухого снега. Князь делает несколько шагов от кромки льда и с размаху ударяет мечом по гладкой прозрачной поверхности. От белой звездчатой вмятины брызнули длинные трещины, но даже капли воды не выступило на льду. Святослав поворачивается к ветру лицом и смотрит, как несколько дружинников вытаскивают из землянки тело, завернутое в попону, и несут его в камыши. Двое других столь поглощены своим делом, что не замечают подошедшего князя – один держит лошадиную голову, второй рубит ее на части боевым топором. Крошки мерзлого мяса и ко-

стей падают на снег, и голая исхудалая рука ловит их, складывает в ямку, чтоб уберечь от ветра. Вздрогнув, дружинник оборачивается, и Святослав узнает его: это он куражился на базарной площади Преславы прошлой весной. Разодетый в парчу и шелк, в дорогих мехах и сафьяновых сапогах, малый едва стоял на ногах, держась за плечо торговца-разносчика, а вокруг них толпились дети и молодицы. Выкладывая на лоток со сластями монету за монетой, гуляка зычно распоряжался: подходи, народ, угощайся. Десятки рук тянулись к медовым пряникам и орехам, а разодетый дружинник самодовольно улыбался и лез за очередной монетой в кожаный кошель, болтавшийся на шее.

Князь закутывается в корзно и молча уходит. Двое смотрят ему вслед, пока он не скрывается в землянке. И снова боевой топор с глухим чмоканьем опускается на лошадиную голову.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ

Окно кельи придворного дьякона Льва Калойского выходило на обширную площадь, занятую ипподромом. В ранние утренние часы обитатель каморки любил смотреть, как восходящее солнце постепенно окрашивает в розовые тона верхушки обелисков, возносящихся неподалеку один от другого. Сначала светило выхватывало из прозрачной мглы устремленную в зенит каменную иглу, поставленную Феодосием, а несколько мгновений спустя на фоне неба возникала трехгранная верхушка египетского гранитного монолита, попавшего в столицу империи по прихоти Юлиана Отступника.

Теперь дьякон старается держаться подальше от огня, хотя просыпается по-прежнему рано и сразу садится за свой главный труд – «Историю». Если же, забывшись, отдернет штору, то обязательно увидит великий храм Премудрости Божией, расположенный справа от ипподрома.

И тогда настроение испорчено на весь день, и работа опять останавливается.

Вот уже месяц минул после 26 октября трижды неблагословенного 989 года от Рождества Христова. В этот день, когда праздновалась память великомученика Димитрия, от гнева Господня сотряслись земля и воды. Гигантские башни, защищавшие город Константина, опрокинулись, множество домов стали могилами их обитателей, даже каменный столп, на котором несколько десятилетий подвизался некий отшельник, рухнул под напором волн, а монах нашел свой конец в пучине. Но все эти бедствия бледнели, по мнению Льва, пред тем, что сталось со Святой Софией: золотой купол ее, величайший в мире, обрушился на землю. Великое творение Юстиниана, простоявшее больше четырех веков, в одно страшное мгновение превратилось в кучу обломков.

А ведь все это можно было предвидеть еще в те летние дни, когда на западе при восходе солнца появилась странная хвостатая звезда, постоянно менявшая свое место на небосклоне. Она росла день ото дня, и люди, смотревшие на нее, ужасались и ждали от нее неведомых бед. Если бы не самозваные пророки, во множестве явившиеся в эти дни, вкривь и вкось толковавшие знамение, грешный род человеческий мог бы умолить Всевышнего отвести грозу от столицы ромеев...

Лев вертит в руке тростниковой перо – калам, со вздохом придвигает к себе тяжелую книгу

из пергамена и, обмакнув кончик калама в чернила, быстро ведет строку за строкой по линиям, прочерченным графитом. Как перекликается то, о чем он пишет, с событиями последнего времени! Император Иоанн Цимисхий тоже получал предзнаменования от Бога, но не смог понять их, и конец его был поистине ужасен.

«В это же время, в начале месяца августа, появилась хвостатая звезда – нечто божественное, небывалое и превышающее человеческое разумение. Ничего похожего не видели в наш век, и никогда прежде не случалось, чтобы подобное явление длилось столько дней подряд. Появившись на северо-востоке, комета поднималась в форме гигантского кипариса на огромную высоту, затем постепенно уменьшалась в размерах и склонялась к югу, пылая сильным огнем и распространяя ослепительные, яркие лучи. Люди смотрели на нее, преисполнившись страха и ужаса. Появившись, как я сказал, в начале августа, комета была видна целых восемьдесят дней, восходя в середине ночи и светясь до самого утра. Видя это непостижимое чудо, император спрашивал у изучающих небесные светила, что может означать такое странное явление. Эти люди неправильно истолковали появление кометы, не так, как требовало их искусство, а согласно желаниям государя: они пообещали ему победу над врагами и долгие дни жизни. Ложное предсказание дали логофет и магистр Симеон и проедр Никомидии Стефан, мужи наиболее зна-

менитые из тогдашних мудрецов. Однако появление кометы предвещало не то, что предсказали эти мужи в угоду императору, а пагубные мятежи, вторжения иноплеменников и гражданские войны, бегство населения из городов и областей, голод и мор, страшные землетрясения и почти полное уничтожение ромейской державы – все то, что мы узнали по дальнейшему ходу событий».

Страница за страницей заполняются округлым минускулом – строчки округлых букв, как бы нанизанных на графитные линии, похожи на ожерелья. Да они и есть драгоценные ожерелья мыслей, выношенных Львом за сорок лет его бурной жизни. Перед глазами его прошло столько правителей и духовных владык, он видел столько подлости, лицемерия, жестокости и вероломства, что природа человека стала понятна для него, как могут быть понятны свет и тьма, холод и тепло для младенца. О, где вы, блаженные дни детства, где вы, мирные луга по берегам прихотливо извивающегося Каистра! Чудесное местечко Калоэ, уютно укрывшееся в складке у подножья гор, поросших дикими оливами и грушами! Каким светлым и добрым казался мир из окон родительского дома! И что видит он сегодня через венецианское стекло в келье Большого Дворца! Столица в руинах, и только древние обелиски не покорились стихии.

Нет больше сил на «Историю». Сегодня он завершает описание царствования Иоанна Ци-

мисхия и на этом закончит свой труд. Нынешний император Василий II и его царственный брат Константин, от имени которого вершит дела старший, довели великое государство, оставленное им предшественниками, до такого падения, что... Бог им судья, Лев не возьмет на себя этой опасной миссии – быть летописцем несчастного правления. Достаточно того, что он создал панегирик Никифору Фоке и сменившему его Цимисхию – уже за одно то, что он восхвалял этих двух императоров, его могут отправить в Нумеры – а эта тюрьма сущая преисподняя. А то и нос отрежут или ослепят – если, конечно, рукопись попадет на глаза не в меру любопытному соглядатаю.

Дьякон гладит рукой шелковистую страницу. Сколько лет отдано этой книге! Еще покойный император познакомился с первыми ее фрагментами, записанными по горячим следам болгарского похода. Как зло может пошутить судьба! Ведь будущего летописца блестящего царствования Иоанна подвел к императору его будущий отравитель! Лев машинально берет в руки пунктoрий – стержень с иглами, установленными на ровном расстоянии одна от другой – и намечает точки с левой и правой стороны листа. Затем прикладывает к крайним отметинам свинцовую линейку – канон – и проводит грифелем черту. Так он разлиновывает всю страницу. Последнюю страницу «Истории». Изумительным каллиграфическим почерком он нанизывает на

графитные струны круглые буквы – пусть эти завершающие строки будут столь же изящны, как эпитафия на мраморной плите.

«Почувствовав, что вдруг иссякла его гигантская сила, император поспешил вернуться в Византий: он торопился в построенный им самим храм Спасителя, желая, чтобы как можно скорее был закончен готовящийся для его тела гроб. Продвигаясь весьма быстро, он прибыл в Византий уже обессиленный, с затрудненным, прерывистым дыханием и был великолепно принят горожанами. Едва вступив в императорский дворец, он слег в постель, пожираемый ядом. Сознавая, что ему не поправиться от такого бедствия, ибо ужасная отрава безжалостно сжигала его внутренности, он стал щедро черпать из царской казны и раздавать беднякам, а особенно прокаженным и тем, тела которых изъедены священной болезнью (он с большим состраданием относился к ним, чем к прочим несчастным). Позвав проедра Адрианопольского Николая, мужа почтенного и святого, он открыл ему все грехи своей жизни. Проливая ручьи слез, он смывал в их потоке мерзости и грязь прегрешений и взывал к Богородице, моля ее стать его заступницей в день суда, когда перед Сыном ее и Богом будут взвешены на непогрешимых весах все деяния смертных. Исповедовавшись таким образом, Государь, не сомневаясь разумом и горюя душою, ушел из этой жизни и перешел к покою иного мира десятого января, четверто-

го индикта, шесть тысяч четыреста восемьдесят пятого года, похоронен он был в храме Спасителя при Халке, который он сам пышно воздвиг от самого основания. Такой конец жизни обрел император Иоанн, муж небольшого роста, но геройской силы, который в боях был доблестен и непобедим, в опасностях же храбр и бесстрашен. Прожил он всего пятьдесят один год, а государственную власть удерживал в своих руках шесть лет и тридцать дней».

Короткий осенний день подошел к концу. Лев складывает в шкатулку письменные принадлежности, запирает в окованный сундучок книгу. На душе пусто и темно. Как на ипподроме, еще угадывающемся в сумерках. Стены храма Премудрости Божией глыбами мрака вздымаются в стороне. Милосердная ночь скрыла от взглядов нанесенные землетрясением раны. Смиренно, как лампада, мигает звезда в том месте, где совсем недавно высился купол с мозаичным ликом Вседержителя. Такова, как видно, воля Того, Кто опрокинул над небом купол небес и явит Свой лик на этом необъятном своде в Последний День, когда придет судить живых и мертвых.

Лев знает, что День близок. Что ж, он готов предстать на суд, трепеща и ужасаясь. Блажен тот, кто почил, причастившись Святых Тайн, и невообразимо предстоящее тем, кого Час Гнева застигнет в греховных помыслах, нечестивых делах, без покаяния. Император Иоанн отошел в вечность как подобает, и Всемогущий, без со-

мнения, помилует его за многие неправедные деяния, ибо раскаялся их сотворивший. Но беспредельна тьма, которая поглотит нечестивого Свендослава, дерзавшего бросать вызов христианским государям. Его бесславный конец – тоже знамение, явленное язычникам.

Уносясь мыслями в прошлое, Лев пытается представить последние дни Свендослава. Все, что он знает о них, питается скудными слухами, дошедшими через посредство купцов, побывавших в стране русов, да преданиями пацинаков, кочующих поблизости от ромейских владений на северном берегу Понта.

...Свендослав дождался весны и с ослабевшей от голодовки дружиной направился к порогам. У него не оставалось другого выхода, ибо

По легенде – место гибели князя Святослава Игоревича. Днепропетровская область

съестные припасы закончились, а помощи получить было неоткуда. Архонт русов рассчитывал, что пацинаки не ждут его в столь раннюю пору, сразу после перехода. Но он ошибся, или, быть может, кочевников кто-то предупредил о его приближении. Как бы то ни было, во время волока пацинаки напали на дружину и перебили всех, в том числе и Свендослава. Впрочем, нет, некоторые спаслись и добрались до Киева – в их числе воевода Свенельд, который присутствовал на переговорах с императором Иоанном.

Убив Свендослава, пацинаки доставили его голову своему хану Куре, и тот велел изготовить из черепа врага чашу для пиров. Говорят, и до сего дня властители кочевников пьют из этого окованного золотом сосуда, веря, что таким образом им сообщается сила знаменитого воителя.

Безбожный Свендослав прожил чуть больше тридцати лет. Если бы не предусмотрительность императора, он бы мог долго еще досаждать ромеям. Ходили слухи, что Цимисхий купил дружбу пацинаков богатыми дарами, и Лев верил этому. Во всяком случае, правители империи всегда стремились, заключая с кем-либо договор о мире, одновременно вступить в соглашение с его ближайшим соседом, дабы держать удавку на горле новообретенного клиента.

Но если осмыслить и то, что успел совершить этот неистовый варвар за свои тридцать лет, становится не по себе. Для ромеев, впервые услышавших имя русов за сотню лет до того, как

Свендослав создал свое гигантское государство, подобное соседство было равнозначно возникновению Халифата. Тогда империя потеряла половину своих земель. Правитель языческой державы, останься он у власти еще несколько десятилетий, тоже мог покуситься на целостность Византии.

Но чего хотел сам Свендослав? Он определенно не довольствовался ролью обычного вар-

Кончина Святослава.
Б.А. Чориков, «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках», 1836 г.

варского вождя, жаждущего поживиться в богатых странах. Размах его замыслов можно постичь в сопоставлении с теми набегами, что совершали на понтийское побережье отец Свендослава и те князья, которые правили до него. Захватив добычу, они возвращались в свою далекую страну и потом по многу лет о них не было слышно. Продуманность походов Свендослава, их последовательность и результаты говорят о том, что все они были цепью единого замысла. Разбивая в битвах и подчиняя одно за другим племена и государства по всей окружности русских рубежей, он постепенно лишал империю ее главного оружия – союзников в тылах своей державы. Заняв Болгарию, Свендослав убрал последнее препятствие для прямого столкновения с ромеями.

Меч князя Святослава, найденный на дне Днепра

Прежде государственные мужи гордились, что, в отличие от варваров, империя владеет искусством ведения войны. Сколько «Стратегиконов» было написано ее полководцами, какое значение придавали василевсы обучению армии и флота! Сам покойный император Иоанн

перед выступлением против русов целую зиму ежедневно упражнял войско, заставляя его передвигаться в полном снаряжении, вырабатывал у него умение повиноваться командам в бою, слаженно биться в поле и на стенах крепости. Каково же было его удивление, когда он встретил на поле под Доростолом Свендославову дружину, способную не только противостоять натиску

Памятник на месте последнего боя князя Святослава в Запорожье, у острова Хортица (Скульптор В.М. Клыков)

превосходящих сил, организованных по правилам военного искусства, но и ставить эти силы в трудное положение. Конечно, сам Лев, работая над «Историей», старался представить победы ромеев как можно значительнее – преуменьшал число потерь Иоанна и преувеличивал количество погибших русов. Но таков с древних времен долг хрониста: повествование о прошлом должно быть поучительно для будущего, подавать пример для подражания потомкам. Какой же прок от сочинения, в котором подвиги и доблести ромеев будут представлены наравне с варварскими?

Итак, рассуждая по правилам логики, приходится признавать за Свендославом способность охватывать умом многоразличные сплетения государственных интересов и выявлять главное: как может взаимодействовать цепь союзов, заключенных между собой разными правителями. Он, надо признать, обладал умением определить наиболее слабое звено и ударом по нему заставить всю цепь придти в движение. Сокрушив Хазарию, Свендослав сразу развязал руки Халифату для борьбы с империей, освободив его от угрозы с Севера. Одновременно он открыл тылы пацинаков для новых орд кочевников, вторгающихся из глубин Великой Степи, и тем самым заставил их искать союза с собой.

Чего хотел Свендослав, какую конечную цель ставил перед собой? Не приходится усомниться, что создание языческой империи – впервые после падения Рима – было для него только началом

исполнения горделивых замыслов. Быть может, вожделения его простирались дальше, и он хотел стать новоявленным Александром Македонским? Что рисовалось его воображению? Всесветная языческая держава, утвердившая на века pax barbara – варварский миропорядок? Но ведь тогда он неизбежно пришел бы в столкновение не только с Византией, но и оттоновской империей на Западе, Халифатом на Востоке. Ничего невозможного нет в таком допущении – ведь Константин Багрянородный, хорошо знавший северные племена, недаром писал о ненасытности варваров, о беспредельности их вожделений.

Как бы то ни было, Свендослав уже в результате своих первых побед сделался центральной фигурой той игры, что совершалась на военных полях Европы и Азии. От его успеха или неуспеха в тот момент, когда он остановился в преддверии Византии, зависело, куда качнутся чаши мировых

Памятник посвященный князю Святославу Игоревичу, победителю хазар, г. Киев

Памятник посвященный князю Святославу Игоревичу, с. Стари Петривцы

весов. Поражение и гибель его вызвали ослабление сил Севера и распад системы варварских союзов. Именно после этого начались успехи в деле христианизации языческих стран. Триумфальное шествие это почти завершено ныне – сын Свендослава, еще недавно упорствовавший в идолопоклонничестве, возложил на себя и свой народ иго Христово. Уже год, как вкушает Русь слово евангельской проповеди, которое несут ей многочисленные служители греческой церкви. Как и многие властители соседних княжеств и королевств, Владимир уразумел, что жрецы с их суетным многобожием не освятят его власти в угоду буйной черни, что только Христос дарует скипетры и венцы...

Лев смотрит на небесную лампаду, горящую над Святой Софией, и душа его полнится смирением и восторгом пред замыслом Всеблагого: ведь то, что открыто ему, малой песчинке в человеческом море, остается уделом немногих. Даже

великие воители не прозревали этот замысел и, думая что действуют по собственной воле, на деле были лишь орудиями Промысла. Неистовый Свендослав в их числе. Разрушая враждебные государства и созидая свою языческую империю, он, сам того не ведая, готовил драгоценный подарок Святой Соборной Апостольской Церкви. Как знать, может быть, эта огромная страна, населенная народом, бесчисленным, как звезды небесные, станет лучшим украшением в короне, которую в Последний День поднесут Вседержителю дети Адама? Да помилует тогда Господь и беззаконного Свендослава!

От умиления собственным великодушием Лев привычно холодеет, слезы струятся по его лицу. Лампада небес то превращается в лучистый бриллиант, то расплывается и мерцает. Господи, помоги всем коснеющим в идолослужении и жестокосердии!.. Да исправится молитва моя как кадило пред Тобою!

Послесловие

ВОЙНА С ПАМЯТНИКАМИ

Кому угрожает памятник?

С давних времен борьба за власть сопровождалась уничтожением памятных знаков, олицетворяющих низвергнутого правителя или политический режим, которому брошен вызов. Еще в Древнем Египте выскабливались со стен храмов имена «провинившихся» фараонов, разбивались их статуи. Во время Французской революции озверелая толпа свалила Вандомскую колонну. Большевики набросились на памятники царям и героям империи (Скобелеву, Столыпину, Карамзину, Державину). Захватившие русскую Бессарабию румыны в 1918 году первым делом уничтожили памятники нашим царям-благодетелям края. Что и говорить о Польше, получившей суверенитет во время русской смуты – там еще при немецкой оккупации

пытались крушить монументы империи, да культурные тевтоны не позволили. Но с их уходом началась настоящая вакханалия.

На глазах нынешнего поколения снесли монументы, посвященные русским солдатам, в Венгрии и Эстонии. Под свистопляску мировых СМИ валили бронзовых Саддамов. То же происходило с памятниками Башару Асаду в захваченных исламистами районах Сирии. Последними по времени ритуальными разрушениями статуй порадовала рвущаяся в Европу украинская чернь.

При всем различии конкретных исторических ситуаций, перечисленные акты вандализма сводимы к общему знаменателю: на монументах вымещают национальную обиду, ненависть к политическому или идейному противнику. Все подобные деяния, в общем, типичны.

Но в современной России (и отчасти на отколовшихся от нее территориях) имеются примеры, которые не отнесешь к таким проявлениям нетерпимости. У нас сложилась уникальная ситуация, при которой возможна «превентивная война» с еще не воздвигнутыми памятниками. Как не вспомнить в этой связи описанное в Евангелии избиении младенцев по приказу царя Ирода. Устроители охоты на памятники, видимо, полагают, что им удастся предотвратить развитие неких необратимых процессов, угрожающих кому-то или чему-то. Чтобы понять мотивы таких воителей, а заодно

и определить силы, стоящие за ними, обратимся к исторической личности, которая, казалось бы, всецело принадлежит далекому прошлому, когда не существовало ни партий, ни наций в современном значении этого слова. Речь пойдет о Святославе Игоревиче, русском великом князе, создавшем первую славянскую империю.

Оставляю без комментариев приводимые ниже публикации. Читатель волен принять любую из сторон спора.

* * *

Интернет-издание «Газета.Ру» (владелец Алишер Усманов) 15 ноября 2005 года отозвалась на запланированную установку памятника характерным комментарием (хотя на деле памятник был установлен позднее и в другом месте):

Святослав побиаху жидови

Белгородская область обогатилась новым творением монументального искусства — чубатый князь Святослав лихо топчет конем звезду Давида

Сегодня в Белгороде состоялось торжественное открытие памятника князю Святославу, посвященное 1040-летию разгрома этим

знаменитым потомком княгини Ольги и князя Игоря Хазарского каганата. Автор скульптуры – известный скульптор Вячеслав Клыков. Тот самый – народный художник России, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР.

За свою долгую жизнь (Вячеславу Михайловичу уже к семидесяти) он изваял множество памятников. Кроме самых известных – маршалу Жукову возле Исторического музея на Манежной площади и Кириллу и Мефодию на Славянской, на его счету еще памятник на могиле Велимира Хлебникова, Александру Пушкину в Тирасполе и Арзамасе, Николаю Рубцову в Тотьме, Константину Батюшкову в Вологде, Андрею Рублеву в Радонеже, святой княгине Елизавете Федоровне на Большой Ордынке в Замо-

Вячеслав Михайлович Клыков у памятника Василию Шукшину (Фото: А.Заболоцкий / Expo.Pravoslavie.Ru)

скворечье, Илье Муромцу в Муроме, Василию Шукшину в Сростках, протопопу Аввакуму в селе Григорове Нижегородской области, Владимиру Святому в Херсонесе, и многих других. Своей работоспособностью известный скульптор поспорит со многими молодыми.

Однако в последнее время установленные мэтром памятники все чаще и чаще приобретают известность не столько своей художественной ценностью, сколько связанными с ними скандалами. Его памятник Николаю Второму в селе Тайнинском Московской области был взорван, а памятник адмиралу Колчаку в Иркутске вызвал бурю негодования в этом городе, и иркутяне готовят документы, чтобы по суду отменить решение городской думы об установке памятника и демонтировать его.

Но, похоже, его новая работа своей скандальностью переплюнет все остальные.

Дело в том, что на новом тринадцатиметровом монументе Святослав изображен на коне, топчущем поверженного хазарина. А чтобы никто не сомневался, что на скульптуре изображен именно подданный Хазарского каганата, в руки ему Вячеслав Михайлович вложил щит с крупным рельефным изображением звезды Давида. Ее, собственно, и попирает копытами богатырский конь.

Бог с ним, с Клыковым, его воззрения ни для кого секретом не являются – их хорошо иллюстрирует его общественная деятельность.

Сначала он состоял в патриотическом объединении «Память» (1985-1987), затем в Российском народном собрании (1992), в Российском земском движении (1993-1994), социально-патриотическом движении «Держава». На выборах в Государственную думу (1995) был в списке избирательного блока «Земский собор» под номером один, но список не набрал необходимого числа подписей. Сегодня скульптор возглавляет Международный фонд славянской письменности и культуры, и именно он был одним из организаторов восстановительного съезда «Союза русского народа», который если чем и остался в истории, так только еврейскими погромами.

Так что его новаторское решение в использовании религиозных символов не удивляет – его уже не переделать. Удивляет скорее позиция администрации Белгородской области, благословившей подобное использование символики. А то, может, и впрямь скоро в стране начнут появляться памятники Суворову, где многократный победитель турок будет попирать ногами сломанный полумесяц, а Минин и Пожарский, лихо бившие поляков-католиков, будут горделиво позировать на фоне поверженного четырехконечного «латинского» креста.

* * *

21 ноября 2005 года в печати и в Интернете появилось следующее заявление Федерации еврейских общин России с требованием запретить установку памятника князю Святославу в Белгороде:

Федерация еврейских общин России считает установку в Белгороде памятника Вячеслава Клыкова провокационной акцией, которая не только искажает историю, но и крайне негативно влияет на современность. Памятник представляет собой скульптурное изображение князя Святослава верхом на коне, топчущем копытами хазарского воина; на щите хазарина крупно изображена звезда Давида.

Известно, что звезда Давида никогда не входила в государственную символику Хазарского каганата, а иудаизм не был религией, исповедуемой всеми жителями этого государства. Таким образом, памятник, посвященный историческому событию, грубо искажает его смысл. Объяснение этому кроется в современности: звезда Давида является официальным символом иудаизма и гербом государства Израиль.

Автор памятника Вячеслав Клыков известен своими антисемитскими взглядами, и потому готов переписывать историю России так, как удоб-

но ему и его сторонникам. Подобные приёмы для оправдания своих действий широко использовали пособники всех людоедских режимов прошлого.

Недоумение Федерации еврейских общин России вызывает попустительство этой провокационной акции со стороны властей Белгорода и Белгородской области. Видимо, они не извлекли необходимых уроков ни из событий Второй мировой войны, истоки которой так же лежат в невнимании к выступлению националистов и ксенофобов, ни из событий в Воронеже, где неонацисты оставались безнаказанными до тех пор, пока не произошла трагедия, имевшая международный резонанс.

Федерация еврейских общин России считает необходимым провести экспертизу действий белгородских властей, связанных с установкой данного памятника, и дать соответствующую правовую и моральную оценку факту установки в Белгороде памятника, оскорбляющего чувства верующих одной из традиционных российских конфессий. По мнению Федерации, инициатор данной акции и его сподвижники должны держать ответ за свои поступки.

* * *

23 ноября 2005 к кампании против установки памятника подключилась газета «Коммерсантъ» (владелец Борис Березовский):

У неразумных хазар изъяли звезду

Вчера представители Федерации еврейских общин России (ФЕОР) и Евроазиатского еврейского конгресса (ЕАЕК) заявили о намерении подать в суд на администрацию Белгородской области, если в областном центре будет установлено «антисемитское изваяние» работы скульптора Вячеслава Клыкова. Влиятельные еврейские организации возмущены, что на щите поверженного хазарского воина в скульптуре, посвященной разгрому Хазарского каганата князем Святославом, изображена звезда Давида. После начавшегося скандала руководство Белгородской области дало понять, что звезда с памят-

Мастер работает над этюдом будущей скульптуры

ника исчезнет, а открыт он будет не в Белгороде, а в одном из отдаленных сел.

Скульптурная композиция, посвященная 1040-летию разгрома Хазарского каганата, была изготовлена скульптором Вячеславом Клыковым. Инициатором ее создания стал Международный фонд славянской письменности и культуры. Примечательно, что возглавляет эту организацию тоже господин Клыков. Скульптор предложил установить 13-метровый монумент в Белгороде, неподалеку от которого проходила северная граница Хазарского каганата. Областная администрация дала согласие, но открытие композиции несколько раз откладывалось, так как местные власти, по словам скульптора, «не успевали благоустроить территорию». Теперь церемония и вовсе отложена на неопределенный срок из-за скандала, который разгорелся вокруг памятника.

Федерация еврейских общин России и Евроазиатский еврейский конгресс заявили, что подадут на администрацию Белгородской области в суд, если памятник будет установлен. Руководство ФЕОР и ЕАЕК возмутил тот факт, что князь киевский Святослав на коне топчет хазарского воина, на щите которого изображена звезда Давида. Это дало повод представителям еврейских организаций заявить, что композиция господина Клыкова является «откровенно антисемитским изваянием». Генеральный секретарь ЕАЕК Михаил Членов, в частности, подчеркнул

в беседе с Ъ, что установка памятника является элементом «широкомасштабной шовинистической кампании в стране». «Творение скульптора Клыкова заслуживает места в одном ряду с памятниками пособникам германского нацизма, воздвигаемыми в странах Балтии», – заметил господин Членов. Руководитель департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин пояснил при этом Ъ, что элита Хазарского каганата в последний период его существования действительно приняла иудаизм, но не использовала в качестве символа звезду Давида. «ФЕОР будет добиваться сноса памятника, если он будет установлен», – отметил господин Горин.

Скульптор Клыков в беседе с корреспондентом Ъ заявил, что сам готов подать в суд на руководителей еврейских организаций за «клевету и оскорбления» в свой адрес и в адрес из-

Князь Святослав. Памятник великому князю Святославу Храброму в селе Холки. Скульптор Клыков В.М.

ваянного им памятника. «Сначала тайно, потом официально хазары приняли иудейскую религию. В ходе археологических раскопок обнаруживались украшенные шестиконечными звездами щиты, предметы быта. Поэтому я ничего не выдумывал, а в скульптуре изображена историческая правда, нравится это кому или нет», – заявил господин Клыков.

Отметим, что историки не имеют единой позиции по вопросу о вероисповедании Хазарского каганата. По мнению белгородского краеведа Константина Битюгина, звезда Давида стала общепринятым символом иудаизма лишь в XIV веке и не могла входить в государственную символику каганата. «Если памятник в его нынешнем виде будет установлен, это, безусловно, окажется стрелой в адрес евреев», – уверен господин Битюгин. Председатель общества изучения русской культуры, расположенного в соседнем Воронеже, Святослав Иванов утверждает обратное: «**Хазарский каганат принял иудейскую веру под звездой Давида. Первое иноземное иго пришло на Русь именно под этим знаком**».

Тем временем белгородские власти решили максимально дистанцироваться от скандала. Пресс-служба губернатора Евгения Савченко выпустила заявление, в котором сказано, что губернатор и областное правительство проводят политику, направленную «на недопущение любых проявлений экстремизма». В нем же сказано, что рабочая группа «прорабатывает вопрос» об уста-

новке памятника, но уже не в областном центре, а в селе Холки Чернянского района области.

Сейчас скульптурная композиция, по словам господина Клыкова, находится на одном из складов в Москве. Автор наотрез отказывается показывать ее общественности. Когда и где теперь будет установлен монумент, скульптор не знает. В то же время автор не стал скрывать, что представители администрации Белгородской области уже обращались к нему с просьбой убрать скандальную звезду. На вопрос Ъ, ответил ли он согласием, господин Клыков заявил: «Я им еще ничего не отвечал. Пусть сначала территорию благоустроят, а там видно будет».

* * *

В «Русском Вестнике» (№25, 2005) под шапкой **«Возня вокруг памятника»** было опубликовано **Открытое письмо М.А. Членову** (профессору Еврейской академии им. Маймонида, Академии истории и культуры евреев Украины им Шимона Дубнова (Киев), президенту ВААДа (Федерации еврейских организаций и общин России), члену Президиума Всемирной сионистской организации и Совета директоров еврейского агентства «Сохнут») от В.П. Кириенко, исполнительного директора Научно-исследовательского центра социально-политических проблем России:

«В тексте “заявления” Вы пишете, что еврейские структуры в России *“...выражают своё возмущение в связи с установкой на территории Белгородской области монумента, оскорбляющего национальные и религиозные чувства еврейского народа”*.

Но считать, что установка памятника Великому русскому князю Святославу Храброму оскорбляет чьё-то национальное достоинство – просто глупо. В нашей стране достаточно много памятников, посвящённых победам России над наполеоновской Францией или над Швецией Карла XII, изгнанию поляков из Московского Кремля или победам князя Александра Невского и т.д. При этом французам, шведам, полякам или немцам не приходит мысль утверждать, что все эти памятники оскорбляют национальные и религиозные чувства. А Вы, являясь представителем еврейской диаспоры в РФ, фактически кричите об этом.

Далее вы пишите: *“Мы воспринимаем установку этого «памятника» как наглую антисемитскую акцию, проведенную по инициативе скандально известного скульптора В. Клыкова и стоящими за его спиной силами, которые сегодня разворачивают широкомасштабную шовинистическую и ксенофобскую кампанию в стране”*.

Даже в одной этой фразе (как, впрочем, и во всём тексте “заявления”) звучит неприкрытая ненависть к известному русскому скульптору В.М. Клыкову и, в определённой степени,

к большинству русских. А ведь **Вы живёте в России**. А сравнение памятника Великому князю Святославу Храброму с памятникам *“пособникам германского нацизма, воздвигаемыми ныне в странах Балтии”* – является просто оскорблением для подавляющего большинства русских. А ведь вы живёте в России, а не в США или Израиле. Более того. Хочу Вам напомнить, что подобные высказывания и сравнения, что называются, вполне “тянут” на ряд статей УК РФ...

Вы пишете: *“Мы также хотели бы напомнить, что звезда Давида не являлась официальным государственным, либо военным символом Хазарского каганата, разгрому которого якобы посвящён монумент”*. На это Ваше высказывание можно ответить так:

1. В Эрмитаже, как и в других музеях страны и мира, вполне достаточно археологических экспонатов эпохи Хазарского каганата, которые убедительно доказывают, что символ иудаизма – звезда Давида (наряду с другими символами) были в Хазарии, и отрицать это для человека, получившего вузовское образование – просто неприлично.

2. Памятник Великому князю Святославу Храброму – это художественное произведение, а не некий строго исторический «документ», и скульптор имеет полнейшее право на своё видение этой проблемы. И в связи с этим имеет полнейшее право изображать на шлеме, мече или щите воина всё то, что считает необходимым.

3. В силу того, что Вы в своё время не получили серьёзного гуманитарного образования (ИВЯ – это не исторический или философский факультет), Вы можете и не знать, что в эпоху раннего средневековья в цивилизованных странах мира не было официального государственного герба и даже гимна. А символом иудеев всего мира, в том числе и в Хазарском каганате, являлась (в том числе) и звезда Давида.

Уважаемый Михаил Анатольевич, для повышения уровня Ваших знаний (в том числе в области истории Хазарского каганата) советую Вам чаще бывать в синагогах Москвы. В этих синагогах имеются достаточно хорошие книжные магазины, в которых Вы обязательно найдёте исторический материал, который заставит Вас в корне пересмотреть Ваш взгляд на символы Хазарии.

Читая «заявление», подписанное Вами, особенно фразу: *“Исходя из вышеизложенного, Евро-Азиатский Еврейский конгресс требует незамедлительного расследования обстоятельств и правомочности установки данного сооружения, политической, правовой и нравственной оценки, а также скорейшего уничтожения этого публичного символа антисемитизма”*, невольно приходишь к выводу, что именно такими словами стукачи НКВД-КГБ писали доносы на своих коллег, на своих соседей. А слова *“о скорейшем уничтожении”* прямо напоминают костры из книг в гитлеровской Германии.

Исходя из вышесказанного, я надеюсь, что Вы, как интеллигентный человек, буквально

ужаснётесь от всего того, что написано в материале, который Вы подписали и обязательно отзовёте Ваше “заявление” против установки памятника Великому русскому князю Святославу Храброму».

* * *

Памятников слишком мало[1]

Представляем собеседника: Вячеслав Клыков – скульптор, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии РСФСР, обладатель Золотой медали Академии художеств СССР.

Российская газета: *Вас называют монополистом в области монументальной пропаганды. В то же время вы – наиболее почитаемый сегодня скульптор со стороны властей и народа. Устраивает ли вас сегодняшнее состояние монументальной пропаганды?*

Вячеслав Клыков: Памятники ставятся по решению правительства, а не по чьей-то прихоти. Что касается меня, то большинство моих памятников – это не заказ, начиная с памятника Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, который выполнен от имени нашего Фонда сла-

1. Российская газета, 02.12.2005

вянской письменности и культуры. Памятник, кстати, и поставлен в Москве очень удачно: на бывшей площади революционера Ногина, которую, слава Богу, переименовали в Славянскую площадь.

Мне лично нечего высказывать неудовольствие, мои памятники и скульптуры ставят хорошо, но памятник маршалу Жукову мы планировали поставить на Красной площади с другой стороны Исторического музея, напротив памятника другим спасителям Отечества – Минину и Пожарскому. В моем обращении к Юрию Лужкову я апеллировал к тому, что наша эпоха ничего не оставила украшающего, как оставили другие эпохи. Каждая эпоха что-то привносила, а у нас, кроме уничтожения, ничего нет. Так давайте от лица современной эпохи поставим памятник Жукову!

Памятник проиграл в освещении из-за того, что близко приставлен к стене.

В этом году мы поставили еще один хороший памятник первому солдату лейб-гвардии Преображенского полка Сергею Бухвостову на Преображенской площади.

Что касается скульптуры Меркурия возле торгового (Хаммеровского) центра, то он тоже поставлен неудачно. Сероватый тон здания и бронза сочетаются в цвете, но не выделяют самого главного – символа торговых отношений. Я предложил руководству центра позолотить скульптуру, это бы достойно представляло лицо ЦМТ.

А вот памятник Великой княгине Елизавете Федоровне стоит во дворе Марфо-Мариинской обители.

Но если Меркурий – это заказ от московского правительства, то памятник княгине был поставлен моими силами в обители, которая сейчас возрождается. Надо поскорее храм передать верующим. Сейчас он занят реставрационными мастерскими имени Грабаря. В центре много художников-специалистов, и ему нужно найти другое достойное место. В Москве идет грандиозное строительство – неужели нельзя найти соответствующего здания для Всероссийского центра реставрации?

РГ: *Есть мнение, что в последнее время много создается памятников историческим личностям.*

Клыков: На мой взгляд, создается, наоборот, мало! Я создал памятник Великому киевскому князю Святославу, который разгромил Хазарское царство, так сразу поднялся шум: уничтожить памятник, – но мы ставить его будем в Белгороде.

РГ: *Но насчитывается несколько памятников святой княгине Ольге. К тому же в одном городе.*

Клыков: Мой памятник святой княгине Ольге поставлен в Пскове, на одной из центральных площадей, напротив Троицкого собора, который построен был в честь Ольги. Ей привиделись три столпа – и она построила храм в честь Святой Троицы.

Церетели поставил памятник св. Ольге там же, в Пскове, возле вокзала. Мой памятник народ встретил хорошо, его любят в Пскове, ну а как относятся к церетелевскому, спросите у псковичей.

Мы поставили свой памятник в дар Пскову, в отличие от Церетели, который только за постамент содрал астрономическую сумму.

РГ: *На что бы вы обратили внимание в благоустройстве Москвы?*

Клыков: Обратил внимание на дворы. Нужно сохранять дворы, учиться их благоустраивать, как их благоустраивают в Минске. Там нет ни одного пустыря. В Москве много хороших дворов – в новых районах, но надо идти дальше. Из центра москвичи выселены, а их дома отданы под рестораны и игорные заведения. Игорные заведения надо вынести за город или переместить на юг. Или создать специальный игорный город.

РГ: *Ваши памятники становятся местами паломничества народа, значит, они влияют на сознание людей...*

Клыков: И это не всем нравится. Ведь памятник – это осмысление судьбы личности. В 1987 году мы ставили памятник преподобному Сергию Радонежскому на месте скотного двора – хотелось это место освятить и увековечить. Как нам противодействовали! Все руководство КГБ и МВД Московской области туда стянулось.

На следующую ночь люди из КГБ его выкопали вместе с постаментом, правда, через месяц вернули.

Так же местом паломничества стал памятник государю в Тайнинском. А раньше там свалка была. Мы выяснили, что это было место царских путевых дворцов и к 100-летию коронации государя поставили памятник. Сейчас это место паломничества.

Памятник взорвали террористы из организации «Молодая гвардия рабочих и крестьян», ну а кто заказчик – трудно сказать. Через три года мы поставили новый памятник государю на том же месте. И там идет теперь чин всенародного покаяния. С разных концов СНГ приезжают люди, бывает и до 12 тысяч человек. Началось покаяние стихийно. Пришло время покаяться за отступление от веры, за убийство царя.

Недавно меня выбрали председателем «Союза русского народа». У нас прошел учредительный съезд. Наша задача – укреплять Россию и соединять Украину, Россию и Белоруссию, чтобы сохранить славянский народ.

Пришло время воздать долг, восстанавливать историческую правду, уничтоженную большевиками. Сейчас делаем памятник сыну святой Ольги – Святославу, разгромившему Хазарское царство. В Белгороде есть мой памятник князю Владимиру. Памятник Александру Невскому – в Курске, памятник Дмитрию Донскому стоит в городе Дзержинском, который будет называться

Угреши. У меня все вехи истории расставлены, не говоря о памятниках Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Петру Столыпину – в Саратове...

Памятник – от слова «память». Это вехи нашей истории. Памятники действуют на подсознание. Без памятника Минину и Пожарскому Красная площадь потеряет свое значение. Если не будет на Тверском памятника Пушкину, перестанет в моем сознании существовать и Москва.

Памятник не только культура – это символ, это потенциал народа. Не знаю, что плохого в том, чтобы ставить памятники.

Любая власть использовала скульптуру как вид искусства для пропаганды своих идей.

РГ: *А ваше отношение к сносу памятника Дзержинскому на Лубянке?*

Клыков: Слава богу, что снесен. Он сделан профессионально, но у нас нет памятников по-настоящему достойным личностям, зато много осталось еще Ленину – убийце целого народа! А вот памятника Ивану Грозному, например, собирателю земель, – нет.

РГ: *А вы были коммунистом?*

Клыков: Никогда!

* * *

12 января 2006 года Вячеслав Клыков заявил в интервью корреспонденту агентства «Русская линия»:

«Для начала я бы хотел коснуться замысла памятника и истории его создания. В 2005 году исполнилось 1040 лет со дня разгрома Хазарского каганата великим князем Киевским Святославом в результате похода, состоявшегося в 965 году. В ряду наших побед, это событие занимает особое место – без него не было бы вообще России – ни как Московской Руси, ни как православного государства, ни как Российской империи. И вот, из всех памятных дат, которые широко отмечались в 2005 году (625-летие Куликовской битвы, 60-летие разгрома фашистской Германии), об этой важнейшей дате, об этой победе почему-то умолчали.

Святослава я считаю крупнейшим полководцем мирового уровня. Защищая интересы русского государства Киевской Руси, он не проиграл ни одного сражения. Мы помним Александра Македонского, но не чтим Святослава, нашего русского полководца, не ведавшего поражений.

По каким причинам разгром Хазарии не отмечался на государственном уровне, – это уже другой вопрос. Но мы решили отметить эту ве-

ликую победу хотя бы силами патриотических общественных организаций. В разных городах России прошли конференции и вечера. Было решено увековечить память великого полководца в двух местах. Первый памятник был открыт 15 октября в Запорожье напротив острова Хортица, где злодейски был убит наш национальный герой. Это – памятник пешему князю, на нём Святослав изображён, как бы передающим меч потомкам, в этом и состоит смысл композиции «Возьмите меч мой...».

Открытие памятника превратилось в полном смысле во всенародное торжество. Вот где были продемонстрированы взаимная любовь, наша историческая дружба с украинским народом. Никаких сепаратистских настроений в этот день не было. Все средства массовой информации Украины дали положительные материалы. На открытии были представители церковного клира, Верховной Рады Украины, правительства страны, мэр города, руководители многих крупных промышленных предприятий, приехала большая делегация из Москвы. Всё это вылилось в радостный праздник духовного единства русского и украинского народов.

Второй памятник, конный, мы решили поставить на белгородской земле, и губернатор Евгений Степанович Савченко любезно предоставил нам такую возможность. Как раз в конном монументе мы и хотели выразить суть победы Святослава.

Надо понять, что такое Хазарский каганат. Это было паразитическое государство, которое жило исключительно за счёт работорговли, контроля над торговыми путями и за счёт наёмных воинов. И уже где-то в VII веке сначала тайно, а затем явно Хазария приняла иудаизм.

Т. Антипенко: *А где географически располагалась Хазария?*

В. Клыков: Она находилась в низовьях Волги, растянувшись на запад и на восток вплоть до Мордовии, включая такие территории, как Северный Афганистан, Крым (Тмутаракань – один из её городов). Хазарский город Семендер находился на Северном Кавказе, Саркел – в междуречье Волги и Дона, нижнего их течения. Столица Итиль находилась как раз в устье Волги, примерно на месте современной Астрахани.

Князь Святослав совершил поход против Хазарии, предприняв искусный манёвр – он не пошёл по степи, в лоб, на Хазарию, а обошёл её, достиг Рязани, по Оке спустился до Волги и далее двинулся на ладьях с небольшим количеством войска и сразу же осадил столицу Итиль. Взял её штурмом и, как пишут летописи, не оставил камня на камне. По пути разбил Семендер, Саркел, Тмутаракань, и таким образом Хазарский каганат рухнул и дал возможность Руси развиваться как государству. Одновременно были спасены славянские и многие другие племена, проживавшие вокруг. В результате, на много веков вперёд было определено их развитие.

Я думаю, что славянская карта Европы сегодня выглядела бы по-другому, не будь этой победы над Хазарией. Не говоря уже о России, – для её истории и становления, как государства, эта победа имеет важнейшее историческое значение. Вот почему мы хотели привлечь к ней внимание, как общественности, так и правительственных кругов. А то порой складывается такое впечатление, что всё это было не в реальности, а только в былинах.

Т. Антипенко: *А что касается протеста еврейских общественных организаций против памятника?*

В. Клыков: Еврейские организации пытаются доказать, что шестиконечная звезда якобы не являлась символом Хазарского государства. На самом же деле государство, которое приняло иудаизм и последние два века своего существования исповедовало Талмуд, это и есть иудейское Хазарское государство, и символом его и в то время, и всегда была как раз шестиконечная звезда. Это подтверждают находки, которые встречаются во время археологических раскопок. Такие экспонаты есть в Эрмитаже. Но самое главное для нас, я думаю, заключается в том, что это – наша история, и мы должны ее знать. Мы должны понимать суть победы князя Святослава. А что касается протестов еврейских организаций – это их проблемы.

Т. Антипенко: *А без этого символа на памятнике можно было обойтись?*

В. Клыков: Нет! Тогда теряется смысл победы. Кто повержен? Какой воин? В данном случае конкретно показано, что это – победа над иудейским Хазарским каганатом.

Т. Антипенко: *А какое отношение к этой победе имели Белгород или Запорожье? Почему решено установить памятники именно там?*

В. Клыков: На острове Хортица князь Святослав нашел свой последний приют. Возвращаясь домой с одного из походов, по какой-то причине, о которой история умалчивает, он пошел с небольшой дружиной отдельно вверх по Днепру на ладьях. Остановился на острове Хортица, напротив теперешнего Запорожья передохнуть. Воровским образом большое войско печенегов окружило ночью русских воинов. В этом последнем сражении вместе со своей дружиной и погиб князь Святослав.

Что касается второго памятника, князь Святослав мог проходить из Киева через белгородские земли. Белгородский памятник будет установлен по соседству с Холковским монастырем на одном из холмов – это создаёт ощущение древнего пейзажа той земли, по которой проходили не только Святослав, но и другие русские князья. Оба памятника Святославу – наш дар Запорожью и Белгородской области.

Т. Антипенко: *Чем же вы зарабатываете? Я смотрю, всё в дар приносите...*

В. Клыков: Поясню: сделал я, допустим, какую-то работу по заказу, деньги остались... Я их не коплю, и никогда не копил. Отдаю на какие-то благотворительные дела. Иногда друзья помогают, единомышленники. Слава Богу, что белгородцы технические расходы оплатили, например, перевод памятника в бронзу.

* * *

Памятник Святославу открыли на территории Холковского Свято-Троицкого монастыря (Чернянский район Белгородской области). Но скульптор не дожил нескольких недель до открытия памятника – он скончался 2 июня 2006 года.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ СВЯТОСЛАВА

942 год	–	Родился от Ольги, одной из жен великого князя Киевского Игоря.
946 год	–	Присутствует при битве киевской дружины с войском древлян.
964 год	–	Поход на Оку и Волгу. Присоединение земли вятичей к Русскому государству.
964 год, 3 июля	–	взятие Итиля, столицы Хазарского каганата
965 год	–	Победы Святослава над Волжской Булгарией, над ясами и касогами. Окончательный разгром и ликвидация Хазарии.

967 год	–	Поход в Болгарию. Перенос русской столицы в Переяславец на Дунае.
968 год	–	Приход печенегов на Русь, осада ими Киева. Возвращение Святослава на Русь.
970 год	–	Святослав сажает своих сыновей на княжение в разных землях Руси: Ярополка – в Киеве, Владимира – в Новгороде, Олега – в Древлянском княжестве.
970-971 годы	–	Война Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием.
971/972 год	–	Зимовка дружины Святослава на Белобережье (в устье Днепра).
972 год, весна	–	Гибель Святослава у днепровских порогов в сражении с печенегами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ О КНЯЖЕНИИ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

Начало княжения Святослава, сына Игорева.

В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и стойко оборонялись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне

и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий – когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить, – хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, – идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так за-

горелись – где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиной по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге – оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви.

(...)

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда

цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и, увидев, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын

мой язычники, – да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, – так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю, и пришла в Киев. Произошло это, как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела великую мудрость и чудеса: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) – человеческой, а эта – Божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на улицах возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...». Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудростью, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг – Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Склонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Мно-

го даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, обратился к вам, и не внимали, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь – тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает – в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послуша-

ет, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать, Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе беды, обличающего же нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых, как язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия.

(...)

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины, И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам – по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе

со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по-печенежски,

и его принимали за своего, И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл, Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать, На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?», А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)», Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чу-

жой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?». Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?» – ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, – отправляйся куда захочешь», Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте, Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи;

так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские – свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Радуется народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них у Всевышнего. Посему получат они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата – дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете

к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?». И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши – ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира», Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!». И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских.

Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим – позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?». И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?». И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них – приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял

и стал царя хвалить, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою, Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня». так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол, ибо там находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, – того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро

призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена»«. Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими царями греческими, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, бу-

дем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне, и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972). Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было 28.

Иоанн Скилица

О ВОЙНЕ С РУСЬЮ ИМПЕРАТОРОВ НИКИФОРА ФОКИ И ИОАННА ЦИМИСХИЯ[1]

На четвертом году своего царствования, в месяце июне 10 индикта [Никифор Фока] выступил, чтобы обозреть города, расположенные во Фракии; когда он прибыл к так называемому Большому Рву, он написал правителю Болгарии Петру, чтобы тот воспрепятствовал туркам переправляться через Истр и опустошать [владения] ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предлогами уклонялся [от исполнения этого]. Тогда Никифор почтил достоинством патрикия Калокира, сына херсонского протевона, и отправил его к правителю России Свендославу (Написание имени Святослав по-гречески совпадает у Скилицы и у Льва различается лишь русская транскрипция.), чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на

1. Текст воспроизведен по изданию: Лев Диакон. История. / Пер. М. М. Копыленко М., 1988

болгар. Росы повиновались; на пятом году царствования Никифора в августе месяце 11 индикта они напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе. И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее.

А народ росов, который вышеописанным образом покорил Болгарию и взял в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра, не помышлял более о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, [росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ею. Особенно побуждал их к этому Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями. Гордясь этими словами, росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу и дали послам [Цимисхия] который обещал заплатить все, обещанное им Никифором, ответ, преисполненный варварской хвастливостью; ввиду этого стало необходимо решить дело войной. Итак, император тотчас посылает приказание переправить восточные войска на Запад; военачальником над ними он поставил магистра Варду Склира, дав ему титул стратилата,—на сестре [Варды] Марии он женился, еще будучи частным лицом, –

и решил с наступлением весны сам выступить в поход. Росы и их архиг Свендослав, услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с порабощенными уже болгарами и присоединили в качестве союзников пацинаков и турок, проживающих на Западе, в Паннонии. Собрав триста восемь тысяч боеспособных воинов и перейдя Гем, они стали опустошать огнем и грабежами всю Фракию; разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы. Когда магистр Варда Склир узнал, что неприятель значительно превосходит его численностью войска – ведь у него было всего двенадцать тысяч воинов, – он решил победить бесчисленное множество врагов военными хитростями и искусством и превзойти их механическими приспособлениями; так это и случилось. Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он оставался там, и хотя враги не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель грабит и уносит все, что ни попадя. Такое решение вызвало у варваров великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем необходимом. И вот Варда дождался подходящего момента и, присмотрев-

шись хорошенько, как ему напасть на неприятелей, назначил день и час, поставил в ночное время засадные отряды в удобнейших местах, отправил с небольшими силами патрикия Иоанна Алакаса и приказал ему выйти вперед, вести наблюдение за врагами и постоянно сообщать ему, где они находятся. Разузнав это, [Иоанн] должен был сблизиться с варварами, напасть на них и, сражаясь, обратиться в притворное бегство, но не бежать во весь опор, отпустив поводья и сломя голову, а отступать в строю, медленно и где только возможно поворачиваться к противнику, биться с ним и поступать так до тех пор, пока он не будет завлечен к скрытым в засадах отрядам, а тогда расстроить ряды и бежать без всякого порядка. Варвары разделились на три части – в первой были болгары и росы, турки же и пацинаки выступали отдельно. Иоанн двинулся и случайно натолкнулся на патцинаков; выполняя полученный приказ, он изобразил медленное отступление, пацинаки же нападали, расстроив ряды; им хотелось поскорее уничтожить всех бегущих, но те то отступали строем, но поворачивались и сражались; путь их направлялся к стоявшему в засаде отряду. Очутившись среди своих, [воины Алакаса] бросили поводья и устремились в непритворное бегство. Пацинаки рассыпались без всякого порядка и бросились в погоню. Но вот появился неожиданно сам магистр со всем войском. Пораженные внезапностью, [пацинаки] прекратили преследование, но не бросились бежать, а остановились, ожидая

нападения. Когда на них с огромным напором обрушился отряд магистра, а сзади [между тем] приближалась идущая в полном порядке остальная фаланга, немедленно погибли храбрейшие из скифов: поскольку фаланга расступилась на большую глубину, пацинаки окончательно оказались в засаде, а когда фаланги соединились, то окружение стало полным; [варвары] недолго сопротивлялись и, обращенные в бегство, почти все были истреблены.

Принудив их таким образом к бегству, Варда дознался от пленных, что остальные, еще не утомленные битвой [варвары] выстроились и ожидают сражения. Он устремился против них без промедления. Они же, узнав о неудаче пацинаков, предались горести из-за внезапности бедствия, но затем собрались с силами и, созвав беглецов, напали на ромеев, имея впереди всадников, а позади пеших воинов. Но когда ромеи выказали себя непобедимыми и отразили натиск первого нападения конных врагов, те отступили, укрылись среди своей пехоты, укрепились там духом и стали ожидать приближения ромеев. И сражение стало как бы нерешительным, пока некий скиф, гордившийся размерами тела и неустрашимостью души, оторвавшись от остальных, не бросился на самого магистра, который объезжал и воодушевлял строй воинов, и не ударил его мечом по шлему. Но меч соскользнул, удар оказался безуспешным, а магистр также ударил врага по шлему. Тяжесть руки и закалка железа придали его удару такую силу, что скиф целиком

был разрублен на две части. Патрикий Константин, брат магистра, спеша к нему на выручку, пытался нанести удар по голове другого скифа, который [хотел] прийти на помощь первому и дерзко устремился [на Варду]; скиф, однако, уклонился в сторону, и Константин промахнувшись обрушил меч на шею коня и отделил голову его от туловища; скиф упал, а [Константин] соскочил с коня и, ухватив рукою бороду врага, заколол его. Этот подвиг возбудил отвагу ромеев и увеличил их храбрость, скифы же были охвачены страхом и ужасом. Вскоре силы оставили их, и они показали спины, обратившись в позорное и беспорядочное бегство. Ромеи устремились за ними и наполнили равнину мертвыми телами; число пленных превысило количество убитых, и все захваченные за немногими исключениями были изранены. Никто из уцелевших не избежал бы погибели, если бы наступление ночи не остановило погоню ромеев. Из такого великого множества варваров только совсем немногие спаслись, ромеи же потеряли в сражении 25 человек убитыми, но ранены были почти все.

* * *

На втором году своего царствования [император] вознамерился предпринять поход против росов. Щедрость [помогла ему] набрать воинов; военачальниками были назначены мужи, прославленные рассудительностью и военной опытностью. Император позаботился и о всем необ-

ходимом, чтобы войско не терпело ни в чем недостатка; снарядить поход было поручено Льву, который был в то время друнгарием флота, а после этого протовестиарием. Лев привел в порядок старые корабли, снарядил новые и приготовил внушительный флот. Наступила весна; все обстояло прекрасно, и [император], вознеся молитвы к богу, оставил гражданам предписания и покинул столицу. Когда он прибыл к Редесту, ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев. Когда они стали упрекать ромеев, утверждая, что терпят несправедливость, император повелел, отлично понимая причину их прибытия, чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев. Отпустив таким образом послов, сам он выступил вслед за ними, имея около пяти тысяч пехотинцев облегченного вооружения и четыре тысячи всадников. Всему остальному множеству воинов было приказано медленно следовать за ним во главе с паракимоменом Василием. Перейдя через Гем, император внезапно вступил во враждебную страну и разбил лагерь поблизости от города Великой Преславы, где находился дворец болгарских царей. Эта неожиданность изумила скифов, и повергла их в отчаяние. Калокир, зачинщик и виновник всех происшедших бедствий, который случайно

здесь находился, услышав звук трубы, понял, что сам император прибыл и будет лично руководить войной. Втайне покинул он город и ускользнул в лагерь росов. Увидев его и узнав о прибытии императора, росы пришли в немалое замешательство. Но Свендослав приободрил их подходящими к таким обстоятельствам словами, и они, укрепившись духом, приблизились к ромеям и разбили лагерь. Императорское войско сосредоточилось между тем на равнине перед городом и неожиданно напало на врага, не ожидавшего ничего подобного: вне городских стен было застигнуто около восьми с половиной тысяч мужей, которые производили военные упражнения. Некоторое время они сопротивлялись, но затем утомились и бежали; и одни из них бесславно погибли, а другие укрылись в городе. Пока все это происходило, пребывавшие внутри города скифы узнали о непредвиденном появлении ромеев и об их столкновении со своими соратниками. Хватая оружия, какое кому случайно подвернулось под руку, они устремились на выручку своим. Ромеи встречали их беспорядочно движущуюся толпу и многих убивали. В силу этого варвары уже скоро не смогли устоять и обратились в бегство. Всадники же ромейской фаланги выдвинулись вперед и отрезали им дорогу в город, перехватывая и убивая беспорядочно бегущих по ровному полю варваров, так что вся равнина наполнилась мертвыми телами и было захвачено бесчисленное множество пленных. Сфангел, который и возглавлял все войско, находившееся

в Преславе (он считался среди скифов вторым после Свендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взошел на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями. Только наступление ночи прекратило осаду города. На рассвете прибыл проедр Василий с множеством войска, двигавшегося позади. Прибытие его явилось большой радостью для императора, который поднялся на какой-то холм, чтобы скифы его видели, и соединившиеся войска стали окружать город. Император обратился [к варварам], уговаривая их отказаться от противодействия и спастись от совершенного истребления; они не соглашались сойти со стены. Справедливый гнев наполнил ромеев, и они приступили к осаде, отгоняя находящихся наверху стрелами и приставляя к стенам лестницы. И некий благородный воин, крепко держа в правой руке меч, а левой приподнимая над головой щит, первым устремился по одной из лестниц. Отражая удары щитом и защищая себя мечом от нападавших и от тех, кто старался ему воспрепятствовать, он поднялся на гребень стены, рассеял всех, кто там находился, и дал следовавшим за ним возможность безопасно подняться. Подражая ему, сначала некоторые, а потом многие [поступили таким же образом], а скифы, одолеваемые их сомкнутым строем, стали прыгать со стены. Соревнуясь с первыми, и многие другие ромеи в различных местах взобрались по лестницам на стену. Приведенные в замешательство, скифы не заметили, как неко-

торые из ромеев, беспрепятственно достигнув ворот, открыли их и впустили свое войско. Когда город был таким образом взят, скифов, вынужденных отступать по узким проходам, стали настигать и убивать, а женщин и детей захватывали в плен. И Борис, царь болгар, был схвачен вместе с супругой и детьми; окрашенного знаками царской власти, его привели к императору. Император человеколюбиво повелел, называя его царем болгар, Отпустить всех пленных болгар, предоставив им свободно идти, Куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить, и утверждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески.

Между тем восемь тысяч храбрейших скифов заняли хорошо укрепленную часть царского дворца, который находился посреди города, укрылись там на некоторое время и перебили многих воинов, попавших туда ради любопытства или тайно пробравшихся с целью грабежа. Узнав об этом, император повелел против них послать равносильный отряд, но отправленные действовали вяло и не отважились осадить их – не потому, что они боялись росов, но потому, что укрепление казалось им прочным и непреодолимым. Император легко разрешил затруднение: вооружившись, он сам устремился пешим впереди прочих воинов, которые при виде этого тотчас же схватили оружие и бросились за ним; каждый спешил опередить государя, и с военным кличем и шумом они кинулись на укрепление. Росы с

ожесточением выдержали осаду, но [ромеи], зажегши во многих местах огонь, таким путем преодолевали сопротивление – не перенеся силы огня и ромейского оружия, [росы] попрыгали [со стен] и побежали; многие из них были уничтожены пламенем, многие брошены с крутизны, а прочих ожидали меч либо плен. Таким образом, весь город не устоял и был взят за два дня. Обретя и захватив его, император оставил в нем достаточный отряд, щедро снабдив его всем необходимым для существования и переименовал город, назвав его по своему имени Иоаннополем. Проведя там праздник святой Пасхи, он выступил на следующий день к Доростолу, который называется также Дристрою.

Когда Свендослав услышал о взятии Преславы, он пришел в замешательство, однако не оставил свои замыслы, а стал ободрять своих, призывая проявить себя свыше обычного доблестными мужами, и распорядился сделать все остальное, что было нужно. Умертвив всех болгар, находившихся в подозрении, числом около трехсот, он выступил против ромеев. Император же, заняв по пути некоторые города, поставил над ними стратигов и продвигался,. опустошая многие укрепления и поселения, которые он отдавал на разграбление воинам. Когда разведчики сообщили о приближении каких-то скифов, он отрядил отобранных воинов, поставив над ними Феодора из Мисфии в качестве военачальника, и поручил ему, идя впереди войска, разузнать о числе врагов и дать знать об этом; если же будет

возможно, то попытать их силу перестрелкой. Сам же [император] следовал позади, выстроив все войско в боевой порядок. Подойдя к врагам, Феодор и его воины стремительно напали на них. Росы, опасаясь засады, се двигались вперед; многие из них были ранены, некоторые пали, и они стали отступать. Рассеявшись по соседним горам и поросшим лесом лощинам, которые были глубоки и обширны, они по горным тропам добрались до Дристры. Количество их достигало семи тысяч, напавших же на них и обративших их в бегство ромеев было триста. Присоединившись к Свендославу, скифы подняли с места все множество его войска – а насчитывалось их триста тридцать тысяч – и разбили лагерь в двенадцати милях от Доростола, где с ожесточением и мужеством ожидали приближения императора.

Ромеи же, гордясь недавними победами, ожидали сражения, которое должно было решить все. Они надеялись, что им будет содействовать Бог, возлюбивший не зачинщиков несправедливости, но постоянно помогающий тем, который терпят обиду. Не только мужественные, но даже робкие и слабодушные, горячо стремясь к предстоящей битве, стали смелыми и отважными. И вот войска сблизились. И император, и Свендослав стали воодушевлять своих подходящими к случаю словами поощрения, зазвучали трубы, и возбужденные в равной степени войска столкнулись между собой. Натиск ромеев был при первой стычке так силен, что ряды варваров дрогнули, и многие из них пали. Враги, однако,

не отступили и не дали ромеям возможности перейти к преследованию – приободрившись, скифы снова кинулись с военным кличем назад на ромеев. В течение некоторого времени борьба была равной, когда же день стал склоняться к вечеру, ромеи, поощряя друг друга и как бы закалившись от взаимных призывов, стали теснить левое крыло скифов и многих опрокинули своим непреодолимым напором. Росы пришли на подмогу пострадавшим, император же отправил на помощь тех, кто находился около него, и сам двинулся за ними с развернутыми императорскими знаменами, потрясая копьем, часто понукая шпорами коня и побуждая воинов боевым кличем. Завязалась жаркая схватка, и не раз менялось течение битвы (говорят, будто двенадцать раз приобретала борьба новый оборот); наконец росы, избегая опасности, рассеялись в беспорядочном бегстве по равнине. Преследуя и настигая бегущих, ромеи их истребляли; многие были убиты, еще больше было захвачено в плен, те же, которые спаслись от опасности, укрылись в Доростоле.

Вознеся за победу молитвы победоносному мученику Георгию (ибо столкновение с врагами произошло в день, посвященный его памяти), император на другой день сам двинулся к Доростолу и оказавшись там, стал укреплять лагерь. Однако осаду он не начинал, опасаясь, что росы удалятся на кораблях по реке, никем не охраняемой. Расположившись станом, он ждал прихода ромейского флота. Между тем Свендослав

приготовлялся выдержать осаду; находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал заковать в колодки и в цепи. Когда прибыл флот, император приступил к осаде и неоднократно отражал вылазки скифов. В один из дней, когда ромеи рассеялись в вечернее время для принятия пищи, конные и пешие варвары, разделившись на две части, устремились из двух ворот города – из восточных, которые было приказано охранять стратопедарху Петру с фракийским и македонским войском, и из западных, к которым был приставлен сторожить Варда Склир с воинами Востока. Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими. Ромеи встретили их с ожесточением, и завязался упорный бой. Борьба долго шла с равным успехом, наконец ромеи обратили варваров в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более – всадников. Ни один из ромеев не был ранен, и только три лошади были убиты. Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей. Едва наступило утро, все воины, рассеянные по различным укреплениям для их охраны, были созваны в Доростол; они сошлись быстро. Император же двинул все свои силы, вывел их на

равнину перед городом и начал вызывать варваров на битву. Но так как они не вышли, он воротился в лагерь на отдых. И прибыли к нему послы из Константин и других крепостей, лежавших по ту сторону Истра; они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благосклонно приняв их, император послал занять крепости, а также отправил войско, необходимое для их охраны. Когда наступил вечер, все ворота города открылись, и росы, будучи в большем, нежели прежде, числе, напали на ромеев, которые не ожидали этого ввиду приближения ночи. И казалось, что вначале они имели перевес, однако немного спустя ромеи взяли верх. Но когда был убит геройски сражавшийся Сфангел, эта потеря связала и ослабила их натиск. Тем не менее в течение всей ночи и на следующий день до самого полудня они продолжали сильное сопротивление. Когда затем посланные императором силы отрезали варварам дорогу в город, росы, узнав об этом, ударились в бегство. Находя путь к городу перехваченным, они разбегались по равнине, где их настигали и умерщвляли. С наступлением ночи Свендослав окружил стену города глубоким рвом, чтобы нелегко было при наступлении ромеям приблизиться к городской стене. Укрепив таким способом город, он решил смело выдержать осаду. Когда же многие воины стали страдать от ран и надвигался голод, ибо необходимые запасы истощились, а извне ничего нельзя было подвезти из-за ромеев, Свендослав, дождавшись глубокой и безлунной

ночи, когда с неба лил сильный дождь и падал страшный град, а молнии и гром повергали всех в ужас, сел с двумя тысячами мужей в челны-однодеревки [и отправился] за продовольствием. Собрав где кто мог зернового хлеба, пшена и прочих жизненных припасов, они двинулись по реке на однодеревках в Доростол. Во время обратного плавания они увидели на берегу реки многих обозных слуг, которые поили и пасли лошадей либо пришли за дровами. Сойдя со своих судов и пройдя бесшумно через лес, [варвары] неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили рассеяться по соседним зарослям. Усевшись снова в ладьи, они с попутным ветром понеслись к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом, и он сурово обвинял начальников флота за то, что они не знали об отплытии варваров из Доростола; он угрожал им даже смертью, если нечто подобное повторится еще раз, и после того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блокадой и голодом. Ввиду этого он велел перекопать рвами все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города; [сам же император] стал выжидать. Так обстояло дело с Доростолом...

* * *

...Внутри города скифов терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий, особенно в том месте, где охрану нес магистр Иоанн, сын Романа Куркуаса; находившийся там камнемет причинял им немалый вред. Выделив самых отважных воинов, имевших тяжелое вооружение, и смешав их с легковооруженными, [скифы] посылают их против указанного орудия, чтобы они постарались его уничтожить. Дознавшись об этом, Куркуас во главе сильнейших своих воинов поспешил на защиту [орудий].

Оказавшись посреди скифов, он упал вместе с конем, который [был ранен копьем, и погиб, изрубленный на части. Подоспевшие ромеи напали на росов, отстояли орудия в целости и оттеснили скифов в город.

Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения. Видя, как он мужественно сражается, ободряет и воодушевляет других и приводит в замешательство ряды ромеев, Анемас, один из императорских телохранителей, сын царя критян Курупа, не смуща-

ясь ростом этого мужа и не боясь его силы, воспламенил свое сердце яростью, заставил своего коня [несколько раз] прыгнуть в разные стороны, извлек висевший у бедра клинок, бешено устремился на скифа и, ударив его мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю, когда скиф свалился, Анемас невредимым вернулся в свой стан.

Из-за этого подвига поднялся сильный шум, ибо ромеи радостно кричали по случаю победы, скифы же вопили нечто непонятное и утратили свое воодушевление. Ромеи усилили свой натиск, и те, обратившись в бегство, бесславно удалились в город. Немало было в этот день убитых – одни были растоптаны в тесноте, других же настигая перекололи ромеи. Если бы не наступление ночи, то и сам Свендослав не избежал бы плена. Спасшись от опасности и находясь за стенами, [скифы] подняли великий плач из-за смерти Икмора. Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев.

Итак, война шла неудачно для варваров, а на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке; у них не хватало продовольствия, а подвезти его было невозможно, поскольку ромейский флот тщательно охранял берега реки. К ромеям же каждый день притекали, как из не-

исчерпаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы. Не могли варвары и удалиться, сев в свои челны, ибо выходы, как мы уже сказали, тщательно охранялись. Когда они собрали совещание, то одни советовали тайно удалиться ночью, другие – вернуться домой, попросив у ромеев мира и залогов верности, ибо нет другого пути к возвращению. Некоторые советовали предпринять и другие меры соответственно обстоятельствам, и все сходились на том, что следует окончить войну. Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями и – либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришелся им по нраву, и все согласились встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни. На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно, и ромеи в тяжелых доспехах, изнуряемые жаждой и сожигаемые солнцем (был как раз самый полдень), стали поддаваться [натиску]. Узнав об этом, император прискакал на помощь со своими воинами и принял на себя главный удар,

а утомленному солнцем и жаждой воинству приказал доставить мехи, наполненные вином и водой. Воспользовавшись ими, избавясь от жажды и зноя и собравшись с силами, они стремительно и неистово бросились на скифов; те, однако, достойно их приняли. Пока император не заметил, что место битвы очень тесно, она продолжалась с равным успехом. Но он понял, что по этой причине скифы теснят ромеев и мешают им совершать деяния, достойные их силы, и вот стратигам было приказано отойти назад на равнину, отодвинувшись подальше от города и делая при этом вид, будто они убегают, но на деле не бежать сломя голову, а отходить спокойно и понемногу; когда же преследователи будут отвлечены на большое расстояние от города, [им надлежит,] неожиданно натянув поводья, повернуть лошадей и напасть на врага. Приказание было исполнено, и росы, считая отступление ромеев настоящим бегством, с военным кличем устремились за ними, подбадривая друг друга. Но когда ромеи достигли назначенного места, они повернулись и отважно ринулись на врагов. Там завязалась жестокая битва, и случилось, что стратиг Феодор из Мисфии, конь которого был сражен пикой, упал на землю. В этом месте закипела упорная схватка, ибо росы порывались его убить, а ромеи старались защитить его. Этот Феодор, свалившись с лошади, схватил какого-то скифа за пояс и, двигая его силой своих рук во все стороны как небольшой легкий щит, прикрывался им от летящих в него копий, а сам, обороняясь таким обра-

зом, понемногу отступал, приближаясь к ромеям, которые оттеснили наконец скифов и спасли этого мужа от опасности. И хотя битва не была решена, оба войска закончили борьбу.

Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносящих страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Свендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает [более жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть |он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою. Отказавшись от вызова на [поединок, император старался всеми способами отрезать варварам доступ в город. Он назначил для этого предприятия магистра Варду Склира с теми отрядами, которые тот возглавил, а патрикию Роману, который был сыном государя Константина, являвшегося сыном Романа Старшего, вместе со стратопедархом Петром было приказано с их силами напасть на врагов. И они ринулись на скифов и сражались упорно. Но и те сопротивлялись отчаянно. Долгое время борьба оставалась равной, и много было в сражении перемен и изменений. Но вот Анемас, сын

критского эмира, повернул своего коня, сильно ударил его шпорами и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар мечом в середину головы, сбросил с коня, но не убил, так как помешали бывшие на нем доспехи. Сам же [Анемас] был окружен и, подвергаясь со всех сторон нападению многих, погиб, геройски закончив жизнь и возбуждая великое удивление даже среди врагов.

Говорят, что ромеи получили тогда и божественное воспоможение. Ибо в тылу их поднялась буря и ударила в лицо скифам, не давая им возможности осуществить задуманное для битвы. И все ромейское войско увидело некоего мужа, который сражался впереди всех на белом коне, теснил врагов и приводил в беспорядок их строй; ни раньше, ни позже никто его не знал и потому его сочли Феодором, одним из победоносных мучеников. Император всегда прибегал к таким защитникам и заступникам против врагов, да и сражение это произошло в тот самый день, в какой всегда празднуется память [Феодора] Стратилата. И некая почитаемая в Византии жена имела о том знамение от высшей силы. За день до битвы она видела во сне, что стоит рядом с богородицей и слышит, как та говорит, обращаясь к некоему воину:

«О досточтимый Феодор! Мой и твой Иоанн находится в опасности; поторопись же его выручить». И когда взошло солнце, она поведала об этом соседям; таково было видение. А между

тем скифы обратились в бегство, но, найдя городские ворота запертыми, бросились от Склира врассыпную по равнине и погибли без числа, растаптываемые своими же и избиваемые ромеями, а остальные почти все были изранены. Почитая мученика [Феодора] и желая воздать ему благодарность за помощь, император [впоследствии] повелел разобрать до основания церковь, где покоились святые его останки, и воздвигнуть на том месте большой и прекрасный храм, которому преподнес щедрые дары. Город же Евхания был переименован в Феодорополь.

Свендослав, использовав все средства и во всем потерпев неудачу, не имея уже никакой надежды, склонился к заключению договора. Он отправил к императору послов, прося залогов верности и внесения в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, – безопасно приходить по торговым делам. Император принял послов и согласился на все, о чем они просили, произнеся известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием. После заключения договора Свендослав попросил [о личной встрече и] о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, [затем] расстались. По просьбе Свендослава император отправил посольство к пацинакам, предлагая им стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опу-

стошать Болгарию, а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю и возвратиться домой. Назначен был исполнить это посольство Феофил, архиерей Евхаитский. [Пацинаки] приняли посольство и заключили договор на предложенных условиях, отказавшись только пропустить росов. Когда росы отплыли, император укрепил крепости и города на берегах реки и возвратился в ромейскую державу.

* * *

Когда Свендослав возвращался домой и проходил через землю пацинаков, то они заранее подготовили засаду и ожидали его» Подвергшись нападению, он и все его войско было совершенно истреблено. Пацинаки были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор.

Д.И. Иловайский

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ[1]

Правление Святослава

Ольга употребляла, конечно, все усилия склонить к принятию крещения своего сына Святослава; но тщетно. Религия христианская, проповедующая мир и любовь, была не по нраву молодого воинственного князя; он мечтал только о битвах и завоеваниях. Летописец говорит, что Святослав совершал свои походы налегке и ходил быстро, подобно барсу. Он не тащил за собой обоза, не брал ни шатра, ни посуды; спал на конском потнике, с седлом в головах; мяса не варил в котлах, а, изрезав на куски конину, зверину или говядину, пек на угольях и ел. Такова была и вся его дружина. Усмирив Древлян, Святослав обратился против другого славянского племени, Вятичей, обитавших на верхней Оке и дотоле не

1. По кн.: *Д.И. Иловайский.* История России. В 5 томах. Том 1. Ч. 1. Киевский период.

платившихдани русским князьям. Но подчинение этого племени удалось окончить только преемникам Святослава.

Поход Святослава на Хазарию

Для его неукротимой отваги представилось широкое поле на востоке в борьбе с народами, обитавшими на Волге и в странах Прикавказских. Там еще стояла сильная Хазарская держава, с которою Руссы вели значительную торговлю, а иногда вступали в жестокую борьбу. Причиной столкновения, во-первых, служили владения в Тавриде и на Тамани. Киевская Русь успела уже освободить большую часть живших там Черных Болгар от хазарского владычества и основать особое русское княжество, известное под именем Тмутаракани. Но на Таврическом полуострове продолжали еще существовать вассальные хазарские владения; а со стороны Кавказа Тмутараканская Русь терпела от набегов касожских, или кабардинских, князей, которые также считались вассалами верховного хазарского кагана, жившего в Итиле. Во-вторых, Русь, проживавшая в этом городе и приходившая сюда для торговли, по всей вероятности, терпела иногда разные обиды и притеснения, за которые она всегда готова была платить кровавым возмездием. Наконец, хазарская твердыня Саркел на Дону и сам столичный город Итиль на Волге

препятствовали Руси пробираться на своих судах в Каспийское море и грабить его юго-западные прибрежья, изобильные богатыми городами и селениями. После похода Руси в Каспийское море в 913 году восточные писатели упоминают о другом подобном походе в 944 году. На этот раз Русь из Каспийского моря вошла в реку Куру, захватила и разграбила город Берду, считавшийся в то время одним из богатейших городов Арабского халифата. Но из этого похода так же, как из первого, только немногим Руссам удалось воротиться в отечество.

Святослав вступил в упорную борьбу с Хазарами и победил их. Он взял и разорил Саркел, или Белую Вежу, как его называет наша летопись. Он победил также хищные племена Касогов и Ясов (Алан) и тем упрочил с этой стороны существование русской Тмутаракани. С разорением Саркела для Руси открылся свободный путь из Дона в Волгу, которые разделены небольшим волоком, и она не замедлила нанести решительные удары враждебным ей государствам, Болгарскому и Хазарскому. По известиям восточных писателей (приблизительно в 968 [965?] году), Руссы по Волге поднялись до столицы Камских Болгар и сильно разорили этот торговый город. Потом они спустились вниз по реке, опустошили страну Буртасов (Мордвы) и напали на Итиль, обширную и богатую столицу хазарских каганов. Большая часть ее жителей разбежалась уже при первом известии о приближении Руси. Ограбив Итиль, Русь берегом Каспийского моря достиг-

ла другого богатого хазарского города, Семендера (близ Тарку), который был столицею особого князя, зависимого от верховного кагана и также исповедующего иудейскую религию. Этот город обиловал мечетями, церквами и синагогами, так как здесь жили вместе христиане, мусульмане и евреи; одних виноградников он имел до 4000. Русь разграбила и разорила его, подобно Булгару и Итилю. Долго после того на востоке со страхом и ужасом вспоминали о нашествии свирепого, неукротимого народа Руссов. Хазарской державе этой войной нанесен был такой сильный удар, что уже она не могла более оправиться и снова стать грозною для своих соседей.

Византия в эпоху Святослава

Около того времени на Балканском полуострове случились обстоятельства, которые отвлекли внимание Руси от Волги и Каспийского моря на Дунай и Черное.

Высоко поднялось могущество Болгарского государства во время знаменитого царя Симеона, который распространил его пределы на запад и юг и едва не овладел самою Византией. Но после его смерти могущество это оказалось непрочно. Вожди Дунайских Болгар не успели сплотить воедино Южных, или Балканских, Славян так, как это совершили князья Русские по отношению к Славянам Восточным. Главным препятстви-

ем тому послужило слишком близкое соседство Византии с ее искусною, дальновидною политикою. За принятием греческой религии последовало быстрое пересаждение в Болгарию и греческой образованности. Но вместе с тем внесены были и некоторые начала разложения. Излишнее подражание византийской роскоши со стороны высших классов и заимствование многих византийских порядков часто вызывали народное неудовольствие. Особенно сильное противодействие возникло со стороны народных верований и обычаев против греческого клира, водворившегося посреди Болгар. Противодействие это выразилось в известной ереси Богомилов, которая породила многие смуты и мятежи, раздиравшие Болгарию в X веке. Византийская политика напрягала все усилия подорвать Болгарскую силу, захватившую многие греческие области и не раз угрожавшую самой столице империи. Она постоянно возбуждала против Болгарии ее внутренних и внешних врагов, насылала на нее Печенегов, Угров и подавала помощь Славянам, восстававшим против Болгарского владычества, например Сербам.

Сын и преемник Симеона Петр не был способен бороться с теми затруднениями, которые его окружали, и его долголетнее царствование представляет эпоху быстрого политического упадка Болгарии. Хотя он и был женат на греческой царевне, однако греческая политика вполне пользовалась его слабостью и неспособностью для своих целей. Между болгарским ца-

рем Петром и византийским императором Никифором Фокою возникли неудовольствия: по одним известиям, из-за дани, которую будто бы болгарский царь потребовал от Византии, а по другим – из-за Угров, которых Болгаре пропускали через свои земли, позволяя им врываться в пределы империи. Никифор, занятый делами на востоке, прибег к обычной византийской политике: вооружать соседние варварские народы друг против друга, таким образом ослаблять их и отклонять от замыслов против империи. В 967 году он поручил патрицию Калокиру, сыну херсонского наместника, вступить в переговоры с русским князем Святославом и склонить его к нападению на Дунайских Болгар. Надобно полагать, что Святослав находился тогда в своих таврических владениях, т.е. по соседству с Херсоном.

Походы Святослава в Болгарию

Переговоры, подкрепленные со стороны Греков значительным количеством золота и разными льстивыми обещаниями, увенчались полным успехом. Князь призвал к оружию храброе русское юношество и в следующем 968 году с сильною ратью вступил на своих ладьях в Дунай. Тщетно болгарское ополчение собралось на берегу этой реки и пыталось помешать высадке Руссов. Болгаре были разбиты; затем покорены

и разграблены многие другие дунайские города, в том числе Малая Преслава, или Переяславец, и сильно укрепленный Дористол. Победа досталась легко потому, что значительная часть Болгар отложилась от своего царя и, вероятно, действовала заодно с соплеменною ей Русью. Старый Петр во время этих событий от огорчения получил параличный удар и умер, оставив двух сыновей, Бориса и Романа. Легкость завоевания, приятность климата, а также выгодное торговое положение Болгарии между Византией и Придунайскими странами так привлекли Русского князя, что он уже не желал расстаться с завоеванною землею и, если верить нашей летописи, вместо родного Киева задумал утвердить свой стол в Переяславце. «Сюда, – говорил он, – сходится все благое: от Греков золото, паволоки, вина и разные овощи, от Чехов и Угров серебро и кони, из Руси меха, воск, мед и невольники». Поэтому весною 969 года Святослав только на короткое время отправился в Киев и с свежими силами вернулся на берега Дуная. Тогда он завладел самою столицею Болгарского царства Великою Преславою, захватил в свои руки сыновей Петра и, признавая царский титул за старшим из них, Борисом, в сущности сделался настоящим государем Болгарии, по крайней мере ее восточной половины.

Никифор Фока с ужасом увидел свою ошибку: соседство с таким могучим и предприимчивым племенем, какова была Русь, подвергало империю великим опасностям. Доходили до него

также слухи и о замыслах коварного Калокира. Этот грек сумел приобрести дружбу Святослава и поощрял его желание утвердиться в Болгарии, с условием получить от него помощь для достижения византийского престола. Последнее намерение в те времена нисколько не казалось странным; ибо мятежи и перемены правителей сделали престол императорский обычною целью отважных честолюбцев, и сам Никифор достиг его незаконным путем. Он начал деятельные приготовления к войне с Руссами и в то же время вошел в сношения с Болгарами: последние, будучи христианским народом, конечно, с неудовольствием переносили господство языческой Руси и особенно были раздражены произведенными ею разорениями и свирепствами. Между прочим, говорят, будто Святослав, завладев Филиппополем [Пловдивом], посадил на кол до 20 000 пленных и тем навел такой страх, что заставил себе покориться и другие города. Поэтому неудивительно, что многие Болгаре с радостью встретили предложение Никифора общими силами воевать против Руси, и по его просьбе охотно отправили в Византию двух девиц из своего царского рода, чтобы соединить их браком с сыновьями покойного греческого императора Романа II, предшественника Фоки.

Святослав и Иоанн Цимисхий

Но посреди этих приготовлений Никифор Фока, снискавший себе уважение многими заслугами и строгим своим правлением, погиб жалкою смертью.

Прекрасная наружностью, но крайне испорченная нравом императрица Феофано отравила своего первого мужа Романа II, чтобы вместе со своею рукою доставить престол Никифору Фоке, Теперь она приготовила ту же участь и второму своему мужу. Из числа византийских полководцев этого времени особенно выдвигался Иоанн Цимисхий, родом армянин; а прозвание Цимисхий на армянском языке значило «Малорослый», Он приходился родственником Никифору и был его сподвижником на полях битв; но по своему смелому честолюбивому характеру возбудил против себя подозрения, лишен начальства над восточными легионами и некоторое время жил в уединении. Феофано выпросила ему позволение явиться в столицу. Никифор очень ее любил и не мог отказать ее просьбам. Но Иоанн воспользовался своим пребыванием в Константинополе для того, чтобы вместе с вероломною Феофано устроить заговор против Никифора. Она тайно ввела в свое отделение дворца вооруженных людей и скрывала их до удобного случая. В одну глухую ночь Цимисхий на лодке подплыл к дворцу со стороны моря и на веревках был поднят на кровлю Вуколеона ожидавшими его соумышлен-

никами. Он немедленно ворвался с ними в царскую спальню и бесчеловечно умертвил спящего Никифора. Цимисхий был провозглашен императором; но Феофано ошиблась в своих расчетах: первым делом нового императора была ссылка ее на один из островов Мраморного моря.

Умный, деятельный, отважный Цимисхий спешил великими деяниями и хорошим управлением загладить пятно своего преступления (если только оно могло быть заглажено). Во всех делах империи почувствовалась новая сила, новая энергия. Одною из первых его забот было удаление Руссов из Болгарии. Сначала он пытался склонить к тому Святослава переговорами и предлагал вознаградить его на основаниях договора, заключенного с Никифором. Но Русский князь предъявил условия неисполнимые: он потребовал огромного выкупа за все завоеванные города, за всех пленных и вообще дал такой гордый ответ, что война сделалась неизбежною. Не ограничиваясь собственною ратью, Святослав вооружил вспомогательное войско из покоренных Болгар; кроме того, нанял конные толпы Угров и Печенегов и послал их разорять Фракию. Под стенами Адрианополя эти хищники потерпели поражение от мужественного, искусного византийского полководца Варды, по прозванию Склира (крепкого), Но так как этот военачальник вслед затем был отправлен в Малую Азию для усмирения мятежа, поднятого там Фокою, племянником убитого императора Никифора, то отряды варваров распространили свои набеги

и опустошения по Фракии и Македонии. Зимнее время прошло без важных событий. Но Иоанн не терял времени. Сделав Адрианополь опорным пунктом для будущих военных действий, он приготовлял там склады оружия и съестных припасов; между тем снаряжал многочисленный флот из мелких судов для действий на Дунае и усердно обучал свои полки военному искусству; причем составил особый отряд телохранителей, набранный из храбрейших молодых людей и названный «Бессмертным». К весне приготовления были окончены, мятеж Фоки усмирен, и восточные легионы переправились в Европу, имея во главе победоносного Варду Склира.

Выступление императора в поход против Руссов сопровождалось большою торжественностью. Он всенародно молился в знаменитейших храмах столицы, сначала в церкви Спасителя, находившейся в Халкийском отделении дворца, потом в соборе св. Софии и во Влахернском храме Богоматери. Он сделал смотр и примерное сражение своего флота в Золотом Роге перед отплытием его в Дунай и затем направился с легионами в Адрианополь. Отсюда он послал разведать о положении неприятеля и с удивлением узнал, что Балканские теснины (клисуры), ведущие из Фракии в Болгарию, не были заняты Руссами. Этих проходов более всего опасались Греки, вспоминая о поражениях, которые они понесли здесь в прежних своих войнах с Болгарами. Русь, по-видимому, не ожидала такого раннего движения со стороны Греков: наступало время Пасхи;

а это время императоры обыкновенно проводили в столице, исполняя все обряды великого праздника, являясь народу на торжественных выходах во всем блеске своего сана, устраивая пиршества и увеселяя толпу ристаниями или другими зрелищами. Как бы то ни было, но Русь показала большую беспечность и допустила захватить себя врасплох. Император поспешно прошел ущелья и явился на северном склоне Балкан под Преславой. Неожиданность нападения помогла ему овладеть столицею Болгарии. Стоявший там русский отряд сначала бился в открытом поле перед городом; потом защищался в его стенах; вытесненный из города, он сосредоточился в царском дворце, который был расположен на отдельном возвышении и окружен особою стеною. Когда Греки, несмотря на все усилия, не могли взять этого замка, они начали с разных концов бросать в него огонь; тогда Руссы покинули пылавшее здание и, окруженные со всех сторон неприятелями, были истреблены после отчаянной обороны. Только начальник их Сфенкел с немногими успел спастись и ушел к Святославу, который с главным своим войском стоял в Дористоле. В Преславе Греки пленили молодого болгарского царя Бориса с его семейством. Иоанн, как искусный политик, обошелся с ним ласково, заявляя, что он ведет войну не с Болгарами, а только с Русью. Не теряя времени, император двинулся к Дористолу.

По всей вероятности, не одна оплошность Руссов была причиною их неудач с самого на-

чала войны и их оборонительного, а не наступательного образа действий. Очевидно, наемные полчища Угров и Печенегов покинули Святослава в самое нужное время, вероятно, склоненные к тому греческим золотом. Значительная часть Болгар восстала против Руси и начала помогать Грекам. Последнее обстоятельство подтверждается тем известием, что Святослав, решаясь защищаться в Дористоле, поспешил обеспечить себя со стороны жителей следующею жестокою мерою: он собрал наиболее знатных и богатых граждан и велел до трехсот человек обезглавить, а остальных заключить в оковы и содержать в темницах.

Первая битва Цимисхия и Святослава под Дористолом была весьма упорна. Руссы, сомкнув свои щиты и копья, стояли стеной перед городом, когда Иоанн повел на них свои стройные легионы. Греков одушевляли недавние успехи и присутствие их искусного мужественного вождя; а Руссы, гордые своими завоеваниями и победами над соседними народами, считали поражение для себя невыносимым бедствием; они дрались с неукротимою яростию и с диким криком поражали неприятелей. День уже склонялся к вечеру, а победа все еще колебалась. Наконец Иоанн выдвинул всю свою конницу и велел ей стремительно ударить на варваров. Последние не выдержали этого натиска, отступили и заключились в городе. Император немедленно устроил укрепленный лагерь на возвышении, в некотором расстоянии от города; Греки окопались и по-

ставили свои шатры. В то же время греческий флот вошел в Дунай и отрезал Руссам отступление в отечество. Флот этот был страшен для них своими огнеметательными снарядами. Они еще живо помнили рассказы отцов о том, как этот огонь истребил суда Игоря. Русь собрала свои ладьи и держала их под самыми стенами Дористола, не смея приблизиться к греческим судам. Итак, с прибытием греческого флота она была окружена неприятелем. Началась знаменитая осада, которая по своему упорству и подвигам, совершенным с обеих сторон, напоминает несколько баснословную осаду Трои, прославленную древними поэтами.

Геройская борьба Святослава с Цимисхием описана довольно подробно в произведениях некоторых византийских историков. Не все они согласуются между собою в изложении ее подробностей; но нисколько не разногласят относительно ее характера и главных событий.

Отрезанные от родины, не получая ниоткуда помощи ни людьми, ни припасами, Руссы защищались с удивительным мужеством и терпением. Они не прятались за городскими стенами и редкий день не выходили на битву с неприятелем. Русь, приплывшая на судах, составляла собственно пешую рать, за исключением предводителей и знатных людей. Видя, какое превосходство дает Грекам их броненосная конница, Руссы в начале осады попытались и с своей стороны выставить конное войско; но ни лошади, набранные у туземцев, не годились к бою, ни сами всадники, не

привыкшие к конному строю, не могли соперничать с хорошо обученной конницей Цимисхия. Да и лошади, конечно, мало-помалу были съедены, когда наступило истощение запасов. Обыкновенно русская кольчужная рать, выступив из города и закрывшись своими длинными, до самых ног, щитами, стеною шла на неприятеля и сокрушала все перед собою до тех пор, пока Цимисхий и его полководцы клинообразным построением своей пехоты, неожиданными нападениями с боков, с тыла или стремительными ударами конницы успевали расстроить сомкнутую русскую фалангу и принудить ее к отступлению, но не к бегству; ибо Руссы шли назад медленно, закинув за спину свои огромные щиты. По ночам они выходили иногда в поле, собирали тела павших товарищей и сжигали их на разложенных кострах; причем заклали своим богам многих пленных, а также по известному славянскому обычаю убивали и женщин (вероятно, принадлежавших более знатным покойникам); кроме того, приносили в жертву младенцев и петухов, которых опускали в Дунай. Эти погребальные обряды они сопровождали диким воем и плачем в честь покойников. Нередко Греки, снимая доспехи с убитых неприятелей, открывали между ними трупы женщин, которые в мужской одежде следовали за своими господами и на поле сражения.

Цимисхий устроил метательные снаряды, которые бросали камни в город и убивали многих осажденных. Русь однажды сделала нечаян-

ную вылазку, чтобы сжечь эти машины; но подоспевшая конница спасла их от истребления. В этом деле Руссам удалось убить одного греческого военачальника в доспехах из позолоченных блях; они приняли его за самого императора и, вонзив на конец копья отрубленную его голову, выставили ее на городской стене. Но оказалось, что то был магистр Иоанн, родственник императора, начальствовавший осадными машинами. В другой раз Святослав, выбрав темную, бурную ночь, с 2000 воинов сел в ладьи и, не замеченный греческими судами, собрал в ближних селениях, сколько можно было захватить, муки, хлеба и других съестных припасов, в которых осажденные терпели крайнюю нужду. На обратном пути он успел еще истребить целый греческий отряд, беспечно рассыпавшийся для водопоя и для рубки дров в лесу. Император сильно досадовал на начальников своего флота за их оплошность и грозил им смертною казнью, если подобная вылазка повторится. С этого дня Греки еще тщательнее начали оберегать все пути, ведущие в Дористол, и лишили осажденных всякой возможности промышлять себе припасы. Один византийский писатель (Кедрен) говорит, будто Иоанн Цимисхий, весьма искусный во всех военных упражнениях, во время этой осады предлагал Святославу не продолжать излишнего кровопролития, а решить дело их единоборством; но Святослав будто бы отвечал: «Я лучше врага своего знаю, что мне делать; если жизнь ему на-

скучила, то много способов от нее избавиться; пусть выбирает любой».

Осада длилась уже более двух месяцев. Русский князь потерял большую часть своей дружины и лучших своих воевод. В числе павших находился и Сфенкел. С его смертью первое место в войске после Святослава занял Икмор, не столько по своему происхождению, сколько по своим подвигам, необычайной силе и росту. В вылазке 20 июля он с особою яростию поражал Греков во главе отборного отряда. Тогда один из конных телохранителей Цимисхия, по имени Анемас, родом критянин, отличавшийся также большим мужеством и силою, разгорячив своего коня, понесся на Икмора и поразил его прямо в шею с такою мощью, что голова русского богатыря упала на землю вместе с правою рукою. Увидав его падение, Руссы подняли отчаянные вопли, а Греки ободрились, ударили с новою энергией и заставили своих неприятелей уйти в город.

С падением Икмора уныние и отчаяние проникли в среду неукротимой русской рати. Святослав созвал на совет воевод и старшую дружину и спросил, что делать. Некоторые предлагали выбрать глухую ночь и, сев на суда, спасаться бегством; но другие, указывая невозможность пройти мимо огненосных греческих кораблей, советовали заключить мир с императором. Тогда князь стал напоминать товарищам славу непобедимого русского оружия, которое покорило целые страны. «И к чему послужит нам жизнь, спасенная бегством или унижением? – говорил

он. – Нас будут презирать те самые народы, которые доселе трепетали перед нами. Нет, если не можем добыть победы, то добудем себе славной смерти». Конечно, византийские историки, влагая подобные речи в уста своих героев, следовали в этом отношении классическим образцам; но несомненно, что в таком смысле Святослав говорил своей дружине и действительно сумел вдохнуть в нее новое мужество и новые силы. Опять последовали отчаянные битвы. Во время одной из них и самой упорной Анемас, усмотрев Святослава, примером своим одушевлявшего русские полки и сильно теснившего Греков, вздумал повторить тот же удар, который ему удался против Икмора. Мечом своим он проложил себе дорогу к русскому князю и поразил его в самую ключевую кость. Удар был так силен, что Святослав упал с коня; но крепкая кольчуга и щит охранили его. Окруженный неприятелями, Анемас многих побил; но наконец пал под ударами русских копий. Смерть его ободрила Руссов и опечалила Греков. Последние начали отступать. Император, видя крайнюю опасность, велел ударить в бубны и трубить в трубы и сам с копьем в руке, во главе своего отряда бессмертных, понесся на русские дружины. Греки возобновили битву; на помощь к ним явилась внезапная буря, которая понесла облака пыли на русское войско и заслепила ему глаза. Между тем особый греческий отряд, предводительствуемый Вардою Склиром, зашел в тыл Русскому войску и грозил отрезать его от города. Тогда Руссы поспешно отступили. Сам Святос-

лав, израненный и истекающий кровью, едва спасся от плена. Впоследствии у Греков сложилась легенда, что на поле битвы явился какой-то воин на белом коне, который чудесным образом поражал Руссов и расстраивал их ряды: то был не кто иной, как мученик Феодор Стратилат, которого сама Богородица послала на помощь императору Иоанну.

Наконец, когда все средства для борьбы были истощены и в Дористоле настал ужасный голод, Святослав решился просить мира. Цимисхий охотно согласился: хотя Греки не имели ни в чем недостатка и получали подкрепления, однако и они были утомлены такою отчаянною обороною, и они сильно желали мира. Русский князь обязался выдать всех пленников, сдать Дористол и уйти из Болгарии. Он обязывался и впредь не помышлять о войне с Греками, не нападать на греческие владения в северном Черноморье, именно на Корсунскую область, а также на страну Дунайских Болгар, и не только самому не нападать, но препятствовать в том и другим неприятелям Греков. Обязательства эти Русь должна была подтвердить обычною клятвою на своем оружии, Перуном и Волосом. С своей стороны император давал Руси свободный путь для возвращения в отечество; а также согласился по-прежнему допускать русских торговцев в Византию и обходиться с ними по-дружески. Договор заключен синкелом Феофилом от имени Цимисхия и двух молодых императоров, братьев Василия и Константина. А с русской стороны в

грамоте, писанной под Дористолом, кроме Святослава, упоминается только один воевода Свенельд, по всей вероятности, занимавший теперь первое место после князя.

Цимисхий велел раздать голодающей Руси хлеб, по две меры на человека. Византийский историк Лев Диакон говорит, что из 60 000 приведенных Святославом в Болгарию насчитали теперь только 22 000. Но и из этого числа едва ли более половины оставалось способных к бою. При заключении договора Святослав попросил о личном свидании с императором и получил согласие. Они свиделись на берегу Дуная. Цимисхий явился на коне, покрытый своим позлащенным вооружением; за ним следовал отряд всадников в блестящих доспехах. А Святослав подъехал к берегу в ладье, причем действовал веслом наравне с прочими гребцами. Греки с любопытством рассматривали наружность русского князя. Он был среднего роста, статен, широкоплеч и с мускулистой шеей; имел голубые глаза и густые брови, нос немного плоский, подстриженную бороду и длинные усы. С его оголенной головы спускался на бок локон волос, по обычаю знатных русских людей. В одном ухе он носил золотую серьгу, украшенную рубином и двумя жемчужинами. Выражение его лица показалось Грекам суровым и мрачным. На нем был наброшен белый плащ, такой же, как и у всех его товарищей. Не выходя из ладьи, он через переводчика поговорил немного с императором и отъехал назад. По всему вероятию, при этом свидании Святослав просил

императора, чтобы он потребовал от Печенегов свободного пропуска Руссов в отечество. Цимисхий обещал.

Когда Русь села на свои суда и удалилась, император занял Дористол и другие дунайские крепости, а затем воротился в столицу. Победа над таким храбрым неприятелем, какова была Русь, и избавление империи от грозного Святослава покрыли Цимисхия громкою славою. Патриарх, епископы, сенаторы и огромная толпа византийских граждан встретили его за стенами города с победоносными песнопениями и поздравлениями. Ему поднесли скипетры и золотые венцы и подвели триумфальную колесницу, запряженную белыми конями. Император принял венцы и скипетры, но отказался сесть на триумфальную колесницу и велел поставить на нее взятую в Болгарии икону Богородицы; сам же следовал за нею на своем быстром коне, увенчанный диадемою. Столица принимала его, изукрашенная лавровыми ветвями, коврами и другими разноцветными тканями. Прежде всего император отправился в св. Софию, где совершил благодарственное моление и посвятил храму дорогой венец болгарских царей. Затем он вступает на форум Августеон, сопутствуемый пленным болгарским царем Борисом, и здесь в присутствии народной толпы приказывает ему снять с себя царские знаки, т.е. шитую золотом и осыпанную жемчугом шапку, багряный плащ и красную обувь. Вместо них Борис получил достоинство римского магистра. Таким образом, знаменитое

царство Дунайских Болгар, сломленное руками единоплеменной им Руси, объявлено простою областью Византийской империи.

Гибель Святослава

Между тем, пользуясь отсутствием русского князя и войска, хищные печенежские орды до того усилились, что во время пребывания Святослава в Болгарии напали на самый Киев и едва не овладели русскою столицею. Посольство, отправленное Цимисхием к этим кочевникам, предложило им вступить в союз с Греками; причем потребовало, чтобы они не переходили Дунай для опустошения Болгарии и не препятствовали возвращению Руссов в отечество. Печенеги согласились на первое; но в последнем требовании отказали. Так повествуют византийские историки. Сомнительно, чтобы Греки искренно хлопотали о безопасности Руссов. Вероятнее, что они действовали при этом не без лукавства и не прочь были погубить такого предприимчивого, опасного соседа, каким был Святослав.

Узнав, что Печенеги заступили дорогу, русский князь зазимовал в Белобережье, где-то около Днепровского устья. Здесь русская рать принуждена была терпеть страшную нужду в пище и питалась кониною; но и та была так дорога, что приходилось платить по полугривне за конскую

голову. Князь, конечно, поджидал помощи из Киева. Но, очевидно, или в Русской земле в то время дела находились в большом расстройстве, или там не имели точных сведений о положении князя, – помощь ниоткуда не приходила. На весну Святослав решился оружием пробиваться в отечество. С остатком своей рати он поплыл в ладьях по нижнему Днепру; но около порогов Русь должна была выйти на берег и идти степью, так как на ладьях невозможно было пройти пороги против течения. Тогда-то подстерегавшие Руссов печенежские орды окружили их, конечно, в удобном для себя месте. Произошла отчаянная сеча. Святослав пал, и только немногие Руссы успели воротиться в Киев с воеводою Свенельдом (972 г.). В русской летописи сохранилось известие о каком-то упрямстве князя, который не послушал совета Свенельдова, не пошел в Киев окольным путем, а с свойственною ему отвагою хотел пробиться сквозь Печенежскую орду. Та же летопись прибавляет, что печенежский князь Куря велел череп Святослава оковать металлом и на пирах пил вино из этой чаши – обычай, существовавший не только у диких турецких кочевников, но даже у германских и славянских народов во времена их варварства.

Так погиб знаменитый русский князь, которого излишняя отвага и жажда к завоеваниям завлекли слишком далеко.

* * *

О походе 943-944 гг. на Берду упоминают следующие восточные писатели: армянский Моисей Каганкатоваци, живший в конце X века, персидский Низами в XII веке; арабские: Якут, Ибн Эль Атир и Бар-Гебрей или Абульфарадж в XIII в., Абульфеда в XIV в. и некоторые другие, более поздние. Наиболее обстоятельный рассказ дает Ибн Эль Атир в своей «Полной летописи». См. упомянутый выше Каспий Дорна стр. 495 и след. Здесь сведены все известия об этом походе. Прежде Дорна тому же предмету посвящены были труды ориенталистов: Эрдмана – De Expeditione Russorum Berdaam versus, auctore imprimis Nisamio (Casani. 1826-1827, два тома) и Григорьева. – О древних походах Руссов на восток (Журн. М. Н. Пр. за 1835 г. ч. V). До какой степени Руссы прославились на востоке своими походами в Каспийское море и в Закавказье, показывает особенно произведение Низами, персидского поэта XII века. Он написал большую поэму «Искендер Наме», в которой воспевает подвиги Александра Македонского; чтобы возвысить его еще более, он заставляет Александра предпринять победоносный поход против неукротимых Руссов для освобождения города Берды. Французский перевод той чести поэмы, которая касается Руссов, издал Шармуа под заглавием: Expedition d'Alexandre le Grand contre les Russes, St.-Ptrsb. 1827. О поэте Низами и его из-

вестии о походе Руссов см. еще Сборник матер, для описания места и плем. Кавказа. Вып. 26. Тифлис. 1899.

О разорении Саркела и войне с Ясами и Касогами упоминает Русская летопись под 965 годом. А о нашествии Руссов на Камских Болгар и Хазар в 968 г. говорит Ибн Хаукал, арабский писатель X века, следовательно, современник события (См. Френа – Ibn Fozland, стр. 64-66). Напрасно Френ и последующие писатели старались разорение Саркела, поход Святослава на Ясов и Касогов, а также погром Булгарии и Хазарии – все это слить в один поход, т.е. слить известия Русской летописи и Ибн Хаукала. Здесь, конечно, надобно разуметь целый ряд походов и предприятий, и, может быть, не все они были совершены под непосредственным начальством Святослава. Почти одновременно с хазарскими войнами начались его походы в Дунайскую Болгарию.

Что касается до известия Русской летописи, из которого можно заключить, что поводом к войне с хазарами послужила дань, которую платили им вятичи, то известие это, очевидно, неверно. Историография продолжала повторять его, хотя уже Карамзин справедливо заметил, что в то время между вятичами и Хазарской державой жили печенеги и русские, и потому эта дань сомнительна. Теперь, когда мы знаем, что русские владения в те времена соседили с хазарскими на Тамани и в Тавриде, нам понятны враждебные столкновения Руси с хазарами и другими При-

кавказскими народами (См. мое исслед. «Русь и Болгаре на Азовском поморье»). Но во время летописца оторванный от Руси Тмутараканский край и его история, очевидно, уже начали приходить в забвение.

Лев Диакон предлогом к войне болгар с Византией выставляет дань, а Кедрен и Зонара – угров. Относительно подарков, отправленных Никифором к Святославу, первый приводит невероятное количество золота, именно 1500 фунтов.

Главными источниками для истории борьбы Святослава с Цимисхием служат греческие писатели: Лев Диакон (Leonis Diaconi Historiae, Lib. VI-IX. Ed. Bon.), Кедрен (Cedreni Historiarum compendium. T. II. 283-413. Ed. Bon.), Зонара (Zonarae Annates. T. II. Lib. 17. Cap. I-IV) и Русская летопись (по Лаврент. и Ипат. спискам). Известия из Кедрена и Зонары собраны у Стриттера в Memoriae Populorum (II. 988 и след.); а вольный перевод Льва Диакона на рус. язык сделан Д.Поповым и издан Академией Наук (СПб. 1820). Наиболее драгоценным источником должно считать Льва Диакона, как современника и, может быть, очевидца событий; но изложение его местами сбивчиво и риторично, так что в точности и обстоятельности он уступает иногда Кедрену или собственно Скилице, который жил в XI веке и которого сочинением воспользовался Кедрен. Любопытно при этом, что современник Святослава Лев Диакон называет Руссов Тавроскифами; а сами себя, по его замечанию,

они именуют Рось. Так, рядом с этим народным именем греки еще продолжали отмечать наших предков географическими названиями Скифов и Тавроскифов. Точно так же болгар Лев Диакон называет Мисиянами, т.е. именем, заимствованным из классической географии.

Критический свод источников см. у Шлецера «Нестор». Часть III. (Рус. перевод Языкова. СПб. 1819.) и Черткова «Описание войны Святослава против болгар и греков» (Рус. Историч. Сборник. Т. VI. Москва. 1843). Шлецер и Чертков дали слишком много значения известиям Русской летописи; между тем как она для этой войны представляет лишь немногие данные, заимствованные из греческих источников, но искаженные баснями и собственными домыслами. Самостоятельного исторического материала в ней только отрывок из договора с Цимисхием и рассказ о гибели Святослава. Кроме того, она сообщает о нападении Печенегов на Киев и последовавшей затем смерти Ольги. По поводу нападения Печенегов приведено сказание о том, как один киевлянин, знавший печенежский язык, прошел неприятельский стан под видом Печенега, отыскивающего своего коня. Подходя к берегу Днепра, он бросился в реку, достиг противоположного берега и известил воеводу Претича о том, что Киев едва держится и готов сдаться врагу. На рассвете следующего дня Претич со своими людьми в лодках поплыл к городу с громким трубным звуком. Печенеги подумали, что приближается сам князь, отступили и пр. Любопыт-

но, что подобная же военная хитрость встречается у древних писателей, в Истории Боспорского царства. Именно Поллиен (Stratag. кн. V, гл. 26) рассказывает об осаде города Феодосии боспорским царем Сатиром I. Союзники Феодосийцев Ираклейцы прислали им на помощь полководца Тинниха. Последний, имея слишком мало судов, высадил на берег трубачей и приказал играть попеременно. Осаждавшие подумали, что пришел сильный флот, и отступили.

Несколько дельных замечаний о войне Святослава в Болгарии можно найти в статье г. Белова «Борьба Святослава Игоревича с Иоанном Цимисхием» (Журн. М. Нар. Пр. 1873. Декабрь) и в исследовании г. Дринова «Южные Славяне и Византия в X веке» (Чтен. Об. И. и Др. 1875. кн. 3). Последний предлагает догадку, что Болгарское царство уже при Петре Симеоновиче распалось на две части: в западной половине был провозглашен царем Шишман, отец Самуила, известного противника Василия II Болгаробойцы. Действительно, завоевания Святослава и Цимисхия обнимали, по всем данным, только восточную половину Болгарии; а западная ее половина позднее была покорена императором Василием II. Но отсюда скорее можно заключить, что Западная Болгария отделилась не при жизни Петра, а именно во время завоевания Болгарии Святославом. Последний успел покорить собственно ближайшую и богатейшую часть, т.е. Придунайскую Болгарию; между тем западные области Болгарского государства на время

сохранили свою независимость, чему помогли и географическое их положение, защищенное высокими горными хребтами, и вероятное существование отдельных племенных князей, еще не уничтоженных вполне болгарскими царями из династии Асперика.

Данных событий коснулся в своих трудах французский византинист Шлюмберже. В томе, посвященном Никифору Фоке (Paris, 1890), в гл. XII и XV он распространяется о миссии Калокира и завоевании Болгарии Святославом. В томе, посвященном Иоанну Цимисхию (L'epopee Byzantine. P. 1896), он пытается возможно подробнее передать его войну со Святославом. К сожалению, погоня за картинным изложением и обилие материала нередко сопровождаются всякого рода преувеличениями, неточностями, наивными вымыслами и явным недостатком критики; причем встречаются ссылки на авторов весьма сомнительной авторитетности, вроде Куре, Ламбина, помянутого выше Белова, Черткова, краткого учебника Русской истории Рамбо и т.п. Русь у него по старому домыслу постоянно отождествляется с Варягами-Скандинавами. Тут у него являются на сцену Валгалла и «бешеные берсеркеры», скандинавское построение треугольником, варяжские «знаменитые секиры» и т.п. фантазии. Войны Руси с Болгарией иллюстрируются миниатюрными изображениями, взятыми из Ватиканской рукописи Манасии. Но миниатюры эти относятся к XIV веку. «Авлу», или дворец болгарских царей, Шлюмберже на-

зывает татарским «аулом» и развалины его находит подле города Шумлы. По моему мнению, известие Византийцев об обороне русских во дворце на особом холме под Преславой следует сопоставить с надписью в Тырновой мечети о насыпке холма и постройке новой авлы. (См. в моей Второй Дополнит, полемике VII статью по поводу №№ VI и VII Известий Русского Археологического института в Константинополе.) Год Святославовой смерти мы оставили, как в летописи; по исследованию же Срезневского она относится к 973 г. (Изв. 2-го Отд. Акад. Н. т. VII), также по мнению гг. Куника и Васильевского («О годе смерти Святослава». СПб. 1876). А по летописи Яхьи Антиохийского – к 971 г. (см. в издании барона Розена).

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Плеханов
СВЯТОСЛАВ
ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Предисловие
Не мир, но меч... .....

Константинополь.
Вуколеонский дворец .....

Переяславец на Дунае .....

Константинополь.
Влахернский дворец .....

Доростол .....

Ромейский лагерь под Доростолом .....

Дунай .....

Константинополь. Улица Меса.
Большой дворец .....

Белобережье .....

Константинополь. Большой дворец .....

Послесловие
Война с памятниками. .....

Краткая летопись жизни Святослава .....

ПРИЛОЖЕНИЕ

Повесть Временных лет
о княжении Святослава Игоревича .....

Иоанн Скилица
О войне с Русью императоров
Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия .....

Д.И. Иловайский
Князь Святослав Игоревич .....

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

Сергей Плеханов

СВЯТОСЛАВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

12+ Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru